

Жорж Сименон

Мегрэ у министра

<http://book.zehinli.info>

Глава I

Отчет покойного Калама

Всякий раз, возвращаясь вечером домой, Мегрэ на одном и том же месте, чуть не доходя фонаря, поднимал голову к освещенным окнам своей квартиры. Делал он это совершенно произвольно. Возможно, если бы его неожиданно спросили, есть ли свет в окнах, он затруднился бы ответить.

Так же машинально, между вторым и третьим этажом, он начинал расстегивать пальто и доставал ключ из кармана брюк, хотя не было еще случая, чтобы дверь не открылась, едва он ступал на циновку у порога квартиры.

У его жены, например, выработалась особая манера одновременно брать из его рук мокрый зонтик и наклонять голову, чтобы поцеловать мужа в щеку. Сегодня у нее не будет такой возможности: дождя не было. Это был один из ритуалов, сложившихся за долгие годы, и Мегрэ привык к нему больше, чем ему хотелось бы в этом сознаться.

В передней он задал традиционный вопрос:

- Никто не звонил?

Закрывая дверь, жена ответила:

- Звонили. Боюсь, что тебе нет смысла снимать пальто.

День был пасмурный - ни теплый, ни холодный; часа в два прошел дождь со снегом. На набережной Орфевр Мегрэ занимался сегодня только текущими делами.

- Ты хорошо пообедал?

Освещение в квартире было теплое, уютное, не то что в служебном кабинете. Рядом со своим креслом Мегрэ увидел столик с разложенными газетами и домашние туфли.

- Я обедал с шефом, Люка и Жанвье в пивной "Дофин".

После обеда все четверо отправились на собрание общества взаимного страхования полицейских. В течение последних трех лет Мегрэ неизменно избирался его вице-президентом.

- У тебя есть время выпить чашечку кофе. Сними пальто. Я сказала, что ты вернешься не раньше одиннадцати.

Было половина одиннадцатого. Заседание длилось недолго, и после него многие зашли в пивную, чтобы выпить по кружечке. Мегрэ вернулся домой на метро.

- Кто звонил?

- Министр.

Нахмутив брови, Мегрэ смотрел на жену.

- Какой министр?

- Общественных работ. Его фамилия Пуан, если я правильно расслышала.

- Огюст Пуан? Звонил сюда? Сам?

- Да.

- Ты ему не сказала, чтобы он позвонил на набережную Орфевр?

- Он хочет поговорить лично с тобой. Ему необходимо немедленно с тобой повидаться. Когда я ответила, что тебя нет дома, он спросил, не служанка ли я. Мне показалось, что он был очень раздосадован. Я сказала, что я мадам Мегрэ. Он извинился и спросил, где ты и когда вернешься. На меня он произвел впечатление человека, чем-то напуганного.

- Репутация у него совсем другая.

- Он очень настойчиво расспрашивал, одна я дома или нет. Предупредил меня, что этот звонок должен остаться в тайне, что он звонит не из министерства, а из кабины автомата и что для него чрезвычайно важно встретиться с тобой как можно скорее.

Пока жена рассказывала, Мегрэ смотрел на нее, насупившись, всем своим видом выражая крайнюю неприязнь ко всему, что связано с политикой. За время его службы было несколько случаев, когда государственный деятель-депутат, сенатор или вообще какая-нибудь важная птица - обращался к его услугам. Но они всегда делали это через его начальство.

Каждый раз его вызывал к себе шеф, и разговор начинался примерно так:

- Дорогой Мегрэ, уж извините меня, но мне придется поручить вам дело, которое вас, наверно, не обрадует.

Как правило, это действительно были очень неприятные дела.

С Огюстом Пуаном Мегрэ не был знаком и даже ни разу не видел его.

Пуан был не из тех, о ком часто пишут в газетах.

- Почему он не позвонил на набережную Орфевр? Этот вопрос он задал скорее себе самому. Но мадам Мегрэ все же ответила:

- Откуда мне знать? Я повторила все, что он сказал. Звонил он из автомата...

Эта деталь произвела на мадам Мегрэ очень сильное впечатление: для нее министр был человеком настолько значительным, что ей трудно было представить, как он поздним вечером чуть ли не тайком пробирается по бульвару к будке автомата.

- ...и сказал, что ты должен приехать не в министерство, а на квартиру, которую он сохранил...

Она заглянула в бумажку, на которой записала адрес.

- ...бульвар Пастера, дом двадцать семь. Консьержку можешь не беспокоить, поднимайся прямо на пятый этаж, налево.

- Он ждет меня?

- Он будет ждать столько, сколько нужно. Ему надо вернуться в министерство не позже полуночи. И совсем другим тоном она спросила:

- Ты не думаешь, что это розыгрыш? Мегрэ покачал головой. Конечно, все это выглядело очень необычно и странно, но на розыгрыш не похоже.

- Выпьешь кофе?

- Нет, спасибо. После пива не стоит... Не присев, он выпил рюмочку сливянки, взял с камина чистую трубку и направился к выходу.

- До свидания.

Когда Мегрэ снова вышел на бульвар Ришар-Ленуар, влажность, целый день ощущавшаяся в воздухе, начала сгущаться в капельки тумана: вокруг фонарей возникли радужные кольца. Мегрэ не взял такси. На бульвар Пастера можно быстро добраться на метро. Возможно, он так решил потому, что не чувствовал себя при исполнении служебных обязанностей.

В поезде, уставившись на какого-то усатого мужчину напротив, читавшего газету, Мегрэ не переставал спрашивать себя, что нужно Огюсту Пуану и почему он так срочно и так таинственно пригласил его к себе.

Ему было известно только, что Пуан был раньше адвокатом - в Вандее, в Ла-Рош-Сюр-Йон - и на политическую арену вступил довольно поздно. Он принадлежал к числу тех депутатов, которых избирали после войны за стойкость и безупречное поведение, проявленные во время оккупации.

Чем именно он себя проявил, Мегрэ не знал. Но в то время как некоторые из депутатов проходили через Палату, не оставляя после себя никакого следа, Пуана каждый раз переизбирали, и три месяца назад, когда был сформирован последний кабинет, он получил портфель министра общественных работ.

Комиссару не приходилось слышать, чтобы о Пуане ходили какие-нибудь слухи, как о большинстве политических деятелей. Его жена также не давала повода говорить о себе. То же и с детьми, если они у него были.

Когда Мегрэ вышел из метро на станции Пастер, туман еще сгустился. Он был желтоватый, и Мегрэ ощутил привкус пыли на губах. На бульваре не было ни души, слышались только отдаленные шаги где-то у Монпарнаса; оттуда же донесся свисток паровоза, отъезжающего от вокзала.

Кое-где еще светились окна, и в густой мгле это создавало ощущение покоя и безопасности. Дома здесь не были ни богатыми, ни бедными, ни новыми, ни старыми; квартиры были почти одинаковые, и населяли их в основном представители среднего класса - преподаватели, чиновники, служащие; каждое утро в одно и то же время все они торопились к метро или автобусу.

Мегрэ нажал кнопку звонка. Дверь открылась, он пробормотал неразборчиво какое-то имя и направился прямо к лифту.

Лифт, тесный, на двух человек, поднимался медленно, но без толчков и шума. Лестница освещена тускло. Двери на всех этажах одного и того же темно-коричневого цвета, циновки у дверей совершенно одинаковые.

Мегрэ позвонил в квартиру слева, и дверь тут же, словно за нею стояли и ждали, открылась.

Это был Пуан. Он вышел на площадку и отправил лифт вниз. Мегрэ об этом не подумал.

- Простите, что я вас так поздно побеспокоил, - пробормотал хозяин. - Проходите, пожалуйста.

Мадам Мегрэ была бы разочарована. Пуан совершенно не отвечал тому представлению, какое у нее было о министрах. Ростом и комплекцией он походил на комиссара, но был чуть плечистей, чуть покрепче сколоченный и, если можно так выразиться, чуть более крестьянин. Его лицо с резко очерченными линиями, крупным носом и ртом казалось вырезанным из конского каштана.

На нем был дешевый серый костюм и невыразительный галстук. Во внешности Пуана особенно поражали две вещи: брови, шириной и густотой похожие на усы, и волосатые руки.

Пуан тоже разглядывал Мегрэ, не пытаясь это скрывать вежливой улыбкой.

- Присядьте, комиссар.

Квартира чуть поменьше, чем на бульваре Ришар-Ленуар, видимо, состояла из двух, ну, может, из трех комнат и маленькой кухни. Из передней, где висела какая-то одежда, они прошли прямо в

кабинет, который наводил на мысль, что находишься в квартире холостяка. На решетчатой полочке, висящей на стене, лежало с дюжину трубок, несколько глиняных и одна очень красивая - пенковая. Старомодное бюро - такое когда-то было у отца Мегрэ, - заваленное бумагами и усыпанное пеплом, имело огромное количество всякого рода ящиков и ящичков. Мегрэ не решился разглядывать фотографии отца и матери Пуана, висящие на стене в одинаковых черно-золотых рамках, какие можно увидеть на любой ферме в Вандее.

Усевшись в вертящееся кресло, тоже похожее на кресло отца Мегрэ, Пуан небрежно прикоснулся к коробке с сигарами.

- Полагаю... - начал он.

Комиссар, улыбнувшись, пробормотал:

- Предпочитаю трубку.

Министр протянул ему начатую пачку светлого табака и раскурил свою почти угасшую трубку.

- Вы, должно быть, очень удивились, услышав от жены...

Он попытался начать разговор и остался недоволен первой фразой. То, что происходило, выглядело немного странным. В тихом и теплом кабинете сидели двое мужчин почти одинакового сложения, почти одного возраста и откровенно разглядывали друг друга. Было видно, что они обнаружили друг в друге много общих черт, это возбуждало их любопытство, но они не решались признать, что они в некотором роде братья.

- Послушайте, Мегрэ, не стоит ходить вокруг да около. Это ни к чему не приведет. Я вас знаю только по газетам и по тому, что приходилось слышать.

- Я также, господин министр.

Движением руки Пуан как бы дал понять, что этот титул сейчас неуместен.

- Я попал в отчаянное положение. Никто еще этого не знает. Никто еще об этом не подозревает - ни председатель совета министров, ни моя жена, которая обычно в курсе всех моих дел. Я обратился к вам.

Он на мгновение отвел взгляд, затянулся трубкой, как бы опасаясь, что последняя фраза может быть понята как банальная замаскированная лесть.

- Я не хотел идти официальным путем и обращаться к начальнику уголовной полиции. То, что я делаю, - нарушение правил, и вы не были обязаны приходить ко мне, равно как не обязаны мне помогать.

Вздохнув, он поднялся с кресла.

- Выпьете рюмочку?

И добавил, слабо улыбнувшись:

- Не бойтесь. Я не собираюсь вас подпоить. Просто сегодня вечером мне хочется немного выпить.

Пуан прошел в соседнюю комнату и вернулся с бутылкой и двумя стопками, похожими на те, которые подают в деревенских кабачках.

- Эту водку мой отец гонит каждую осень. Бутылке уже двадцать лет.

Подняв стопки, они посмотрели друг на друга.

- Ваше здоровье.

- Ваше, господин министр.

На этот раз Пуан, вероятно, не расслышал последних слов.

- Если я затрудняюсь начать, то не потому, что смущен вашим присутствием, а потому, что эту историю очень трудно рассказать так, чтобы все было ясно и понятно. Вы читаете газеты?

- В те вечера, когда преступники оставляют мне для этого время.

- За политическими событиями следите?

- Почти нет.

- Вам известно, что я не тот, кого называют политиканом? Мегрэ кивнул.

- Надеюсь, вы знаете о катастрофе в Клерфоне?

Тут Мегрэ невольно вздрогнул, и, видимо, на его лице против воли отразились досада и недоверие, так как его собеседник наклонил голову и тихо добавил:

- К сожалению, дело касается этой катастрофы.

В метро Мегрэ пытался угадать, о чем министр собирается говорить с ним по секрету. О клерфонском деле он, однако, не подумал, хотя последний месяц все газеты были полны только им.

Санаторий в Клерфоне, в Верхней Савойе, между Южене и Межевом, на высоте свыше четырехсот метров над уровнем моря, был одним из наиболее впечатляющих начинаний после войны.

Кто именно выдвинул идею создать для самых нуждающихся детей санаторий, не уступающий частным, Мегрэ не помнил - с того времени прошло несколько лет. Когда-то об этом очень много говорили. Некоторые усматривали в этой затее чисто политические мотивы, и в парламенте происходили жаркие дебаты. Была создана комиссия для изучения проекта, который после длительных споров все же был реализован.

Месяц тому назад произошла катастрофа, одна из наиболее ужасных в истории. Снега начали таять в такую пору, в какую на памяти людей этого никогда не бывало. Реки в горах вздулись. То же самое произошло с подземной речкой Лиз, настолько незначительной, что ее даже не было на картах, однако она сумела подмыть фундамент одного крыла санаторного здания.

Следствие, начавшееся на другой же день после несчастья, не было еще закончено. Эксперты никак не могли прийти к единому мнению. Газеты тоже, тем более что в зависимости от направления они защищали противоположные мнения. Сто двадцать восемь детей погибли, когда обрушилось одно из зданий, остальных поспешно эвакуировали.

Немного помолчав, Мегрэ пробормотал:

- Вы не были членом правительства во время постройки Клерфона, не правда ли?

- Нет. Я даже не был членом парламентской комиссии, которая голосовала за кредиты. По правде говоря, до последних дней я знал об этом деле лишь то, что знают все из газет.

Пуан помолчал.

- Вам не приходилось что-нибудь слышать об отчете Калама, комиссар?

Мегрэ посмотрел на него с удивлением и покачал головой.

- Услышите. Вам, несомненно, придется слышать о нем даже слишком часто. Вы, наверное, не читаете маленьких еженедельников, таких, как, например, "Молва"?

- Никогда.

- Эктора Табара знаете?

- Понаслышке. Моим коллегам с улицы Соссэ он должен быть известен лучше, чем мне.

Мегрэ намекал на Сюртэ <Сюртэ-политическая полиция во Франции.>, которая находится в непосредственном подчинении министерства внутренних дел и часто получает задания, в той или иной степени связанные с политикой. Табар - это грязный журналист, который использует свой напичканный сплетнями еженедельник для шантажа.

- Прочтите вот здесь. Это появилось через шесть дней после катастрофы.

Заметка была короткой и загадочной:

"Решатся ли, наконец, когда-нибудь под давлением общественного мнения раскрыть содержание отчета Калама?"

- И это все? - удивился комиссар.

- Вот выдержка из следующего номера: "Вопреки распространенному мнению падение нынешнего правительства произойдет ближайшей весной не по причине событий в Северной Африке или других вопросов внешней политики, а из-за отчета Калама. Кто скрывает отчет Калама?"

Слова "отчет Калама" прозвучали для Мегрэ несколько комично, и он, улыбнувшись, спросил:

- Кто такой Калам?

Пуан не улыбался. Выбивая пепел из трубки в большую медную пепельницу, он объяснил:

- Он был профессором Школы дорог и мостов. Два года назад умер, если не ошибаюсь, от рака. Его имя неизвестно широкой публике, но его хорошо знают специалисты по строительной механике и гражданской архитектуре.

Калама часто приглашали консультировать на крупные строительства в Японию и Южную Америку. Он был непререкаемым авторитетом во всем, что касалось прочности материалов, особенно бетона. Он написал труд, который ни вы, ни я не читали, но который имеется у каждого строителя, - "Болезни бетона".

- Калам участвовал в строительстве Клерфона?

- Косвенно. Разрешите мне рассказать вам эту историю, следуя моей собственной хронологии. До катастрофы, как я вам уже говорил, я знал о санатории только то, что печаталось в газетах. Я даже не помню, голосовал я "за" или "против" этого проекта пять лет назад. Мне пришлось просмотреть "Правительственный Вестник", чтобы обнаружить, что я голосовал "за". Так же, как и вы, я не читаю "Молву". После второй заметки в газете меня вызвал премьер-министр и спросил: "Вы знакомы с отчетом Калама?" Я честно ответил ему, что не знаком. Он, как мне показалось, был удивлен и, если я не ошибаюсь, посмотрел на меня с некоторым недоверием. "Однако, - сказал он, - отчет должен находиться в ваших архивах".

И тут он ввел меня в курс дела. Во время дебатов по поводу Клерфона пять лет назад парламентская комиссия не могла прийти к единому мнению, и какой-то депутат - не знаю, кто именно, - предложил поручить авторитетному специалисту произвести квалифицированную экспертизу.

Этот депутат назвал имя профессора Жюльена Калама из Школы дорог и мостов. Тот потратил какое-то время на изучение проекта и даже съездил на место предполагаемого строительства в Верхнюю Савойю. Затем составил отчет, который, естественно, должен был быть вручен комиссии.

Мегрэ показалось, что он начинает понимать.

- Заключение было неблагоприятным?

- Подождите. Когда премьер-министр рассказывал мне об этом деле, он уже отдал распоряжение о розыске отчета в парламентских архивах. Само собой разумеется, что этот отчет должны были обнаружить в бумагах комиссии. Но, как выяснилось, там не нашли не только самого отчета, но исчезла также часть протоколов. Вы понимаете, что это значит?

- Что кое-кто заинтересован, чтобы он не был опубликован.

- Прочтите вот это.

Это была еще одна заметка из "Молвы", тоже короткая, но не менее угрожающая.

"Настолько ли могуществен Артюр Нику, чтобы помешать отчету Калама увидеть свет?"

Мегрэ слышал это имя, как и сотни других. Он часто встречал название фирмы "Нику и Совгрэн", когда речь шла о строительстве - дорог, мостов или плотин.

- Постройкой Клерфона занималась фирма "Нику и Совгрэн"?

Мегрэ начинал жалеть о том, что пришел сюда. Он испытывал к Огюсту Пуану естественную симпатию, но история, которую он услышал, была ему неприятна так же, как если бы при нем женщине рассказывали неприличный анекдот.

Мегрэ пытался догадаться, какую роль Пуан мог играть в этой трагедии, стоившей жизни ста двадцати восьми детям. Еще немного, и он напрямик задал бы вопрос: "Какова ваша роль в этом деле?"

- Он догадывался, что за люди были причастны к этому. Политические деятели. Притом высокопоставленные.

- Я постараюсь поскорее закончить рассказ. Премьер-министр попросил меня предпринять тщательные поиски в архивах моего министерства. Ведь Национальная школа дорог и мостов подчиняется непосредственно министерству общественных работ. Очевидно, у нас где-то должна была храниться хотя бы одна копия отчета Калама.

Снова прозвучали сакраментальные слова "отчет Калама".

- И вы ничего не нашли?

- Ничего. Совершенно напрасно были перерыты, даже на чердаках, тонны пыльных бумаг.

Мегрэ почувствовал себя неуютно и заерзал в кресле. Это не укрылось от его собеседника.

- Вы не любите политику?

- Да, не люблю.

- Я тоже. Как ни странно это звучит, но двенадцать лет назад я выставил свою кандидатуру на выборах, чтобы бороться против такой грязной политики. И когда три месяца назад мне предложили портфель министра, я дал себя уговорить с единственной надеждой внести немного чистоты и порядочности в общественные дела. Мы, моя жена и я, - простые люди. Вы видите, какую квартиру мы занимаем во время сессий парламента.

Это больше похоже на пристанище холостяка. Моя жена могла бы остаться в Ла-Рош-Сюр-Йон, где у нас свой дом, но мы не привыкли жить отдельно.

Пуан говорил совершенно естественно, без всякой сентиментальности в голосе.

- С тех пор, как я стал министром, мы официально живем при министерстве, на бульваре Сен-Жермен, но прибегаем к этому убежищу как можно чаще. Особенно по воскресеньям.

Но это все неважно. Если я вам звонил из автомата, как вам, должно быть, сказала ваша жена, - если не ошибаюсь, у нас жены одной породы, - то это потому, что мой телефон, как я подозреваю, поставлен на подслушивание. Убежден, что все мои разговоры как из министерства, так и из квартиры где-то записываются. Предпочитаю не знать, где именно.

Добавлю без особой гордости, что сегодня вечером, перед тем как прийти сюда, я зашел в кино на бульваре, вышел через другой выход на другую улицу и дважды менял такси. И все же не поручусь, что за домом не наблюдают.

- Я никого не заметил, когда входил.

У Мегрэ появилось чувство жалости к Пуану. До сих пор Пуан пытался говорить бесстрастным голосом. Но по мере приближения к главному он стал нервничать, ходить вокруг да около, как бы боясь, что Мегрэ составит обо всем этом ложное впечатление.

- Архивы министерства были перевернуты вверх дном, и одному богу известно, сколько там обнаружилось бумаг, о которых никто на свете никогда и не вспомнит. Все это время, по меньшей мере дважды в день, мне звонил премьер, и у меня нет никакой уверенности, что он мне доверяет.

Поиски были предприняты также и в Школе дорог и мостов. Но и они, к сожалению, не дали никакого результата... до вчерашнего утра.

Мегрэ не смог удержаться от вопроса - так обычно спрашивают о конце романа:

- Значит, отчет Калама нашли?

- Да, вероятно, это и был отчет Калама.

- Где?

- На чердаке Школы.

- Кто-нибудь из преподавателей?

- Нет. Смотритель. Вчера днем мне подали визитную карточку какого-то Пикмаля, о котором я в жизни не слышал. На ней карандашом было написано:

"По поводу отчета Калама". Я сейчас же принял его. Предварительно я отослал мою секретаршу, мадемуазель Бланш, хотя и работаю с ней уже лет двадцать; она тоже из Ла-Рош-Сюр-Йон и служила еще в моей адвокатской конторе. Вы увидите, что это имеет значение. Заведующего моей канцелярией тоже не было. Я остался наедине с человеком средних лет; у него неподвижный взгляд; он молча стоял передо мной, держа под мышкой пакет, завернутый в серую бумагу. "Месье Пикмаль?" - спросил я, несколько обеспокоенный, так как мне на мгновение показалось, что я имею дело с ненормальным. Он ответил кивком. "Садитесь". - "Не стоит".

Его взгляд мне показался неприязненным. Он почти грубо спросил меня:

"Вы министр?" - "Да". - "Я смотритель в Школе дорог и мостов".

Он сделал два шага вперед, протянул мне пакет и тем же тоном произнес: "Вскройте пакет и дайте мне расписку". В пакете находился документ страниц на сорок, являвшийся, очевидно, копией: "Отчет по экспертизе проекта санатория в Клерфоне, Верхняя Савойя". Подписи под документом не было, но на последней странице были напечатаны имя и звание Жюльена Калама, а также дата. Пикмаль повторил: "Мне нужна расписка". Я написал расписку. Он сложил ее, сунул в потрепанный бумажник и направился к выходу. Я остановил его: "Где вы нашли эти бумаги?" - "На чердаке". - "Вас, вероятно, пригласят, чтобы сделать письменное заявление". - "Мой адрес известен". - "Вы никому не показывали документ?". Он с презрением посмотрел мне в глаза: "Никому". "Там не было еще копий?" - "Насколько мне известно, не было". "Благодарю вас".

Пуан в замешательстве взглянул на Мегрэ.

- Здесь-то я и совершил ошибку, - продолжал он. - Все, вероятно, произошло из-за странного вида этого Пикмаля. Мне казалось, что так должен выглядеть анархист в момент, когда собирается бросить бомбу.

- Сколько ему лет? - спросил Мегрэ.

- Лет сорок пять. Одет средне. Взгляд-либо ненормального, либо фанатика.

- Вы навели о нем справки?

- Не сразу. Было пять часов. У меня в приемной сидели еще несколько человек, и вечером я должен был председательствовать на банкете инженеров. Увидев, что посетитель ушел, секретарша вернулась в кабинет, и я сунул папку с отчетом Калама в портфель.

Мне следовало бы тут же позвонить премьер-министру. И если я не сделал этого, то, уверяю вас, опять же только потому, что сомневался, не имею ли я дело с сумасшедшим. Не было никаких доказательств, что документ не фальшивка. Нам почти ежедневно приходится принимать людей с неуравновешенной психикой.

- Нам тоже.

- В таком случае вы должны меня понять. Прием затянулся до семи вечера. У меня оставалось времени только, чтобы зайти домой и переодеться.

- Жене вы рассказали о докладе Калама?

- Нет. Портфель я забрал с собой. Жене сказал, что после банкета заеду на бульвар Пастера. Я довольно часто так делаю. По воскресеньям мы здесь обедаем вдвоем, но иногда, когда у меня срочное дело и нужно спокойно поработать, я прихожу сюда один.

- Где происходил банкет?

- Во дворце д'Орсей.

- Портфель вы взяли с собой?

- Нет, я запер его на ключ и оставил под охраной моего шофера, которому я полностью доверяю.

- Вы вернулись прямо сюда?

- Около половины одиннадцатого. У министров есть то преимущество, что они не обязаны оставаться после речей.

- Отчет вы прочли?

- Да.

- Он показался вам подлинным? Министр утвердительно кивнул.

- Если его опубликовать, это действительно будет взрывом бомбы?

- Вне всякого сомнения.

- Почему?

- Потому что профессор Калам как бы предсказал катастрофу, которая и произошла. Хотя меня и поставили во главе министерства общественных работ, я не в состоянии пересказать вам его рассуждения и особенно технические детали, которые он приводит в поддержку своего мнения. Но что совершенно ясно - он был категорически против проекта, и каждый, кто прочел этот отчет, должен был голосовать против постройки Клерфона, по крайней мере в том виде, в котором он был запроектирован. Или требовать продолжения изысканий. Вы понимаете?

- Начинаю понимать.

- Каким образом еженедельнику "Молва" стало известно содержание отчета, не знаю. Может быть, у них есть копия? И этого не знаю.

Насколько могу судить, единственным человеком, который вчера вечером владел отчетом Калама, был я.

- Что же произошло?

- К полуночи я решил позвонить премьеру, но мне ответили, что он находится в Руане на каком-то политическом собрании. Я чуть не позвонил туда...

- Но не сделали этого?

- Нет. И только потому, что подумал о подслушивании. У меня было такое ощущение, что я держу ящик с динамитом, которым можно не только взорвать правительство, но и скомпрометировать кое-кого из моих коллег.

Совершенно невероятно, чтобы те, кто прочел этот отчет, могли...

Мегрэ понял, что хотел сказать Пуан.

- Вы оставили отчет здесь?

- Да.

- В бюро?

- Оно запирается на ключ. Я полагал, что здесь он находится в большей безопасности, чем в министерстве, где бывает слишком много людей, которых я едва знаю.

- Пока вы изучали отчет, ваш шофер был внизу?

- Я его отпустил. Потом взял такси на углу бульвара.

- Вы говорили с вашей женой по возвращении?

- Только не об отчете Калама. И на завтра я никому ни слова не сказал о нем до часа дня, до тех пор, пока не встретился с премьер-министром в Палате депутатов. Ему я все рассказал.

- Он был взволнован?

- Мне так показалось. Любой глава правительства в его положении был бы взволнован. Он попросил привезти и передать ему этот документ.

- Но отчета в вашем бюро уже не было?

- Да.

- Дверной замок был взломан?

- Не думаю.

- Вы виделись с премьером?

- Нет, я почувствовал себя совсем больным. Вернулся на бульвар Сен-Жермен и отменил все встречи. Жена позвонила премьер-министру и сказала, что у меня был обморок, я плохо себя чувствую и встречу с ним завтра.

- Ваша жена в курсе дела?

- Первый раз в жизни я ей солгал. Даже не помню точно, что я ей наговорил, но несколько раз, кажется, сам себе противоречил.

- Она знает, что вы сейчас здесь?

- Она думает, что я на собрании. Я не уверен, что вы понимаете, в каком положении я очутился. Внезапно я почувствовал себя совершенно одиноким, и у меня такое ощущение, что стоит мне открыть рот, как все набросятся на меня с обвинениями. Никто не поверит, что я говорю правду.

Отчет Калама был у меня. За исключением Пикмаля, я единственный человек, который держал его в руках. И главное: за последние годы я по крайней мере трижды был у Артюра Нику в его имении в Самуа. В гостях у главного подрядчика!

Пуан внезапно поник. Плечи у него опустились, подбородок стал не таким волевым. Казалось, он говорит: "Делайте, что хотите, но я больше ничего не знаю".

Мегрэ, не спрашивая разрешения, налил себе стопку водки и, только поднеся ее ко рту, подумал, что надо бы налить и министру.

Глава II

Телефонный звонок премьер-министра

Вне всякого сомнения, за долгие годы службы Мегрэ уже не раз испытывал подобное ощущение, но, как ему казалось, впервые так остро.

Небольшие размеры комнаты, тепло и уют, безусловно, способствовали этому, и не последнюю роль в создании этого ощущения сыграли и запах деревенской водки, и бюро, напоминавшее ему бюро его отца, и увеличенные фотографии "стариков" на стенах. Мегрэ и впрямь чувствовал себя врачом, которого срочно вызвали к больному и которому пациент вручает свою судьбу.

Самое любопытное, что человек, сидящий напротив в ожидании его диагноза, был похож на него если не как родной брат, то по меньшей мере как двоюродный. Сходство было не только внешним. Одного взгляда на семейные фотографии комиссару было достаточно, чтобы увидеть, что и у Пуана и у него одинаковое происхождение. Оба родились в деревне в крестьянских семьях, правда, уже отнюдь не патриархальных. Возможно, родители Пуана с самого его рождения мечтали сделать из него врача или адвоката. Так же, как родители Мегрэ.

Пуан превзошел все их ожидания. Живы ли они еще, чтобы порадоваться этому?

Мегрэ не посмел задать этот вопрос. Перед ним сидел человек, удрученный, но не сломленный. Глядя на Пуана, Мегрэ испытывал сложное чувство - неприязни, раздражения и даже отчаяния.

Однажды в жизни Мегрэ уже находился в сходной ситуации, хотя и не столь драматичной, и причиной тоже была политика. Нет, он ничего не совершил. Он действовал так, как и положено человеку, не только честному, но и строго исполняющему служебные обязанности.

Тем не менее все или почти все осуждали его. Ему пришлось предстать перед дисциплинарной комиссией, и так как все было против него, его признали виноватым.

Именно тогда ему пришлось на некоторое время уйти из Уголовной полиции. Примерно год он работал в Люсонской оперативной бригаде в Вандее. Как раз в том департаменте, который Пуан представлял в парламенте.

Его жена и друзья не переставали твердить ему, что совесть его чиста, а это - главное. И все же он чувствовал себя так, словно в чем-то действительно был виноват. В последние дни работы в Уголовной полиции, когда его дело еще обсуждалось в верхах, он не решался отдавать приказания подчиненным, даже Люка и Жанвье, а, спускаясь по главной лестнице, старался быть как можно незаметней.

Пуан сейчас тоже был не способен объективно и ясно оценить свое положение. Он рассказал все, что мог. В течение последних часов он вел себя как человек, который погружается в бездну и не надеется больше на спасение - разве только на чудо.

Не странно ли, что он обратился за помощью именно к Мегрэ, которого не знал и никогда не видел?

И Мегрэ, еще не отдавая себе в том отчета, уже взял дело в свои руки.

Его вопросы походили на вопросы врача, который старается поставить правильный диагноз.

- Вы проверили: Пикмаль действительно существует?

- Я поручил секретарше позвонить в Школу дорог и мостов, и ей подтвердили, что Жюль Пикмаль работает там смотрителем уже пятнадцать лет.

- Вам не показалось странным, что Пикмаль вручил документ не директору Школы, а непосредственно вам?

- Не знаю. Я об этом как-то не подумал.

- Это, по-моему, говорит о том, что он отдавал себе отчет в важности документа. Не правда ли?

- Пожалуй.

- Итак, после того, как был найден отчет Калама, Пикмаль единственный человек, кроме вас, конечно, кто имел возможность ознакомиться с его содержанием.

- Не считая того или тех, у кого он сейчас.

- Пока оставим их. Если не ошибаюсь, то помимо Пикмаля, еще один человек с часа дня вторника знал, что у вас находится этот документ?

- Вы имеете в виду премьер-министра?

Пуан растерянно посмотрел на Мегрэ. Главе правительства Оскару Мальтеру было шестьдесят пять. С сорока лет он являлся членом почти всех кабинетов. Его отец в свое время был префектом, один из братьев-депутатом, второй - губернатором в колониях.

- Надеюсь, вы не предполагаете...

- Я ничего не предполагаю, господин министр. Я пытаюсь понять. Отчет Калама вчера вечером лежал в этом бюро. Сегодня днем его здесь уже не было. Вы уверены, что дверь не была взломана?

- Можете убедиться сами. Ни на дереве, ни на замке нет следов взлома.

Дверь, вероятно, открыли отмычкой.

- А замок вашего бюро?

- Посмотрите. Он очень простой. Мне самому иногда доводилось, забыв ключ, открывать его куском проволоки.

- Разрешите мне продолжить обычные для полицейского вопросы хотя бы для того, чтобы устранить все неясности. У кого, кроме вас, есть ключ от этой квартиры?

- У жены, разумеется.

- Вы мне сказали, что она не в курсе дела Калама.

- Я ничего ей об этом не говорил. Она даже не знает, что я был здесь вчера и нахожусь сегодня.

- Она интересуется политикой?

- Читает газеты. Старается быть в курсе, чтобы мы могли говорить о моей работе. Когда мне предложили выставить кандидатуру на выборах, она пыталась отговорить меня. Более того, не хотела, чтобы я стал министром.

Она не тщеславна.

- Она уроженка Ла-Рош-Сюр-Йон?

- Ее отец был там стряпчим.

- Вернемся к вопросу о ключах. У кого еще они есть?

- У моей секретарши, мадемуазель Бланш.

- Ее фамилия?

Мегрэ все записывал в свою черную записную книжку.

- Ламот. Бланш Ламот. Ей должно быть... сорок один... нет, сорок два года.

- Вы давно ее знаете?

- Она начала работать у меня машинисткой, когда ей едва минуло семнадцать лет, сразу после школы. С тех пор мы работаем вместе.

- Она тоже из Ла-Рош?

- Из деревни неподалеку. Ее отец был мясником.

- Красива?

Пуан задумался. Как видно, такого вопроса он себе никогда не задавал.

- Нет. Красивой ее не назовешь.

- Влюблена в вас?

Мегрэ улыбнулся, увидев, как министр покраснел.

- Откуда вы знаете? Вероятно, она по-своему влюблена в меня. Не думаю, чтоб в ее жизни когда-нибудь был мужчина.

- Ревнует вас к жене?

- Не в обычном смысле этого слова. Подозреваю, что она ревнует к тому, что считает своей областью.

- То есть она опекает вас на работе.

Пуан, хотя и прожил большую жизнь, казалось, был крайне поражен, хотя Мегрэ открывал простые истины.

- Вы сказали, что она была у вас в кабинете, когда доложили о приходе Пикмаля, и вы попросили ее выйти. Когда вы снова ее вызвали, вы еще держали отчет в руках?

- Кажется, да... Но уверяю вас...

- Поймите, господин министр, я никого не обвиняю, никого не подозреваю. Так же, как и вы, я пытаюсь разобраться. Есть ли еще у кого-нибудь ключ от этой квартиры?

- У моей дочери.

- Сколько ей лет?

- Анн-Мари? Двадцать четыре.

- Замужем?

- Она выходит, вернее, должна была выйти замуж в следующем месяце.

Теперь, когда собирается такая гроза, я уже ни в чем не могу быть уверенным. Вам знакома фамилия Курмон?

- Слышал.

Если Мальтеры были известны в политических кругах, то Курмоны были не менее известны в дипломатических, и по меньшей мере в течение трех поколений. Робер Курмон, владелец особняка на улице Фэзандери, один из последних французов, носящих монокль, вот уже более тридцати лет назначался послом то в Токио, то в Лондон и, кроме того, был членом Французского Института <Французский Институт - объединение пяти академий>.

- Сын Робера Курмона?

- Да, Ален Курмон. Ему тридцать два, он уже был атташе при трех или четырех посольствах, а сейчас является начальником очень важного отдела в министерстве иностранных дел. Он получил назначение в Буэнос-Айрес и через три недели после свадьбы должен был уехать туда. Теперь вы понимаете, что положение куда трагичнее, чем могло показаться вначале.

Скандал, который разразится завтра или послезавтра...

- Ваша дочь часто приходила сюда?

- До того, как мы получили квартиру при министерстве.

- А с тех пор никогда?

- Предпочитаю быть с вами откровенным, комиссар. Иначе не стоило вас и приглашать. Анн-Мари сдала экзамен на степень бакалавра, закончила философский факультет. Она не синий чулок, хотя и непохожа на современных девушек. Но однажды, примерно месяц назад, я обнаружил здесь сигаретный пепел. Мадемуазель Бланш не курит. Моя жена тем более. Я спросил Анн-Мари, и она призналась, что иногда приходит сюда с Аленом.

Больше ничего я не стал выяснять. Вспоминаю, как она сказала, не краснея, глядя мне прямо в глаза: "Надо смотреть на вещи трезво, отец.

Мне двадцать четыре, а ему тридцать два". У вас есть дети, Мегрэ?

Комиссар покачал головой.

- Полагаю, сегодня сигаретного пепла не было?

- Нет.

Отвечая на вопросы, Пуан уже не выглядел таким подавленным - совсем как больной, который, рассказывая о своем недуге врачу, верит, что в конце концов тот даст ему лекарство. Уж не специально ли Мегрэ задержался на выяснении положения с ключами от квартиры?

- Больше их нет ни у кого?

- У начальника моей канцелярии.

- Его имя?

- Жак Флери.

- Вы давно его знаете?

- Мы учились вместе в лицее, потом в университете.

- Он тоже из Вандеи?

- Нет. Из Ниора. Это рядом. Мы почти ровесники.

- Адвокат?

- Нет, в списки сословия адвокатов он не был внесен.

- Почему?

- Это довольно забавный человек. Родители его были богаты. В молодости у него не было никакого желания работать. Каждые полгода он загорался какой-нибудь новой идеей. Был период, например, когда он вздумал было производить снаряжение для рыбной ловли и купил несколько лодок. Потом занялся какими-то поставками из колоний и потерпел неудачу.

Я потерял его из виду. Став депутатом, я время от времени встречал его в Париже.

- Он разорился?

- Дотла. Но выглядит прекрасно. Он всегда прекрасно выглядел и был необыкновенно симпатичный. Знаете, тип симпатичного неудачника.

- Он обращался к вам с какими-нибудь просьбами?

- Изредка. Но ничего серьезного. Незадолго до того, как я стал министром, мы по воле обстоятельств стали встречаться чаще, чем обычно, и когда мне понадобился начальник канцелярии, он оказался под рукой.

Пуан нахмурился.

- Я должен вам кое-что объяснить. Вам просто не понять, что значит внезапно стать министром. Возьмите меня. Я адвокат, незаметный провинциальный адвокат, который тем не менее хорошо знает право. Меня назначают министром общественных работ. Без всякого перехода, без подготовки я становлюсь во главе министерства, в котором полным-полно высокопоставленных Компетентных чиновников и даже таких знаменитостей, как покойный профессор Калам. Я начинаю вести себя так же, как другие.

Держусь уверенно. Делаю вид, что все знаю. И все же ощущаю по отношению к себе недоброжелательство и насмешливость. Кроме того, мне стало известно о многочисленных интригах, в которых я ничего не понимал. В своем собственном министерстве я остаюсь чужеродным телом среди людей, которые с давних пор знакомы с изнанкой политической жизни. Иметь подле себя такого человека, как Флери, с которым можно быть откровенным...

- Понимаю. У Флери, когда вы назначили его шефом вашей канцелярии, уже были связи в политических кругах?

- Только такие, которые завязываются в барах и ресторанах.

- Он женат?

- Был. Думаю, он и сейчас еще не развелся с женой. У него от нее двое детей. Но живут они не вместе. У него есть еще одна семья в Париже, а может быть, и две: он обладает даром необычайно усложнять свою жизнь.

- Вы уверены, что он не знал, что отчет Калама у вас?

- Он даже не видел Пикмаля в министерстве. А я ему ничего не говорил.

- Каковы отношения между Флери и мадемуазель Бланш?

- Внешне самые дружеские. На самом деле она его не выносит. Его образ жизни идет вразрез с ее буржуазной моралью. Он шокирует ее и приводит в отчаяние. Поверьте, это не имеет значения.

- Вы уверены, что ваша жена не подозревает о том, что вы здесь?

- Она сегодня заметила, что я не в себе. Настаивала, чтобы я прилег и отдохнул, но я сказал, что у меня важное собрание.

- Она поверила?

- Не знаю.

- Вы часто ей лжете?

- Нет.

Было около полуночи. На этот раз стопки наполнил министр; потом, вздыхая, он направился к полочке и выбрал изогнутую трубку с серебряным кольцом.

Как бы в подтверждение предчувствия Мегрэ зазвонил телефон. Пуан посмотрел на комиссара - снимать трубку или нет.

- Это, должно быть, ваша жена. Все равно, вернувшись домой, вам придется ей все рассказать. Министр взял трубку.

- Алло!.. Да... Это я...

У него был виноватый вид.

- Нет... Я не один... Нам надо обсудить очень важный вопрос... Я тебе все расскажу... Не знаю... Думаю, что уже недолго. Прекрасно... уверяю тебя, я себя прекрасно чувствую... Что?.. Премьер-министр?.. Хочет, чтобы... Хорошо... Я посмотрю... Да... Сейчас же позвоню... Пока...

На лбу Пуана выступил пот; он смотрел на Мегрэ, как человек, не знающий, где искать спасения.

- Три раза звонил премьер-министр. Просил передать, чтобы я звонил ему в любое время...

Пуан вытер лоб. Трубку он так и не раскурил.

- Что же делать?

- Позвоните ему. Завтра утром вам все равно придется ему признаться, что у вас больше нет отчета Калама. Нет никакой надежды, что мы сможем его найти в течение одной ночи.

- Вы так думаете? - невольно вырвалось у Пуана.

Вопрос прозвучал несколько комически, но в нем ощущались одновременно и смятение Пуана и инстинктивная вера во всемогущество полиции.

Тяжело опустившись в кресло, Пуан набрал номер, который знал на память.

- Алло! Говорит министр общественных работ... Я бы хотел поговорить с господином премьер-министром... Простите меня, мадам... Говорит Пуан...

Полагаю, что ваш муж ждет... Да... Жду у аппарата...

Одним глотком Пуан опорожнил стопку. Взгляд его был устремлен на пуговицу пиджака Мегрэ.

- Да, господин премьер-министр... Простите, что не позвонил вам раньше... Чувствую себя лучше, да... Пустяки... Наверно, усталость...

Кроме того... Я хотел вам сказать...

Из трубки до Мегрэ доносились звуки, не предвещавшие ничего хорошего.

У Пуана был вид ребенка, которого отчитывают, а он тщетно пытается оправдаться.

- Да... Я знаю... Поверьте мне... Наконец ему дали возможность говорить, и он стал подбирать слова:

- Понимаете, произошло нечто... нечто невообразимое... Я имею в виду отчет... Вчера я принес его в мою собственную квартиру... На бульваре Пастера...

Если бы ему хотя бы дали возможность рассказать эту историю так, как он хотел! Но его без конца перебивали. Мешали.

- Я обычно прихожу сюда поработать... Что? Я и сейчас здесь, да...

Нет, жена не знала, где я, иначе бы она передала мне, что вы звонили...

Нет! У меня больше нет отчета Калама... Я пытаюсь сказать вам об этом с начала разговора... Я оставил его здесь, считая, что он будет в большей безопасности, чем в министерстве, и когда после разговора с вами пришел, чтобы забрать его...

Мегрэ отвернулся, увидев, как с густых ресниц Пуана скатилась слеза досады и унижения.

- Я все обыскал... Разумеется, я этого не сделал. Прикрыв трубку рукой, Пуан прошептал Мегрэ:

- Спрашивает, сообщил ли я полиции... Сейчас он слушал безропотно, бормоча время от времени:

- Да... Да... Понимаю...

Пот струился по его лицу, и Мегрэ захотелось открыть окно.

- Клянусь вам, господин премьер-министр...

Люстра не горела. Угол кабинета, где они сидели, освещала настольная лампа с зеленым абажуром. Остальная часть комнаты тонула в полумраке.

Время от времени с бульвара Пастера доносились гудки такси и иногда свистки паровоза.

На фотографии, висящей на стене, отцу Пуана было лет шестьдесят пять, и, судя по возрасту самого Пуана, он, видимо, был сфотографирован лет десять назад. Матери Пуана на другой фотографии было не больше тридцати.

Одета и причесана она была по моде начала века, из чего Мегрэ сделал вывод, что мадам Пуан, как и его собственная мать, умерла, когда ее сын был еще ребенком.

Можно было предполагать многое; Мегрэ еще не обсуждал всех возможностей с Пуаном, но бессознательно их обдумывал. Телефонный разговор, свидетелем которого он оказался, навел его на мысль о Мальтере: будучи премьер-министром, тот одновременно является министром внутренних дел, то есть ему подчиняется Сюртэ.

Если предположить, что Мальтер узнал о визите Пикмаля на бульвар Сен-Жермен и велел установить наблюдение за Огюстом Пуаном... Или даже после разговора с ним...

Предположить можно все, что угодно: что Мальтер захотел завладеть документом, чтобы его уничтожить или чтобы сохранить, как возможный козырь.

Газетная терминология абсолютно точна: отчет Калама-настоящая бомба, дающая тому, кто ею владеет, неслыханные преимущества.

- Да, господин премьер-министр. Никакой полиции, обещаю...

Премьер, очевидно, изводил Пуана вопросами, от которых тот терял почву под ногами. Пуан взглядом призывал Мегрэ на помощь, но помочь ему было невозможно. Он уже начал слабеть.

- У меня в кабинете сидит человек, но я его пригласил не как...

Нет, Пуан был сильным человеком - и физически и духовно. Мегрэ и себя считал сильным, однако в свое время тоже не оказал должного сопротивления, когда попал в куда менее сложную ситуацию. Он хорошо помнил и будет помнить всю жизнь, что тогда его больше всего подавляло ощущение, будто он имеет дело с безымянной, безликой силой, которую невозможно понять. Эта сила для всех является Силой с большой буквы - Законом...

Пуан, наконец, назвал имя:

- Это комиссар Мегрэ... Я пригласил его как частное лицо... Уверен, что он...

Его опять прервали. Трубка вибрировала.

- Нет, никаких следов... Никто... Даже жена не знала... Секретарша тоже... Клянусь вам, господин премьер...

Он говорил уже совсем смиренным тоном.

- Да... К девяти часам, хорошо... Хотите с ним поговорить? Сию минуту...

Он смущенно посмотрел на Мегрэ.

- Премьер хочет... Комиссар взял трубку.

- Слушаю, господин премьер-министр...

- Мой коллега сказал, что он вас информировал о случившемся...

- Да, господин премьер-министр.

- Вы, несомненно, прекрасно понимаете, что все должно оставаться в строжайшем секрете. Не может быть и речи о том, чтобы начать официальное расследование. Сюртэ также не будет поставлена в известность.

- Понимаю, господин премьер-министр.

- Само собой разумеется, что если вы, проведя расследование, но как лицо частное, а отнюдь не официальное, обнаружите что-либо, касающееся отчета Калама, вы поставите меня...

Тут он запнулся. Быть замешанным в это дело ему не хотелось.

- ...вы информируете об этом моего коллегу Пуана.

- Да, господин премьер-министр.

- Это все.

Мегрэ хотел передать телефон Пуану, но раздался щелчок: премьер повесил трубку.

- Простите меня, Мегрэ, но он вынудил меня сказать о вас. Говорят, до того, как заняться политикой, он был знаменитым адвокатом, и я верю этому. Мне стыдно, что я поставил вас в такое положение...

- Вы увидите с ним завтра утром?

- В девять утра. Он не хочет, чтобы остальные члены кабинета узнали о случившемся. Больше всего его беспокоит, что Пикмаль проболтается или уже проболтался кому-нибудь: кроме нас троих, он единственный человек, который знает, что документ нашелся.

- Попытаюсь узнать, что он собой представляет.

- Не открывая себя, да?

- Но должен вас честно предупредить, что считаю своим долгом рассказать обо всем моему шефу. Я не стану входить в детали, то есть упоминать отчет Калама. Но совершенно необходимо, чтобы он знал, что я работаю для вас. Если бы дело касалось только меня одного, я мог бы им заниматься в свободное от службы время. Но мне, безусловно, понадобится кое-кто из моих помощников...

- Они будут знать, в чем дело?

- Про отчет они знать ничего не будут. Это я вам обещаю.

- Я готов был подать в отставку, но он предупредил мое желание, сказав, что даже не может вывести меня из правительства, поскольку даст этим пищу тем, кто следит за последними политическими событиями. С этого момента я являюсь паршивой овцой, и мои коллеги...

- Вы уверены, что документ, который вы держали в руках, действительно был копией отчета Калама? Пуан удивленно поднял голову.

- Вы думаете, что это могла быть фальшивка?

- Я ничего не думаю. Я продолжаю изучать все гипотезы. Предоставив вам отчет Калама-действительный или фальшивый, - а затем выкрыв его, кто-то дискредитирует вас и тем самым правительство. Вас обвинят в том, что вы уничтожили отчет.

- Тогда мы услышим об этом завтра же.

- Не обязательно так быстро. Мне надо бы узнать, где и при каких обстоятельствах был найден отчет.

- Вы рассчитываете узнать это, не вызвав толков?

- Попытаюсь. Надеюсь, господин министр, вы мне все рассказали? Если я позволяю себе спрашивать об этом, то только потому, что при данных обстоятельствах очень важно, чтобы...

- Понимаю. Есть одна маленькая деталь, о которой я до сих пор не упоминал. Я говорил вам в самом начале об Артюре Нику. Я был просто депутатом, когда впервые встретился с ним на каком-то обеде, и мне в голову не могло прийти, что в один прекрасный день я стану министром общественных работ. Мне было известно, что он один из компаньонов строительной фирмы "Нику и Совгрэн", расположенной на авеню Республики.

Артюр Нику ведет жизнь светского человека. Он вовсе не похож на нувориша или на денежного туза. Это культурный человек. Он умеет жить. Посещает лучшие рестораны Парижа, всегда окружен красивыми женщинами, в основном актрисами и кинозвездами. Думаю, в Париже нет ни одного человека, пользующегося известностью в мире литературы, искусства, в политических кругах, который бы не бывал гостем на его воскресных приемах в Самуа...

Я встречал там многих моих коллег по Палате, главных редакторов газет, ученых, в честности и порядочности которых нисколько не сомневаюсь...

Сам Нику в своем загородном доме производит впечатление человека, для которого цель жизни - угостить своих гостей самыми тонкими и редкими блюдами, причем в самой изысканной обстановке. Моей жене он не нравился... Мы ездили туда раз пять-шесть, всегда с кем-нибудь, и наши отношения никогда не были близкими. Иногда в воскресенье там обедали за маленькими столиками до тридцати человек, а после обеда все собирались в библиотеке или около бассейна... Да, я забыл вам сказать, что однажды, года два назад, если не ошибаюсь, на рождество, моя дочь получила подарок-крошечное золотое вечное перо с ее инициалами. К подарку была приложена визитная карточка Артюра Нику... Я чуть было не заставил ее отправить подарок обратно. Я рассказал об этом, кажется, кому-то из моих коллег, и был в скверном настроении. Но меня заверили, что не стоит придавать этому особого значения. У Нику обычай - в конце года посылать подарки женам и дочерям своих гостей. В этом году он рассылал вечные перья, которых, по-видимому, заказал несколько десятков. В прошлом году были пудреницы, но тоже золотые, так как, по-видимому, он питает страсть к золоту... Моя дочь оставила эту ручку у себя. Думаю, она пользуется ею до сих пор. Но завтра, когда история с отчетом Калама попадет в газеты, сообщат, что дочь Огюста Пуана получила подарок...

Мегрэ кивнул головой. Да, это отнюдь не пустяк.

- Больше ничего? Денег займы он вам не давал?

Пуан покраснел до корней волос. Не потому, что он мог в чем-нибудь упрекнуть себя, а потому, что отныне каждый будет иметь право задать ему этот вопрос.

- Никогда! Клянусь...

- Верю. Акций фирмы "Нику и Совгрэн" у вас нет?

Горько усмехнувшись, министр ответил отрицательно.

- Завтра же утром начну действовать. Сделаю все, что в моих силах, пообещал Мегрэ. - Но вы, конечно, понимаете, что я знаю об этом деле меньше, чем вы, и очень плохо знаком с политическими кругами.

Сомневаюсь, что удастся найти доклад прежде, чем тот, в чьих руках он находится, воспользуется им в своих целях. А вы уничтожили бы этот документ, чтобы спасти своих коллег, которых он компрометирует?

- Конечно, нет.

- Даже если бы лидер вашей партии попросил вас об этом?

- Даже если бы приказал премьер.

- Я был в этом почти уверен. Простите, что задал этот вопрос. А сейчас я покидаю вас, господин министр.

Они поднялись, и Пуан протянул Мегрэ огромную волосатую руку.

- Это я должен просить у вас прощения за то, что впутал вас в это дело. Но я до такой степени обескуражен и сбит с толку...

Передав свою судьбу в чужие руки, министр почувствовал себя лучше. Он говорил уже спокойнее, зажег люстру, открыл дверь.

- Ко мне в министерство вы не можете прийти - вас слишком хорошо знают. Звонить мне тоже нельзя - могут подслушать. Эта квартира тоже ни для кого не секрет. Каким же образом мы сможем поддерживать связь?

- Когда понадобится, я найду способ связаться с вами. Вы всегда можете позвонить мне вечером из автомата, как сегодня, а если меня не будет, передать все, что нужно, моей жене.

Стоя у дверей и тихонько переговариваясь, они были похожи на заговорщиков. Одновременно подумав об этом, оба улыбнулись.

- Спокойной ночи, господин министр.

- Спасибо, Мегрэ. Спокойной ночи.

Комиссар не стал вызывать лифт. Он спустился с пятого этажа пешком и вышел на улицу, где туман еще более сгустился и стало холоднее. Чтобы поймать такси, надо было дойти до бульвара Монпарнас. Сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, он повернул направо, и, когда прошел шагов двадцать, перед ним вспыхнули фары и раздался шум трогаящейся машины.

Из-за тумана трудно было определить расстояние. На мгновение Мегрэ показалось, что машина мчится прямо на него, но она, ослепив его светом, проскочила мимо.

У него не было даже времени, чтобы поднять руку и прикрыть лицо. Да он и понимал, что это бесполезно.

Весьма возможно, что кому-то надо было узнать, кто именно так долго засиделся у министра, в окнах квартиры которого допоздна горел свет.

Мегрэ, пожав плечами, продолжал свой путь. Больше никого он не встретил, кроме пары влюбленных, которые шли, обнявшись, целовались и ненароком толкнули его.

В конце концов он поймал такси. На бульваре Ришар-Ленуар в его квартире еще горел свет. Как всегда, он достал из кармана ключ, и, как всегда, жена открыла дверь прежде, чем он коснулся замка. Она была в ночной сорочке, босая, с припухшими от сна глазами, и тут же легла обратно в постель.

- Который час? - раздался ее голос из спальни.

- Десять минут второго.

Он улыбнулся, подумав, что в другой квартире, несколько богаче обставленной, но не имеющей своего лица, в эти минуты происходит похожий разговор.

Пуан и его жена жили не в собственном доме. Это были чужие комнаты и чужая постель, и они были чужими в огромном казенном здании, в котором вынуждены были жить и которое, должно быть, казалось им наполненным всякими ловушками.

- Что ему нужно было от тебя?

- По правде говоря, даже толком не знаю. Она еще не до конца проснулась и, пока он раздевался, пыталась прогнать сон.

- Не знаешь, почему он хотел тебя видеть?

- Думаю, чтобы попросить совета.

Ему не хотелось употреблять слово "помощь", что было бы куда вернее.

Странно. Ему казалось, что если бы здесь, в привычной домашней обстановке, он произнес "отчет Калама", то разразился бы хохотом.

Полчаса назад на бульваре Пастера эти слова звучали очень трагично.

Министр произносил их с каким-то ужасом. Премьер с тревогой говорил об этом, как об одном из наиболее важных государственных дел.

А ведь это каких-то тридцать страничек, которые валялись в течение нескольких лет на чердаке или где-то там еще и которыми никто не интересовался. И зритель Школы обнаружил их, возможно, даже случайно.

- О чем ты думаешь?

- О некоем Пикмале.

- Кто он такой?

- Пока не знаю.

Действительно, он думал о Пикмале. Вернее, повторял его фамилию по слогам, и она казалась ему забавной.

- Спи.

- Ты тоже. Кстати, разбуди меня, пожалуйста, завтра в семь.

- Почему так рано?

- Мне нужно будет позвонить. Мадам Мегрэ протянула руку, чтобы погасить свет: выключатель был около нее.

Глава III

Неизвестный из маленького бара

Он почувствовал легкое прикосновение руки к плечу и сразу же услышал знакомый голос:

- Мегрэ! Уже семь.

Жена держала в руке чашку кофе, и его аромат зашекотал ноздри Мегрэ.

Его чувства и мозг пока еще работали вразброд, точь-в-точь как оркестр, когда музыканты в оркестровой яме настраивают инструменты. Не было согласованности. Семь часов - значит, день отличается от других: обычно он встает в восемь. Не поднимая ресниц, он понял, что на улице солнце, а вчера был туман. Но еще до того, как слово "туман" вызвало в памяти бульвар Пастера, Мегрэ почувствовал во рту неприятный привкус, которого уже давно не ощущал по утрам. Он вспомнил стопки и деревенскую водку с родины министра.

Мегрэ, помрачнев, открыл глаза и сел на постели. Обнаружив, что голова не болит, несколько успокоился. Он не помнил, сколько раз они наполняли и опорожняли эти стопки.

- Ты чем-нибудь огорчен? - спросила жена.

- Нет. Все в порядке.

С припухшими после сна глазами он маленькими глоточками пил кофе и поглядывал вокруг. Наконец произнес еще заспанным голосом:

- Погода хорошая.

- Да. Все в инее.

Солнечный свет казался терпким и свежим, как деревенское белое вино.

Париж уже проснулся, и до бульвара Ришар-Ленуар долетал привычный шум.

- Тебе надо раньше уйти?

- Нет. Позвонить Шабо, а то после восьми я рискую не застать его дома. Впрочем, если сегодня в Фонтене-ле-Конт рыночный день, его не будет уже в половине восьмого.

Жюльен Шабо служил судебным следователем в Фонтене-ле-Конт и жил там с матерью в большом старом доме. Мегрэ и он дружили еще с тех времен, когда учились в Нанте. Года два назад, возвращаясь из Бордо с конгресса, Мегрэ заехал повидаться с ним. Старая мадам Шабо в шесть утра отправлялась к ранней мессе, а в семь жизнь в доме шла полным ходом; в восемь Жюльен выходил, но не для того, чтобы отправиться в суд - он не был перегружен работой, - а чтобы прогуляться по улицам или по берегу Вандеи.

- Налей мне еще чашку, пожалуйста.

Мегрэ придвинул телефон и набрал междугородную. Телефонистка повторила номер, и тут Мегрэ подумал, что если их вчерашние предположения справедливы, то его телефон прослушивается. Настроение сразу испортилось. Его снова охватило отвращение, как тогда, когда он осознал, что, помимо своей воли, втянут в политическую махинацию. И он опять ощутил неприязнь к Огюсту Пуану, которого совершенно не знал, никогда не встречал и который, несмотря на это, счел возможным обратиться к нему, чтобы он вызволил его из беды...

- Мадам Шабо?.. Алло!.. Это мадам Шабо?.. Говорит Мегрэ... Нет, нет, это Мегрэ!..

Мадам Шабо была туговата на ухо. Ему пришлось повторить свое имя раз пять-шесть и еще уточнить:

- Жюль Мегрэ, который служит в полиции... Тогда она воскликнула:

- Вы в Фонтене?

- Нет. Я звоню из Парижа. Ваш сын дома?

Она кричала очень громко, в самую трубку. Мегрэ не разобрал, что она ответила. Прошла почти минута, прежде чем он услышал голос Шабо.

- Жюльен?

- Да.

- Ты слышишь меня?

- Так же хорошо, как если бы ты звонил с нашего вокзала. Как поживаешь?

- Прекрасно. Слушай, я беспокою тебя, чтобы навести кое-какие справки. Я тебя, наверно, оторвал от завтрака?

- Чепуха.

- Ты знал Огюста Пуана?

- Который стал министром?

- Да.

- Я часто его встречал, когда он был адвокатом в Ла-Рош-Сюр-Ионе.

- Что ты о нем думаешь?

- Замечательный человек.

- Расскажи о нем подробнее. Все, что придет в голову.

- У его отца Эвариста Пуана в Сен-Эрмане, городе Клемансо, гостиница, славящаяся не апартаментами, а великолепной кухней. Гурманы приезжают издалека, чтобы там поесть. Ему, должно быть, за восемьдесят. Несколько лет назад он передал все дела зятю и дочери, но продолжает заниматься ими. Огюст Пуан - его единственный сын. Он учился почти одновременно с нами, но сначала в Пуатье, а потом в Париже. Ты меня слушаешь?

- Да.

- Продолжать? Право он зубрил, как проклятый. Потом открыл адвокатскую контору на площади Префектуры в Ла-Рош-Сюр-Ионе. Город ты знаешь. Несколько лет он занимался в

основном тяжбами между фермерами и землевладельцами. Женился на дочери тамошнего стряпчего, Артюра Белию; тот года три назад умер. Вдова его и сейчас живет в Ла-Рош.

Думаю, если бы не война, Огюст Пуан продолжал бы спокойно адвокатствовать в судах Вандеи и Пуатье.

Во время оккупации он ничем себя не проявлял, продолжал жить так, будто ничего не изменилось, и все были страшно удивлены, когда за несколько недель до ухода немцы его арестовали и отправили сперва в Ниор, а потом куда-то в Эльзас. Одновременно арестовали еще не то трех, не то четырех человек, среди которых был один хирург из Брессюира, и тогда стало известно, что всю войну Пуан прятал у себя на ферме неподалеку от Ла-Рош английских разведчиков и летчиков, бежавших из немецких лагерей.

В городе он появился снова через несколько дней после освобождения.

Он очень отощал и плохо себя чувствовал. Героем он себя не выставлял, не лез ни в какие комитеты, не принимал участия в разных парадах. Помнишь, какая тогда была сумятица. И во все замешивали политику. Нельзя было разобраться, кто "чистые", а кто "нечистые". Когда все окончательно запуталось, обратились к Пуану. Он хорошо поработал, без шумихи, не занесся, и мы выбрали его депутатом в парламент.

Вот и все про него. Пуаны не продали свой дом на площади Префектуры.

Во время сессий они живут в Париже, а потом сразу возвращаются. Пуан даже сохранил часть своей клиентуры. Думаю, жена очень ему помогает. У них есть дочь.

- Это я знаю.

- Значит, ты знаешь столько же, сколько я.

- Ты знаком с его секретаршей?

- С мадемуазель Бланш? Я часто видел ее у него в конторе. Она с таким неистовым пылом опекала своего патрона, что ее прозвали драконом.

- Больше ничего не можешь о ней сказать?

- Полагаю, что она в него влюблена, знаешь, как это обычно бывает у старых дев.

- Она работала у него до того, как превратилась в старую деву.

- Знаю. Но это уже другой вопрос, и тут я сказать ничего не могу. А что случилось?

- Пока ничего. А Жака Флери знаешь?

- Не очень. Я встречался с ним раза два-три по крайней мере лет двадцать назад. Он вроде бы живет в Париже. Не знаю, чем занимается.

- Спасибо и еще раз извини за то, что испортил тебе завтрак.

- Мама держит его на огне.

Не зная, что бы еще сказать, Мегрэ спросил:

- Погода у вас хорошая?

- Солнце светит, но все крыши в инее.

- У нас тоже холодно. До скорой встречи, старина. Привет матушке.

- До свидания, Жюль.

Для Жюльена Шабо этот телефонный звонок-настоящее событие, и, прогуливаясь по улицам, он все время будет думать о нем, недоумевая, почему Мегрэ интересуется министром общественных работ...

Завтракая, комиссар все время ощущал во рту привкус спиртного. Выйдя из дома, он решил пойти пешком и на площади Республики зашел в бистро, чтобы очистить желудок глотком белого вина.

Вопреки обыкновению, он купил все утренние газеты и успел на набережную Орфевр к началу утреннего совещания. В кабинете шефа Мегрэ молчал, рассеянно слушал, разглядывая Сену и прохожих на мосту Сен-Мишель. Когда все разошлись, он остался. Шеф понял, что это неспроста.

- Что случилось, Мегрэ?

- Неожиданная неприятность.

- Связана со службой?

- Нет. В Париже еще никогда не было так спокойно, как последние пять дней. Вчера вечером меня пригласил к себе министр и попросил заняться одним делом. Оно мне очень не нравится, но мне ничего не оставалось, как согласиться. Я его предупредил, что поставлю вас в известность, но не вдаваясь в подробности.

Начальник Уголовной полиции нахмурил брови.

- Дело очень неприятное?

- Очень.

- Связано с катастрофой в Клерфоне?

- Да.

- И министр поручает вам это дело от себя лично?

- Премьер-министр в курсе.

- У меня нет желания узнавать подробности. Действуйте, старина, раз так нужно. Но будьте осмотрительны.

- Попытаюсь.

- Люди вам нужны?

- Несомненно. Трое или четверо Они не будут знать, в чем суть дела.

- Почему они не обратились в Сюртэ?

- Вы разве не понимаете?

- Понимаю. Вот потому-то я и беспокоюсь о вас. Ну, ничего не поделаешь!..

Мегрэ вернулся к себе и заглянул в комнату инспекторов.

- Жанвье, зайди на минутку!

Потом, увидев, что Лапуэнт собирается уходить, спросил:

- У тебя какая-нибудь серьезная работа?

- Нет, патрон, так, обычная мелочь.

- Передай кому-нибудь и подожди меня. Ты тоже, Люка.

Вернувшись в кабинет с Жанвье, комиссар закрыл дверь.

- Хочу поручить тебе одну работенку, старина. Никаких рапортов писать не нужно, и отчитываться будешь только передо мной. Но если допустишь неосторожность, это тебе дорого обойдется.

Жанвье улыбнулся, довольный, что ему поручают работу, требующую тонкого подхода.

- У министра общественных работ есть секретарша по имени Бланш Ламот.

Ей года сорок три.

Мегрэ вытащил записную книжку.

- Мне не известно, где она живет и в какие часы работает. Но я должен знать, что она делает, какую жизнь ведет вне службы, с кем встречается.

Ни она, ни кто другой не должны догадаться, что ею интересуется Уголовная полиция. Возможно, если ты покараулишь в полдень у министерства, то узнаешь, где она завтракает. В

общем, действуй. Если она заметит, что ты интересуешься ею, попробуй прикинуться влюбленным.

Жанвье, у которого было четверо детей, поморщился.

- Понятно, патрон. Постараюсь сделать все как можно лучше. Нет ли чего-нибудь определенного, что бы вы хотели узнать?

- Нет. Сообщай все, что обнаружишь, а я уж выберу, что может пригодиться.

- Это срочно?

- Очень. И никому ни слова. Даже Лапуэнту и Люка.

Мегрэ снова открыл дверь.

- Лапуэнт, зайди ко мне.

Лапуэнт - его звали "малыш", потому что он последним пришел в бригаду и больше был похож на студента, чем на полицейского, - догадывался, что речь пойдет о секретном поручении, и уже заранее гордился этим.

- Школу дорог и мостов знаешь?

- Да. Улица Святых Отцов. Я довольно долго завтракал в ресторанчике напротив Школы.

- Там служит смотрителем некий Пикмаль. Имя - Жюль. Где он живет, при Школе или нет, не знаю. Я ничего о нем не знаю, но хочу узнать как можно больше.

Мегрэ повторил примерно то же, что говорил Жанвье.

- Не знаю почему, но мне кажется, что он холостяк. Может, он живет в меблированных комнатах? В таком случае сними под видом студента комнату в той же гостинице.

Наконец наступила очередь Люка. Мегрэ повторил почти то же с той только разницей, что Люка поручался Жак Флери - начальник канцелярии министра.

Фотографии трех помощников комиссара редко появлялись на страницах газет. Широкая публика их не знала. Точнее, знала только имена...

Само собой, если Сюртэ занимается этим делом, их немедленно опознают.

Но тут уж ничего не поделаешь. Кроме того, в таком случае - Мегрэ уже думал об этом утром, - все его разговоры по телефону как из дома, так и из полиции, будут подслушиваться на улице Соссэ.

Вчера ночью кто-то осветил его - насколько это было возможно при таком тумане, - и раз этот кто-то знал про убежище Пуана, знал, что в тот вечер министр был там и что у него визитер, он должен был узнать Мегрэ с первого взгляда.

Оставшись один в кабинете, Мегрэ открыл окно: при мысли об этом деле ему захотелось глотнуть свежего воздуха. На столе лежали газеты. Он было собрался просмотреть их, но потом решил сперва покончить с повседневными делами, подписать отчеты и повестки на допросы. Сейчас он почти любил мелких воришек, маньяков, мошенников - любых преступников, с которыми ему приходилось иметь дело.

Он позвонил по телефону, зашел к инспекторам и отдал распоряжения, не имеющие ничего общего ни с Пуаном, ни с проклятым отчетом Калама.

Огюст Пуан, должно быть, уже встретился с премьером. Интересно, рассказал ли он обо всем жене, как посоветовал ему комиссар?

На улице было прохладнее, чем казалось, и Мегрэ закрыл окно. Он уселся в кресло и развернул наконец одну из газет.

Все они писали о катастрофе в Клерфоне, и все - независимо от направления - яростно требовали расследования.

Большинство газет взяли за Артюра Нику. Одна из статей была озаглавлена:

"МОНОПОЛИЯ НИКУ - СОВГРЕН"

В ней приводился перечень работ, порученных фирме с авеню Республики в течение последних лет правительством и некоторыми муниципалитетами.

Рядом была колонка со стоимостями этих работ, некоторые обошлись в несколько миллиардов франков.

В заключение было написано следующее:

"Было бы небезынтересно составить список официальных лиц - министров, депутатов, сенаторов, муниципальных советников Парижа и других городов, которые бывали гостями Артюра Нику в его роскошном поместье в Самуа.

Не исключено, что тщательное знакомство с чековой книжкой г-на Нику расскажет нам о многом".

Одна из газет - "Глоб", владельцем или по крайней мере руководителем которой являлся депутат Маскулен, напечатала на первой странице шапку в стиле знаменитого "Я обвиняю" Золя:

"ПРАВДА ЛИ, ЧТО..."

За этим следовал напечатанный более крупным, чем обычно, шрифтом и для усиления впечатления взятый в рамку ряд вопросов:

"Правда ли, что идея постройки санатория в Клерфоне родилась не в мозгу законодателей, озабоченных здоровьем детей, а в мозгу некоего торговца бетоном?"

"Правда ли, что лет пять назад тот же торговец бетоном во время роскошных приемов, которые он устраивал в своем поместье в Самуа, внушил эту идею некоторым высокопоставленным лицам?"

"Правда ли, что в этом доме гости находили не только изысканные вина и прекрасный стол, но и часто покидали кабинет хозяина с чеком в кармане?"

"Правда ли, что, когда проект начал принимать реальные формы, все, кто был знаком с местностью, выбранной для пресловутого санатория, поняли безумие и опасность этой затеи?"

"Правда ли, что парламентская комиссия, возглавлявшаяся братом нынешнего премьер-министра, вынуждена была обратиться к специалисту с безукоризненной репутацией?"

"Правда ли, что этот специалист, Жюльен Калам, профессор строительной механики и гражданской архитектуры, читавший лекции в Школе дорог и мостов, провел три недели на месте предполагаемого строительства..."

...а по возвращении вручил соответствующим лицам отчет, катастрофический для тех, кто поддерживал проект...

...и что, несмотря на это, кредиты были отпущены и спустя несколько недель строительство в Клерфоне началось?"

"Правда ли, что до самой смерти, наступившей два года назад, Жюльен Калам, по мнению тех, кто с ним близко встречался, производил впечатление человека, у которого неспокойно на душе?"

"Правда ли, что в своем отчете он предсказал катастрофу в Клерфоне почти точно так, как она произошла на самом деле?"

"Правда ли, что отчет Калама, который, несомненно, существовал в нескольких экземплярах, исчез из архивов палаты, а также из архивов других заинтересованных министерств?"

"Правда ли, что по крайней мере человек тридцать со времени катастрофы живут в постоянном страхе, что копия этого документа все же найдется?"

"Правда ли, что, несмотря на принятые меры предосторожности, одна копия все-таки была найдена, причем совсем недавно..."

...и что чудом сохраненная копия была вручена официальному лицу?"

Затем страницу перерезала новая шапка:

"МЫ ХОТИМ ЗНАТЬ":

"Находится ли отчет Калама все еще в руках того, кому он был передан?"

"Не был ли он уничтожен, чтобы спасти банду скомпрометированных политиканов?"

"Если он не уничтожен, то где он находится в настоящий момент и почему еще не опубликован, чтобы общественное мнение могло потребовать справедливого наказания истинных виновников катастрофы, которая стоила жизни ста двадцати восьми молодым французам?"

Внизу страницы так же жирно, как два предыдущих заголовка, было напечатано:

"ГДЕ ОТЧЕТ КАЛАМА?"

Мегрэ поймал себя на том, что вытирает лоб. Нетрудно было представить себе реакцию Пуана на эту статью.

Тираж у "Глоб" небольшой. Он не был органом какой-нибудь крупной партии, а представлял незначительную политическую группу, во главе которой стоял Жозеф Маскулен.

Другие газеты тоже требовали начать расследование, чтобы выявить истину.

Мегрэ тоже хотел выявить истину, но только всю, целиком.

Однако у него создалось впечатление, что остальные добиваются вовсе не этого. Если, к примеру, доклад находится сейчас у Маскулена, почему вместо того, чтобы задавать вопросы, он не опубликует его таким же крупным шрифтом, как эта статья?

Это вызвало бы немедленный правительственный кризис, радикальную чистку на парламентских скамьях, а он сам приобрел бы в глазах общества славу защитника народных интересов и политической чистоты.

Для него, человека, который всегда работал за кулисами, это было единственной возможностью немедленно выдвинуться в первый ряд, а в будущем играть ведущие роли.

Если этот документ у него, почему он его не опубликует?

Теперь настала очередь Мегрэ - как и автору той статьи - задавать вопросы.

Если же отчета у него нет, то откуда ему известно, что он найден?

Откуда Маскулен знает, что Пикмаль вручил документ официальному лицу?

И каким образом он смог заподозрить, что Пуан не передал его выше?

Мегрэ не был и не хотел быть в курсе теневой стороны политики. Однако не надо было даже знать всей закулисной стряпни, чтобы заметить:

1. Именно газета "Молва", принадлежащая Эктору Табару и занимающаяся темными делишками, чтобы не сказать шантажом, уже трижды с момента катастрофы упоминала об отчете Калама.

2. Отчет был найден сразу после этой публикации и при довольно странных обстоятельствах.

3. Пикмаль, простой смотритель в Школе дорог и мостов, направился прямо в кабинет министра вместо того, чтобы отдать найденный документ своему непосредственному начальнику - директору Школы.

4. Жозеф Маскулен в курсе этого.

5. Он также, очевидно, знает о пропаже документа.

Интересно, какова роль Маскулена и Табара в этой игре? И играют ли они вместе или порознь?

Мегрэ снова открыл окно и долго стоял, глядя на набережную и покуривая трубку. Никогда еще ему не приходилось заниматься таким запутанным делом, имея в своем распоряжении так мало данных.

Если бы речь шла о грабеже или убийстве, он сразу почувствовал бы себя в родной стихии. Но здесь он столкнулся с людьми, которых знал понаслышке.

Ему было известно, например, что Маскулен завтракает каждый день за одним и тем же столом в ресторане "Камбала" на площади Победы, где к нему ежеминутно подходят поздороваться или сообщить шепотом какую-нибудь информацию.

О Маскулене говорили, что он в курсе личной жизни всех политических деятелей. Запросы в парламенте он делал редко, имя его обычно появлялось в газетах только накануне серьезного голосования. Тогда можно было прочесть:

"Депутат Маскулен предсказывает, что предложение будет принято тремястами сорока двумя голосами".

Знаюки дела верили этим предсказаниям, как откровению, так как Маскулен редко ошибался, да и то самое большее на два-три голоса.

Он не являлся членом никакой комиссии, не председательствовал ни в одном комитете, однако его боялись больше, чем лидера любой крупной партии.

Около полудня у Мегрэ появилось желание пойти позавтракать в "Камбалу", хотя бы для того, чтобы поближе взглянуть на человека, знакомого ему только по официальным церемониям.

Маскулен, холостяк, хотя ему уже перевалило за сорок. Никто не слышал, чтобы у него была любовница. Не видели его ни в салонах, ни в театрах, ни в ночных кабаре.

Голова у Маскулена длинная, костистая; уже в полдень кажется, что он небрит. Одевается он плохо. Вернее, не обращает внимания на одежду; ходит всегда в неглаженном костюме, свидетельствующем, что чистоплотностью его хозяин не отличается.

Почему-то Мегрэ казалось после рассказа Пуана, что Пикмаль и Маскулен - люди одного типа.

К холостякам он питал недоверие: это люди, не имеющие никаких привязанностей.

В конце концов, он решил не ходить в "Камбалу", так как это могло выглядеть как объявление войны, и направился в пивную "Дофин". Там он встретил двух коллег, с которыми мог хотя бы часок поговорить о вещах, не имеющих отношения к отчету Калама.

Одна из дневных газет подхватила тему "Глоба", интересуясь, правда, более осторожно, завуалированно, что же в действительности происходит с отчетом Калама. Один из ее сотрудников пытался взять интервью у премьера, но не смог к нему прорваться.

Имя Пуана не упоминалось, так как строительством санатория непосредственно ведало министерство здравоохранения.

В три часа в кабинет Мегрэ постучали. Вошел Лапуэнт. Вид у него был озабоченный.

- Есть новости?

- Ничего определенного, патрон. Пока только одни предположения.

- Расскажи подробно.

- Я делал все, как вы советовали. Вы мне скажете, если я допустил где-нибудь ошибку. Сначала позвонил в Школу дорог и мостов. Сказал, что я кузен Пикмаля, Приехал в Париж, хотел бы его повидать, но не знаю его адреса.

- И тебе сообщили адрес?

- Тут же. Он живет в гостинице "Бэрри" <Бэрри - историческая провинция ро Франции.> на улице Жакоб. Скромная мебелировка комнат на тридцать; хозяйка сама убирает, а хозяин сидит за конторкой. Я пошел домой, взял чемодан, чтобы предстать перед хозяином под видом студента, как вы мне советовали. Мне повезло - одна комната была свободна, и я снял ее на неделю. Около половины одиннадцатого я спустился вниз и остановился у конторки поболтать с хозяином.

- Ты говорил с ним о Пикмале?

- Да, я сказал ему, что познакомился с Пикмалем на каникулах, и вспомнил, что он, кажется, здесь живет.

- Что он сказал тебе о нем?

- Что его нет дома. Каждое утро он в восемь - выходит и идет в маленький бар на углу, где пьет кофе с рогаликами. В половине девятого он должен быть уже на службе.

- Днем он домой приходит?

- Нет. Он всегда возвращается в половине восьмого вечера и поднимается к себе, уходит по вечерам не чаще одного-двух раз в неделю.

Это, очевидно, самый праведный человек на свете: у него никто не бывает, он не встречается с женщинами, не курит, не пьет, проводит все вечера, а иногда и часть ночи за чтением.

Мегрэ чувствовал, что у Лапуэнта в запасе имеется еще кое-что, и терпеливо ждал.

- Может быть, я совершил ошибку, но мне казалось, что я поступаю правильно. Я узнал, что его комната на одном этаже с моей, спросил ее номер и подумал, что вам было бы интересно узнать, что там есть. Днем в гостинице пусто. Только на третьем этаже кто-то играл на саксофоне, очевидно, музыкант репетировал, да этажом ниже была уборщица. На всякий случай я попробовал открыть дверь моим ключом. Замки там простые, старые. Сразу мне не удалось, но в конце концов дверь открылась.

- Надеюсь, Пикмаля не было?

- Нет. Но если будут искать отпечатки моих пальцев, то они там повсюду - у меня не было перчаток.

Я пересмотрел все ящики, открыл стенной шкаф и чемодан - он не был заперт на ключ. У Пикмаля имеется на смену всего один темно-серый костюм и одна пара черных ботинок. В его расческе не хватает зубьев. Зубная щетка старая. Для бритвы он пользуется не кремом, а мыльным порошком.

Хозяин гостиницы не ошибся, сказав, что все вечера Пикмаль читает. Книги там навалены всюду. В основном по философии, политической экономии и истории. Большинство куплено у букинистов. На нескольких имеется печать публичной библиотеки. Я записал некоторых авторов: Энгельс, Спиноза, Кьеркегор, святой Августин, Карл Маркс, отец Сертиланж, Сен-Симон... Вам это что-нибудь говорит?

- Да. Продолжай.

- В одном из ящиков я нашел картонную коробку, в которой хранились членские билеты разных партий и обществ. Там были билеты, выданные и лет двадцать и года три назад. Самый старый - ассоциации "Огненные кресты".

Есть еще один, датированный 1937 годом, - билет "Аксон Франсез". Сразу после войны Пикмаль примкнул к коммунистической партии и состоял в одной из ее секций в течение трех лет.

Лапуэнт заглянул в свои записи.

- Он также принадлежал к Интернациональной лиге теософов, центр которой находится в Швейцарии. Вы слышали об этой лиге?

- Да.

- Забыл вам сказать - среди книг есть две по системе йогов и учебник дзюдо.

В общем, Пикмаль испробовал все религии и все философские и социальные учения. Он, видно, из тех, кто участвует в демонстрациях экстремистских группировок.

- Это все?

- Что касается его комнаты - все. Спустившись вниз, я спросил у хозяина, получает ли Пикмаль письма. Он ответил, что в корреспонденции Пикмаля он не видел ничего, кроме проспектов и

повесток, приглашающих на собрания. Я пошел в бистро на углу. К несчастью, был час аперитивов.

Вокруг стойки толпился народ. Пришлось долго ждать и дважды заказать вина, прежде чем я смог поговорить с хозяином так, чтобы у него не создалось впечатления, будто я его допрашиваю. Я ему преподнес ту же байку: что приехал из провинции, что мне нужно срочно повидаться с Пикмалем.

- С профессором? - спросил он.

Очевидно, кое-где Пикмаль выдает себя за профессора.

- Если бы вы пришли в восемь... Сейчас он, должно быть, читает лекции... Я не знаю, где он завтракает...

- Сегодня утром он приходил?

- Он, как всегда, выбирал рогастики в корзинке - он обычно съедает их три штуки. Однако сегодня какой-то незнакомый мне человек, пришедший раньше, подошел к нему и завел разговор... Обычно месье Пикмаль неразговорчив. Голова у него, должно быть, занята важными делами, и ему некогда тратить время на пустую болтовню. Он вежлив, но холоден. Знаете, как обычно: "Здравствуйте! Сколько с меня? До свидания!.." Меня это не задевает. У меня есть еще клиенты, которые тоже работают головой, и я понимаю, что это такое... Но меня поразило, что месье Пикмаль вышел вместе с незнакомцем, и вместо того, чтобы, как обычно, повернуть налево, они пошли направо.

- Хозяин описал этого незнакомца? - спросил Мегрэ.

- Очень приблизительно. Ему лет сорок. По виду служащий или коммивояжер. Он вошел в бистро чуть раньше восьми, встал в конце стойки и заказал кофе с молоком. Ни бороды, ни усов. Полноватый.

Мегрэ тут же подумал, что это описание подходит к нескольким дюжинам инспекторов с улицы Соссэ.

- Больше ничего не узнал?

- Узнал. Позавтракав, я снова позвонил в Школу. Попросил к телефону Пикмаля. На этот раз не сказал, кто я, а у меня ничего не спросили.

Только ответили, что его сегодня не видели.

- Он в отпуске?

- Нет, просто не явился. И что особенно удивительно-даже не позвонил, чтобы предупредить об этом. Такое с ним случилось впервые.

Я вернулся в гостиницу "Бэрри" и поднялся к себе. Затем постучал в дверь Пикмаля. Открыл ее. В комнате никого не было. После моего первого визита там ничего не изменилось.

Вы мне велели выяснить все детали. Я пошел в Школу, представился приятелем Пикмаля из провинции. Мне удалось узнать, где он обедает. На улице Святых Отцов в ста метрах от Школы, в ресторанчике, который содержит один нормандец. Я пошел туда.

Пикмаля там сегодня не было. Я видел его салфетку в кольце с номером и бутылку минеральной воды, поставленную для него на столе, за которым он обычно ест. Это все, патрон. Я совершил какие-нибудь ошибки? Вопрос был вызван тем, что Мегрэ нахмурился и на лице его появилась озабоченность.

Неужели это дело будет похоже на то, которое ему в свое время всучили и из-за которого он вынужден был уехать в Люсон?

В тот раз все также произошло из-за соперничества между улицей Соссэ и набережной Орфевр: обе полиции получили противоположные директивы, причиной чего была борьба между

высокопоставленными лицами, и, волей-неволей, защищали противоположные интересы. В полночь премьер-министр узнал, что Пуан обратился за помощью к Мегрэ...

В восемь утра Пикмаль, нашедший отчет Калама, спокойно пил в маленьком баре кофе; к нему подошел какой-то неизвестный, и Пикмаль без всякого сопротивления, без возражений последовал за ним...

- Ты хорошо поработал, мой мальчик.

- Никаких орфографических ошибок?

- Не думаю.

- Что делать теперь?

- Сам не знаю. Пожалуй, тебе лучше остаться в отеле "Бэрри" на случай, если Пикмаль возвратится.

- И тогда позвонить вам?

- Да. Сюда или домой.

Один из двоих, прочитавших отчет Калама, исчез...

Остался Пуан, который тоже читал отчет, но он был министр, а посему его труднее незаметно убрать.

Подумав об этом, Мегрэ снова почувствовал во рту привкус вчерашней водки, и у него появилось желание выпить стакан пива в таком месте, где можно было побыть в окружении обыкновенных людей, которые занимаются маленькими делами.

Глава IV

Люка недоволен

Возвращаясь из пивной "Дофин", Мегрэ увидел Жанвье, который поспешно шел к Уголовной полиции.

К полудню стало почти жарко. Солнце светило ярче, и Мегрэ впервые в этом году оставил пальто в кабинете. Ему пришлось трижды окрикнуть Жанвье, прежде чем тот услышал, остановился и подошел к Мегрэ.

- Выпьем по стаканчику?

Комиссару не хотелось возвращаться на набережную Орфевр. В этом, вероятно, были повинны весна, а также умственное и нервное напряжение, в котором он находился со вчерашнего вечера.

У Жанвье было выражение лица человека, не знающего, что его ждет: головомойка или похвала. Они не остались у стойки, а направились в зал, где в это время никого не было.

- Пива?

- Что угодно.

Пока не принесли пиво, они молчали.

- Мы не единственные, патрон, кто занимается этой особой, - пробурчал наконец Жанвье. - У меня такое впечатление, что ею интересуется уйма людей.

- Рассказывай.

- Утром первым делом я отправился на бульвар Сен-Жермен побродить вокруг министерства. Остановившись метрах в ста от здания, я увидел на другой стороне улицы Руже, который делал вид, что страшно заинтересован воробьями.

И Мегрэ и Жанвье хорошо знали Гастона Руже, инспектора с улицы Соссэ, и отношения между ними были прекрасные. Руже был славный парень, жил он в пригороде и таскал в карманах кучу фотографий своих не то шести, не то семи отпрысков.

- Он заметил тебя?

- Да.

- Говорил с тобой?

- На бульваре было пусто. Я не мог от него укрыться, и, когда мы очутились друг против друга, он спросил меня: "И ты тоже?" Я разыграл дурачка: "Что тоже?" Он подмигнул мне: "Ничего. Я не прошу тебя выдавать секретов. Просто вижу, что здесь сегодня пропасть знакомых лиц. Жаль, что напротив этого дерьмового министерства нет ни одного бистро"...

Оттуда, где мы стояли, виден был двор, и я заметил Рамире из разведки, который, казалось, был в самых лучших отношениях со швейцаром...

Разыгрывая комедию до конца, я продолжал свой путь. Только на улице Сольфе-рино я зашел в кафе и посмотрел телефонную книгу. Нашел Бланш Ламот и ее адрес - улица Вано, 63. Я был в двух шагах оттуда.

- И опять наскочил на кого-нибудь из Сюртэ?

- Не совсем так. Вы знаете улицу Вано - тихую, почти провинциальную, там даже деревья во дворах растут. Номер шестьдесят три - это доходный дом без всяких претензий, но комфортабельный. Консьержка чистила картофель у себя в привратничкой.

"Мадемуазель Ламот дома?" - спросил я. И тут мне показалось, что в глазах у нее мелькнула насмешка. Я объясняю: "Я страховой агент."

Мадемуазель Ламот выразила желание застраховать жизнь, и я пришел заполнить формуляр"... Она не расхохоталась, нет, но до этого было недалеко. Только язвительно спросила: "Сколько различных полиций в Париже?"... "Не понимаю, что вы хотите этим сказать?"... "Во-первых, я вас уже видела с тем толстяком комиссаром, забыла его фамилию, когда два года назад дама из пятьдесят седьмой квартиры приняла слишком много снотворного. Во-вторых, ваши коллеги действуют здесь довольно решительно"... "Много их приходило?" - спросил я... "Один приходил вчера утром"... "Он показывал вам значок?"... "А я не просила показать его. И у вас не прошу. Полицейского я могу распознать"... "Много вопросов он задавал?"... "Немного: одна ли она живет, не приходит ли к ней иногда довольно полный мужчина лет пятидесяти. Я сказала, что нет"... "Так оно и есть?"... "Да. Потом он интересовался, случается ли ей возвращаться домой с портфелем. Я ответила, что такое бывает: у нее пишущая машинка, и она довольно часто приносит домой работу, которую делает вечером."

Полагаю, вы так же хорошо, как и я, знаете, что она секретарша у министра?"... "Да, я в курсе"... "Он еще хотел знать, был ли у нее портфель вчера вечером. Я призналась, что не заметила. Тогда он сделал вид, что уходит. Я поднялась в бельэтаж, где каждое утро помогаю по хозяйству одной пожилой даме. Немного позже я услышала, как он поднимался по лестнице. Я не стала выходить. Однако знаю, что он остановился на третьем этаже, где живет мадемуазель Бланш, и проник в ее квартиру"... "И вы позволили ему это?"... "За долгую службу консьержкой я хорошо усвоила, что полицию восстанавливать против себя не стоит"...

"Он долго там оставался?"... "Приблизительно минут десять"... "Вы его снова видели?"... "Видела, но не его, а другого"... "Вы рассказали об этом вашей жилище?"

Упершись взглядом в стакан, Мегрэ внимательно слушал и старался сопоставить этот инцидент с тем, что . ему уже было известно.

Жанвье продолжал:

- Она заколебалась, покраснела и в конце концов призналась: "Я сказала, что кто-то приходил, спрашивал про нее и поднимался к ней на этаж. Про полицию я не говорила".

- Мадемуазель Ламот удивилась?

- Сперва да. Потом пробормотала: "Кажется, я знаю, в чем дело". А сегодня утром через несколько минут после того, как она ушла на работу, пришли еще двое и тоже сказали, что они из полиции. Тот, который поменьше, показал мне значок, но я на него даже не взглянула.

- Они тоже поднялись на третий этаж?

- Нет. Только спрашивали о том же, что и первый, и еще кое о чем.

- О чем же?

- Часто ли она уходит из дому, с кем, о ее знакомых и подругах, часто ли она звонит по телефону... Мегрэ прервал Жанвье:

- Что консьержка тебе рассказала?

- Сообщила мне фамилию одной ее подруги, некоей Люсиль Кристин, которая живет где-то недалеко и служит в какой-то конторе. У этой Кристин небольшая косинка. Мадемуазель Бланш обедает в ресторанчике на бульваре Сен-Жермен, который называется "У трех министерств". Ужин готовит дома. Эта Люсиль Кристин приходит довольно часто, и они вместе ужинают. Адрес ее мне не удалось узнать... Консьержка сказала еще об одной подруге, которая бывает на улице Вано реже, но мадемуазель Бланш у нее обедает каждое воскресенье. Эта подруга замужем за уполномоченным Центрального рынка по фамилии Арье и живет на улице Курсель. Консьержка полагает, что она, как и мадемуазель Бланш, из Ла-Рош-Сюр-Йон.

- Ты ходил на улицу Курсель?

- Вы мне советовали ничем не пренебрегать. А так как я даже не знаю, о чем идет речь...

- Продолжай.

- Сведения были точны. Я зашел к госпоже Арье. У нее довольно комфортабельная квартира, трое детей, младшему восемь лет. Я снова изобразил страхового инспектора. Она меня ни в чем не заподозрила, и я сделал вывод, что явился первым. Они с Бланш Ламот вместе учились в школе в Ла-Рош. Потом потеряли друг друга из виду. Года три назад случайно встретились в Париже, и Арье пригласила свою подругу в гости. С тех пор Бланш Ламот обедает у них каждое воскресенье. Больше ничего особенного она не рассказала. Бланш ведет размеренную жизнь, полностью отдается работе, с большой теплотой говорит о своем патроне, за которого готова в огонь и воду.

- И это все?

- Нет. Примерно с год назад Бланш спросила у Арье, не знает ли он вакантной должности для одного человека, с которым она давно знакома и который находится сейчас в тяжелом положении. Имелся в виду Флери. Арье - он славный малый - взял Флери к себе. Флери должен был являться на службу каждый день к шести утра.

- И что дальше?

- Он проработал три дня и исчез, даже не извинившись. Мадемуазель Бланш было очень стыдно, и извиняться пришлось ей. Я вернулся на бульвар Сен-Жермен с намерением зайти в ресторан "У трех министерств". Издали я заметил там не только Гастона Руже, но еще одного его коллегу. Забыл его имя...

Мегрэ пытался привести в систему все сведения, которые у него накопились. В понедельник вечером Огюст Пуан пришел к себе на бульвар Пастера и оставил в бюро отчет Калама, считая, что там он будет в большей безопасности, чем где-либо.

Во вторник утром кто-то, назвавшийся полицейским, явился на улицу Вано и, задав несколько незначущих вопросов консьержке, проник в квартиру Бланш Ламот.

Действительно ли этот человек был из полиции?

Если да, то тогда дело куда сквернее, чем Мегрэ предполагал раньше.

Однако интуиция подсказывала ему, что первого визитера прислали вовсе не с улицы Соссэ.

Уж не он ли, ничего не найдя у секретарши, отправился затем на бульвар Пастера и похитил отчет Калама?

- Консьержка тебе этого человека описала?

- Очень приблизительно. Средних лет, довольно полный. Этот тип, видимо, умеет так задавать вопросы, что его принимают за полицейского.

По описанию этот человек смахивал на того, который, по словам хозяина бара на улице Жакоб, сегодня утром дожидался Пикмаля и увел его с собой Ну, а те двое, что приходили сегодня утром, но в квартиру секретарши не вошли, по всей вероятности, были из Сюртэ.

- Что мне теперь делать?

- Понятия не имею.

- Да, забыл: когда я вторично проходил по бульвару Сен-Жермен, кажется, в одном из баров заметил Люка.

- Вполне возможно.

- Он занимается тем же делом?

- Вроде того.

- Мне продолжать в том же духе?

- Знаешь, вернемся к этому разговору после того, как я увижу Люка.

Подожди минутку.

Мегрэ направился к телефону и вызвал Уголовную полицию.

- Люка вернулся?

- Еще нет.

- Это ты, Торранс? Как только он вернется, пошли его ко мне в пивную "Дофин".

По улице проходил мальчишка со свежим выпуском вечерних газет; в глаза бросались жирные заголовки. Мегрэ направился к выходу, ища в кармане мелочь.

Вернувшись, он сел рядом с Жанвье и развернул газету. Заголовок во всю страницу гласил: "АРТЮР НИКУ СБЕЖАЛ?"

Новость была настолько сенсационная, что первая страница явно набиралась заново.

"В клерфонском деле неожиданно выявились новые обстоятельства, которых, впрочем, многие ожидали.

Известно, что на другой же день после катастрофы общественное мнение было сильно взволновано и требовало тщательного расследования.

Фирма "Нику и Совгрэн", которая пять лет назад соорудила этот отныне слишком знаменитый санаторий, должна была бы, по мнению посвященных, незамедлительно стать объектом самого строгого расследования.

Почему этого не произошло? Надеемся, что в ближайшие дни это выяснится. А пока Артюр Нику, боясь показываться на людях, предпочел укрыться в своем охотничьем домике в Солони.

Полиция, похоже, была в курсе. Поговаривают даже, что она сама посоветовала предпринимателю во избежание инцидентов на время исчезнуть.

И только сегодня утром, через четыре недели после катастрофы, высокие инстанции решились наконец пригласить Артюра Нику, чтобы задать ему вопросы, которые давно у всех на устах.

Рано утром два инспектора Сюртэ отправились в охотничий домик, где не нашли никого, кроме сторожа.

Сторож заявил полицейским, что его хозяин вчера вечером отбыл в неизвестном направлении.

Неизвестность длилась недолго. Два часа назад наш специальный корреспондент в Брюсселе сообщил по телефону, что Артюр Нику утром прибыл в этот город и занял роскошные апартаменты в отеле "Метрополь".

Нашему корреспонденту удалось встретиться с ним и задать ему несколько вопросов, которые также, как и ответы, мы воспроизводим полностью:

- Правда ли, что вы внезапно покинули ваш домик в Солони, так как вас предупредили о приходе полиции?

- Это чистейшая ложь. Я ничего не знал, как, впрочем, и сейчас не знаю о намерениях полиции, которой в течение месяца было отлично известно, где меня искать.

- Вы покинули Францию в предвидении новых разоблачений?

- Я приехал в Брюссель по делам фирмы.

- По каким?

- По делам, связанным со строительством аэродрома, на которое я взял подряд.

- Намерены ли вы вернуться во Францию и предстать перед властями?

- Я не собираюсь менять свои планы.

- Не хотите ли вы этим сказать, что останетесь в Брюсселе до тех пор, пока не забудется клерфонское дело?

- Повторяю, что я пробуду здесь столько, сколько потребуют мои дела.

- Даже если будет выдано постановление допросить вас?

- У властей была уйма времени - целый месяц - допросить меня. Если они этого не сделали, тем хуже для них!

- Вы слышали что-нибудь об отчете Калама?

- Не знаю, о чем вы говорите.

Этими словами Артюр Нику прервал беседу, которую наш корреспондент немедленно передал нам по телефону.

Говорят, правда, точного подтверждения мы не получили, что через час после приезда Нику к нему в отель явилась молодая элегантная блондинка - имя ее пока неизвестно, - которую немедленно проводили в его апартаменты, где она якобы находится и сейчас. На улице Соссэ нам подтвердили, что двое полицейских ездили в Солонь, чтобы задать кое-какие вопросы предпринимателю. Когда же мы упомянули об ордере на привод Нику в полицию, нам ответили, что в данный момент так вопрос не ставится".

- Мы занимаемся этим делом, да? - с гримасой отвращения проворчал Жанвье.

- Да, этим.

Жанвье раскрыл рот, желая, видимо, поинтересоваться, почему Мегрэ занялся этим темным делом, связанным с политикой, но ничего не спросил.

Они увидели, как Люка пересекает площадь, привычно чуть подволакивая левую ногу. Люка не задержался у стойки, а прошел прямо к Мегрэ и Жанвье. Вытирая взмокший лоб и указывая на газету, он произнес укоризненным тоном, которого не позволял себе никогда в отношении патрона:

- Я это уже прочел.

Взглянув на обоих своих помощников, комиссар почувствовал себя виноватым. Лапуэнт, должно быть, тоже понял, в чем дело.

- Пива? - предложил Мегрэ.

- Нет, перно.

И это тоже плохо вязалось с привычками Люка. Они подождали, когда им подадут напитки, и стали вполголоса беседовать.

- Ты, вероятно, везде натыкался на парней из Большого дома?

Так они фамильярно называли Сюртэ.

- И вы мне советовали действовать незаметно! - возмутился Люка. - Если вы рассчитывали опередить их, то должен честно вас предупредить - они нас обогнали.

- Давай рассказывай.

- Что?

- Что тебе удалось узнать?

- Начал я с того, что пошел прогуляться по бульвару Сен-Жермен.

Пришел я туда через несколько минут после Жанвье.

- Руже? - спросил Жанвье и улыбнулся: очень уж была комичная ситуация.

- Он стоял столбом на тротуаре и увидел меня издали. Я сделал вид, что тороплюсь, и хотел пройти мимо. Он со смехом крикнул мне: "Ищешь Жанвье? Он только что завернул за угол на улицу Сольферино". Это небольшое удовольствие, когда над тобой посмеивается кто-нибудь с улицы Соссэ. Так как около министерства узнать о Жаке Флери мне ничего не удалось, я...

- Заглянул в телефонную книгу? - спросил Жанвье.

- Об этом я не подумал. Зная, что он завсегдатай баров на Елисейских Полях, я отправился в "Фуке".

- Держу пари, что его фамилия имеется в телефонной книге.

- Возможно. Ты дашь мне закончить?

У Жанвье было легкомысленное, озорное настроение. Его самого "нагрели", и он рад был видеть своего товарища в том же положении.

Все трое, включая Мегрэ, чувствовали, что залезли в чужую епархию и ведут себя немножко неуклюже; легко можно было представить себе, какими насмешками осыпают их коллеги с улицы Соссэ.

- Я поболтал с барменом. Флери все знают. У кабатчиков он в постоянном долгу, и когда сумма становится слишком уж большой, его перестают поить. Исчерпав кредит во всех барах и ресторанах, он на несколько дней исчезает.

- Но в конце концов расплачивается?

- В один прекрасный вечер он возвращается сияющий и небрежно оплачивает счета.

- И после этого все начинается сначала?

- Совершенно верно. Это длится уже многие годы.

- С тех пор, как он в министерстве, ничего не изменилось?

- Теперь, когда он стал начальником канцелярии министра, люди считают его влиятельной личностью, и появилось больше дураков, которые ставят ему. До того ему случалось исчезать на несколько месяцев. Однажды его видели на Центральном рынке, где он считал ящики с капустой, которые сгружали с грузовика.

Жанвье многозначительно взглянул на Мегрэ.

- Где-то в Ванв у него жена и двое детей. Предполагается, что он посылает им на жизнь. К счастью, его жена имеет работу: она что-то вроде компаньонки у одинокого старика. Дети тоже работают.

- А с кем он бывает в барах?

- Когда-то он появлялся с женщиной лет сорока. Пышная брюнетка, все ее называли Марсель. Флери выглядел влюбленным. Говорят, он ее нашел в кассе одной пивной у заставы Сен-Мартен; куда она делась потом, никто не знает. Уже год он в связи с некоей Жаклин Паж и живет с ней в квартире на улице Вашингтона над итальянской бакалейной лавкой.

Жаклин Паж двадцать три года, иногда ее приглашают статисткой в какой-нибудь фильм. Она крутится вокруг продюсеров и кинорежиссеров, которые заходят в "Фуке", и ни в чем им не отказывает.

- Флери влюблен в нее?
- Производит такое впечатление.
- Ревнует?
- Говорят, да. Но протестовать не смеет, делает вид, что ничего не замечает.
- Ты ее видел?
- Я решил, что мне следует сходить на улицу Вашингтона.
- Что ты придумал для нее?
- Мне не пришлось ничего придумывать. Едва открыв мне дверь, она воскликнула: "Еще один!" Жанвье и Мегрэ, не удержавшись, обменялись улыбками.
- Кто еще один? - спросил Мегрэ, зная заранее ответ.
- Полицейский, конечно. До меня их было уже двое.
- Порознь?
- Вместе.
- Интересовались Флери?
- Спросили, работает ли он иногда по вечерам и приносит ли документы из министерства.
- Что она ответила?
- Что у него по вечерам есть другие занятия. Эта девица за словом в карман не лезет.

Любопытная деталь: ее мать выдает напрокат стулья в церкви Пикпю.

- Квартиру они обыскивали?

- Нет, только заглянули во все комнаты. Это логово трудно назвать квартирой. Скорее, временное пристанище. В кухне разве что можно сварить утром кофе. В комнатах - в гостиной, спальне и так называемой столовой - жуткий беспорядок: дамские туфли, белье, газеты, пластинки, популярные романы, не говоря уже о бутылках и стаканах.

- Жаклин видит его во время завтраков?

- Редко. Чаще всего она валяется в постели часов до двух. Время от времени он звонит ей днем и приглашает встретиться в ресторане.

- У них много друзей?

- Их друзья - все те, с кем они вместе кутят.

- Это все?

Люка ответил, и впервые в его голосе прозвучал почти трогательный упрек:

- Нет, далеко не все! Вы велели узнать как можно больше. Во-первых, у меня имеется список прежних любовников Жаклин, а также тех, с кем она встречается сейчас.

С безразличной миной он положил на стол, листок бумаги, на котором карандашом были записаны фамилии.

- Можете убедиться: в этом списке имеются фамилии двух политических деятелей. Во-вторых, я почти нашел Марсель.

- Каким образом?

- Ножками. Я обошел все пивные на Больших бульварах, начав с площади Оперы. И, конечно, только на площади Республики мне повезло.

- Марсель снова стала работать в кассе?

- Нет. Но ее там помнят и даже видят в этом квартале. Хозяин пивной полагает, что она живет где-то поблизости, в районе улицы Блондель. Он часто встречается ее на улице Круасан, и у него сложилось впечатление, что она работает в газете либо в типографии.

- Ты проверил?

- Еще нет. А надо?

Тон у него был такой, что Мегрэ нерешительно пробормотал:

- Ты сердисься?

Люка заставил себя улыбнуться.

- Да нет. Но, согласитесь, это довольно странная работа. Особенно если потом узнаешь из газет, что она касается такого грязного дела! Если надо, я буду продолжать. Но, говоря откровенно...

- Думаешь, я от нее в восторге?

- Не думаю.

- Улица Круасан не такая уж большая. Все там должны друг друга знать.

- И я снова явлюсь после ребят с улицы Соссэ.

- Не исключено.

- Хорошо. Иду. Можно, я повторю?

Он показал на свой пустой стакан. Мегрэ сделал гарсону знак повторить и в последний момент заказал себе перно вместо пива.

Инспектора других отделов, закончившие рабочий день, заходили выпить аперитив у стойки. Они издали приветствовали своих коллег. Мегрэ, нахмурив лоб, думал в это время об Огюсте Пуане. Тот, должно быть, уже прочел статью и ждет, что вот-вот в газетах такими же огромными буквами будет напечатано и его имя.

Его жена, которую он, безусловно, посвятил во все, волнуется, наверно, не меньше. Говорил ли он с мадемуазель Бланш? Отдают ли они себе, все трое, отчет в том, какая тайная, подспудная возня идет вокруг них?

- А мне что делать? - спросил Жанвье тоном, показывающим, что работа ему противна, но тем не менее он за нее берется.

- Сможешь установить наблюдение за улицей Вано?

- На всю ночь?

- Нет. Часов в одиннадцать я пришлю Торранса сменить тебя.

- Вы предполагаете, что там может что-нибудь произойти?

Мегрэ признался:

- Нет, не предполагаю.

Действительно, никаких предположений у него не было. Вернее, их было столько и они так запутались, что он уже сам не мог в них разобраться.

Ему все время приходилось возвращаться к простейшим фактам, которые можно было проверить.

Единственное, что ему было точно известно: в понедельник днем некий Пикмаль явился в кабинет министра общественных работ. Он должен был обратиться к чиновнику, ведающему приемом посетителей, заполнить карточку. Мегрэ ее не видел, но она должна быть зарегистрирована, и не померещился же Пуану этот визит!

По крайней мере два человека, которые находились в соседних кабинетах, имели возможность услышать разговор-мадемуазель Бланш и Жак Флери.

Политическая полиция тоже подумала об этом, раз допросила консьержек домов, где живут эти двое.

Но действительно ли Пикмаль вручил Пуану отчет Калама?

Мегрэ казалось не правдоподобным, чтобы министр разыграл комедию: помимо всего, это не имело никакого смысла.

Пуан отправился на бульвар Пастера. Там он спрятал документ в бюро.

Этому комиссар тоже, безусловно, верил.

Итак, человек, который на другой день явился к мадемуазель Бланш и рылся в ее квартире, точно не знал, где именно находится отчет.

А днем документ исчез.

В среду утром исчез и Пикмаль.

В этот же день газета Жозефа Маскулена впервые заговорила об отчете Калама и громогласно спрашивала, кто скрывает этот документ.

Мегрэ стал рассуждать вслух, говоря тихо, как бы для самого себя:

- Одно из двух: доклад выкрали, либо чтобы уничтожить, либо чтобы использовать в своих интересах. До сих пор никто, по-видимому, им не воспользовался.

Люка и Жанвье слушали, не перебивая.

- Если только...

Мегрэ отхлебнул из стакана, вытер губы.

- Все это кажется очень запутанным, но в политике редко что бывает простым. Ясно одно: в уничтожении документа заинтересован один или несколько человек, скомпрометировавших себя клерфонским делом. И если станет известно, что документ исчез через несколько часов после того, как был найден, все подозрения автоматически падут на них.

- Мне кажется, я понимаю, - пробормотал Жанвье.

- По меньшей мере десятка три политических деятелей, не считая самого Нику, рискуют быть замешанными в грандиозном скандале, если не хуже. И если удастся перенести подозрения на кого-то одного, сострять против него улики и подставить под удар - это будет идеальный козел отпущения.

Да, Огюст Пуан беззащитен.

Оба помощника удивленно смотрели на Мегрэ. Он совершенно забыл, что они не знают дела во всем объеме. Но оно уже вышло из той стадии, когда можно было иметь от них секреты.

- Он в списке приглашенных в Самуа, - продолжал Мегрэ. - Его дочь получила от Нику в подарок золотую авторучку.

- Вы встречались с министром? Мегрэ кивнул.

- И это он...

Люка не закончил вопроса, но Мегрэ понял. Инспектор хотел спросить:

"Это он просил вас помочь?"

Неловкость, угнетавшая всех троих, наконец рассеялась.

- Он. Думаю, сейчас уже всем все известно.

- Значит, больше не нужно таиться?

- Во всяком случае, не от Сюртэ.

Они посидели еще минут пятнадцать. Мегрэ поднялся первым, пожелал всем спокойной ночи и на всякий случай заглянул к себе в кабинет. Ничего нового не было. Ни Пуан, ни другие, причастные к клерфонскому делу, не звонили.

За ужином мадам Мегрэ по выражению лица мужа поняла, что лучше ни о чем не спрашивать. Мегрэ провел вечер за чтением журнала Интерпола и в десять лег в постель.

- У тебя много работы?

Они уже почти заснули. Мадам Мегрэ долго не решалась задать этот вопрос.

- Не много, но очень противная.

Раза два он чуть было не снял трубку, чтобы позвонить Огюсту Пуану.

Мегрэ не думал, что скажет ему, - просто хотелось поговорить.

Встал Мегрэ в восемь. За окном был слабый туман, он льнул к стеклам и как бы приглушал уличный шум. Комиссар пошел к автобусной остановке на углу бульвара Ришар-Ленуар, но у газетного киоска остановился.

Бомба взорвалась. Газеты больше не задавали вопросов. Их заголовки кричали:

"КЛЕРФОНСКОЕ ДЕЛО!"

Исчезновение Жюля Пикмаля, нашедшего отчет Калама. Отчет, переданный представителю правительства, также исчез".

Мегрэ вскочил на площадку автобуса, держа газеты под мышкой, но прочесть их решил, когда доберется до набережной Орфевр.

Проходя по коридору, он услышал телефонный звонок у себя в кабинете, открыл дверь, схватил трубку.

- Комиссар Мегрэ? - спросил телефонист. - Вам уже три раза звонили из министерства общественных работ. Просили передать...

Мегрэ еще не успел снять шляпу и пальто, чуть влажные от тумана.

Глава V

Добросовестность профессора

Голос, звучавший в трубке, принадлежал человеку, который провел бессонную ночь да к тому же почти не спал предыдущие и уже не пытается выбирать слова, поскольку перешагнул ту грань, когда его заботит, какое он производит впечатление на окружающих. Для мужчины такой вот тусклый тембр, отсутствие интонаций, энергичности означают примерно то же, что для женщины рыдать без патетики, широко открывая рот, не думая о том, что от этого она становится некрасивой.

- Мегрэ, вы не могли бы сейчас же прийти ко мне? При нынешнем положении дел - если это вас не смущает - вам нет никакого смысла избегать бульвара Сен-Жермен. Но предупреждаю: моя приемная полна репортеров и звонят беспрерывно. Я обещал устроить пресс-конференцию в одиннадцать часов.

Мегрэ посмотрел на часы.

- Я иду.

В дверь постучали. "Малыш" Лапуэнт вошел, когда Мегрэ, нахмутив лоб, еще держал в руке трубку.

- Хочешь мне что-нибудь сообщить?

- Да. Есть новости.

- Важные?

- Мне кажется.

- Надень шляпу и пойдем со мной. Расскажешь по дороге.

Остановившись на минутку около дежурного, Мегрэ попросил его предупредить шефа, что не будет на утреннем совещании. Затем направился к одному из маленьких черных полицейских автомобилей.

- Садись за руль.

И уже когда они ехали по набережной, Мегрэ сказал:

- Давай рассказывай.
- Эту ночь я провел в гостинице "Бэрри".
- Пикмаль не вернулся?
- Нет. Кто-то из политической полиции всю ночь стоял возле гостиницы.

Мегрэ предвидел нечто подобное, это его не беспокоило.

- Ночью пойти в комнату Пикмаля я не решился: пришлось бы зажечь свет и с улицы бы увидели. Я дождался рассвета и обыскал комнату тщательней, чем в первый раз. Кроме всего прочего, я перелистал каждую книгу. В учебнике политической экономии нашел вот это письмо, которое лежало там как закладка.

Продолжая одной рукой вести машину, Лапуэнт другой вынул из кармана бумажник и протянул его Мегрэ.

- В левом кармашке. Письмо на бланке Палаты депутатов.

Это был листок небольшого формата: на таких члены парламента пишут записки. Письмо было датировано прошлым четвергом. Небрежный почерк, маленькие буквы, наползающие друг на друга, концы слов почти неразборчивы.

"Дорогой месье, благодарю вас за сообщение. Меня оно очень заинтересовало, и я охотно повидаюсь с вами завтра в восемь вечера в пивной "Круасан" на Монмартре. До тех пор прошу вас никому не говорить об этом деле. Ваш..."

Подписи в буквальном смысле этого слова не было. Был какой-то росчерк, в котором нельзя было разобрать ни единой буквы.

- От Жозефа Маскулена? - пробурчал комиссар.
- Совершенно верно. С утра я зашел к приятелю, который работает стенографом в Палате и знает почерки большинства депутатов. Достаточно было показать ему первую строчку и подпись...

Они уже доехали до бульвара Сен-Жермен, и перед министерством общественных работ Мегрэ увидел несколько машин прессы. Он бросил взгляд на противоположную сторону: ребят с улицы Соссэ не было. Может быть, теперь, когда бомба взорвалась, они прекратили наблюдение?

- Вас ждать?
- Пожалуй, подожди.

Мегрэ пересек двор, поднялся по широкой лестнице, вошел в приемную с темно-красными коврами и желтоватыми колоннами и тут же увидел несколько знакомых лиц. Два-три журналиста ринулись было к нему, но дежурный чиновник опередил их.

- Сюда, господин комиссар. Господин министр ждет вас.

В огромном мрачном кабинете, где горел свет, Огюст Пуан показался комиссару ниже ростом и массивней, чем в квартире на бульваре Пастера.

Он протянул Мегрэ руку.

- Спасибо, что пришли, Мегрэ. Я уже упрекаю себя за то, что впутал вас в эту историю. Теперь видите, что я не зря волновался?

Пуан повернулся к женщине, которая в это время закончила говорить по телефону и повесила трубку.

- Познакомьтесь с моим секретарем мадемуазель Бланш, о которой я вам говорил.

Бланш бросила на Мегрэ недоверчивый взгляд. Она как бы занимала оборонительную позицию. Руки она не подала, ограничилась кивком.

У нее было заурядное, даже не очень привлекательное лицо, но под скромным черным платьем, отделанным у ворота полоской белых кружев, Мегрэ с удивлением угадал молодое, крепкое, еще не потерявшее притягательности тело.

- Если не возражаете, мы пойдем ко мне домой. Никак не могу привыкнуть к этому кабинету. Чувствую себя здесь не в своей тарелке. Вы побудете у телефона, Бланш?

- Да, господин министр.

Пуан открыл дверь, пробормотав все тем же тусклым голосом:

- Я пойду впереди. Путь довольно сложный.

Он сам еще не привык к этим переходам и казался чужаком в пустынных коридорах: порой даже колебался, какую дверь открывать.

Поднявшись по узкой лестнице, они прошли через две большие пустые комнаты. Увидев горничную в белом переднике с щеткой в руке, Мегрэ понял, что они вышли из присутственной части здания и находятся в квартире министра.

- Я хотел познакомить вас с Флери. Он был в соседнем кабинете. Но в последний момент я забыл об этом.

Послышался женский голос, Пуан толкнул дверь, и они очутились в небольшой гостиной. У окна сидела женщина, рядом с ней стояла молодая девушка.

- Мои жена и дочь. Я предпочел бы разговаривать при них.

Г-жа Пуан была похожа на типичную горожанку средних лет, каких часто встречаешь на улице, когда они делают покупки для дома. Лицо у нее было усталое, взгляд погасший.

- Прежде всего, разрешите мне поблагодарить вас, господин комиссар.

Муж мне все рассказал, и я знаю, как помогла ему встреча с вами.

На столе лежали газеты. Выделялись сенсационные заголовки.

Сначала Мегрэ совсем не обратил внимания на молодую девушку, которая казалась более спокойной и лучше владеющей собой, чем ее отец и мать.

- Не хотите ли чашку кофе?

Все это было похоже на дом, где лежит покойник: обычный распорядок дня нарушен, и люди приходят и уходят, говорят, двигаются, не зная, куда себя девать и что делать.

Мегрэ был все еще в пальто. Анн-Мари предложила Ёму раздеться. Она же положила пальто на спинку Кресла.

- Вы читали утренние газеты? - спросил министр.

- Успел только просмотреть заголовки.

- Моего имени еще не упоминают, но им уже все известно. Информацию они получили ночью. Меня предупредил один знакомый метранпаж, который работает на улице Круасан. Я тут же позвонил премьеру.

- Какова была его реакция?

- Даже не знаю, был ли он удивлен. Впрочем, сейчас я не в состоянии правильно судить о людях. Очевидно, я его разбудил. Мне показалось, что он хочет казаться удивленным, но, в общем, я понял, что он не так уж взволнован.

Казалось, что Пуан цедит слова сквозь зубы без всякого выражения, словно они перестали иметь значение.

- Садитесь, Мегрэ. Простите, что я сам стою, но с утра я просто не могу усидеть на месте. Я должен либо стоять, либо ходить. Когда вы пришли, я уже с час вышагивал по кабинету, а секретарша отвечала на телефонные звонки. О чем я говорил?.. Ах, да. Премьер сказал мне: "Ну, что ж, мой дорогой, придется как-то выкручиваться!" Да, да, он так и сказал. Я спросил, не его ли

подчиненные задержали Пикмаля. Вместо прямого ответа он пробормотал: "А что навело вас на такую мысль?" Потом стал объяснять: он, как я и любой другой министр, не может поручиться за все, что происходит в его ведомстве. Он произнес целую речь на эту тему.

"Нас делают ответственными за все, - говорил он, - не понимая, что мы всего лишь временные люди и что те, кому мы даем распоряжения, понимают это. Они знают, что вчера у них был другой начальник, а завтра, возможно, будет третий..." Тут я предложил: "Мне, пожалуй, лучше всего завтра же утром попросить вас об отставке..." "Вы слишком торопитесь, Пуан. Вы захватили меня врасплох. В политике редко происходит все так, как планируется. Я подумаю о вашем предложении и позвоню вам..."

Полагаю, что он обзвонил кое-кого из наших коллег. Может быть, они устроили заседание? Не знаю. Теперь у них нет никакого резона держать меня в курсе... Остальную часть ночи я провел, шагая по комнате. Жена пыталась меня успокоить.

Г-жа Пуан посмотрела на Мегрэ, как бы говоря: "Помогите мне! Вы видите, что с ним!"

Да, действительно. На бульваре Пастера Пуан показался Мегрэ человеком, который пошатнулся от полученного удара, но, хотя еще не знал, как парировать его, сдаваться не собирался. Теперь же он разговаривал так, будто события больше не касались его, будто его судьба решена раз и навсегда. Он явно отказывался от борьбы.

- Он позвонил вам? - спросил Мегрэ.

- Около половины шестого утра. Как видите, не я один не спал прошлую ночь. Он заявил, что моя отставка ничего не исправит, что ее воспримут как признание вины и что мне остается одно - сказать правду.

- Включая и содержание отчета Калама? - спросил Мегрэ.

Пуану удалось улыбнуться.

- Не совсем. Когда я уже считал, что разговор закончен, он добавил:

"Вас, возможно, спросят, читали ли вы отчет..." Я ответил, что читал...

"Я так и думал. Но отчет очень объемистый, напичкан, полагаю, техническими терминами, которые юрист вполне может и не понять. Более точным будет сказать, что вы его просмотрели. У вас больше нет этого отчета, и вы ничего не помните. То, что я вам советую, мой дорогой друг, поможет вам избежать гораздо более серьезных неприятностей, чем те, которые вас ждут. Начни вы говорить о содержании доклада и называть людей, которые там фигурируют, кто бы они ни были - меня это совершенно не касается и мне на это наплевать, - и вас обвинят в том, что вы выдвигаете обвинения, которые не в состоянии доказать. Вы меня понимаете?"

Наверное, уже в третий раз с начала этого разговора Пуан закурил трубку. Его жена обратилась к Мегрэ:

- Можете тоже курить. Я привыкла.

- С семи утра начал звонить телефон. В основном звонили журналисты и просили ответить на вопросы.

Сначала я говорил, что мне нечего им сообщить. Потом я почувствовал, что тон их становится почти угрожающим. Двое главных редакторов газет сами созвонились со мной. Кончилось тем, что я назначил встречу у себя в кабинете в одиннадцать утра и пообещал устроить пресс-конференцию. Но сначала я хотел повидаться с вами. Очевидно...

У него хватило мужества - а может быть, удерживал страх, стыд или суеверие - отложить этот вопрос на самый последний момент.

- Очевидно, вам ничего не удалось найти?

Возможно, Мегрэ хотел придать значимость своему жесту и тем самым внушить министру хоть немного уверенности, когда без слов вынул из кармана письмо и протянул его собеседнику? В этом жесте было нечто театральное, что было несвойственно комиссару.

Мадам Пуан не сдвинулась с места, но Анн-Мари - подошла к отцу и стала читать через его плечо.

- От кого это? - спросила она.

Мегрэ, в свою очередь, спросил у Пуана:

- Вы узнаете почерк?

- Что-то знакомое... И все же я его не знаю.

- Это письмо было отправлено Жозефом Маскуленом в прошлый четверг.

- Кому?

- Жюльену Пикмалю.

Наступила пауза. Пуан, не говоря ни слова, протянул письмо жене.

Каждый, по-видимому, пытался оценить важность этого открытия.

Когда Мегрэ снова заговорил, он, как и на бульваре Пастера, начал с вопросов:

- Какие у вас отношения с Маскуленом?

- Никаких.

- Вы с ним в ссоре?

- Нет.

У Пуана был серьезный и озабоченный вид. Что касается Мегрэ, то хотя он никогда не совался в политику, все же немного знал парламентские нравы. Депутаты, даже если они принадлежат к противоположным партиям и на трибуне свирепо нападают друг на друга, в жизни поддерживают приятельские отношения, напоминающие своей непринужденностью отношения в школе или в казарме.

- Вы с ним не разговариваете? - настаивал Мегрэ. Пуан провел рукой по лбу.

- Это началось, еще когда я только пришел в Палату депутатов. Вы помните, конечно, обновленный парламент, где все поклялись, что больше в нем не будет места никаким махинациям и грязным делишкам. Это было сразу после войны, в стране был взлет идеализма. Люди жаждали чистоты.

Большинство моих коллег, во всяком случае, значительная их часть, были, как и я, новичками в политике.

- За исключением Маскулена?

- Он и еще несколько человек остались от старого парламента, но все были уверены, что атмосферу в Палате создадут новые депутаты. Спустя несколько месяцев у меня уже не было этой уверенности. Через два года я окончательно пришел в уныние. Ты помнишь, Анриетта?

Он повернулся к жене.

- До такой степени, - сказала она, - что даже решил не переизбираться.

- На одном обеде я взял слово и высказал все, что было у меня на душе. Там присутствовали журналисты, которые записали мою речь. Я буду удивлен, если мне сейчас не напомнят ее. Темой моего выступления были "грязные руки". Я высказал мысль, что, по существу, порочен не наш политический строй, а та среда, в которой волей-неволей вращаются политические деятели... Не стану вам все пересказывать. Вы, вероятно, помните знаменитый заголовок: "Республика приятелей". Во время сессий депутаты ежедневно встречаются. Пожимают друг другу руки, словно старые приятели. После нескольких недель сессии все уже на "ты" и оказывают друг другу разные мелкие услуги... С каждым днем пожимаешь все больше рук, и, если они оказываются не

очень чистыми, снисходительно пожимаешь плечами: "Он все-таки неплохой малый!" Или: "Он должен был сделать это для своих избирателей..." Вы понимаете меня? Я заявил, что, если бы каждый из нас отказался раз и навсегда пожимать "грязные руки", политическая атмосфера сразу бы очистилась.

После небольшой паузы Пуан с горечью добавил:

- Я и поступал так, как проповедовал. Избегал некоторых журналистов и сомнительных дельцов, которые постоянно вертятся в кулуарах Бурбонского дворца. Отказывал влиятельным избирателям в услугах, которые не считал возможным делать... А однажды, когда Маскулен подошел ко мне и протянул руку, я сделал вид, что не замечаю ее, и демонстративно повернулся к кому-то из моих коллег. Он побледнел и затаил злобу. Он из тех, кто не прощает.

- Вы, по-моему, так же поступили и с редактором "Молвы" Эктором Табаром?

- Раза два-три я отказался его принять, и он больше не настаивал.

Пуан взглянул на часы.

- У меня остается всего час. В одиннадцать я должен предстать перед журналистами и отвечать на их вопросы. Сначала я хотел вручить им официальное коммюнике, но это их явно не удовлетворит. Придется рассказать им, что ко мне явился Пикмаль и вручил отчет Калама и что я отнес его к себе на квартиру на бульваре Пастера, чтобы там прочесть.

- Но что вы его не прочли!

- Попытаюсь быть не столь категоричным. Труднее всего будет заставить их поверить, что я оставил этот чертов отчет в квартире без всякого присмотра и что на другой день, когда хотел забрать его и передать премьер-министру, он исчез. Никто мне не поверит. Исчезновение Пикмаля ничего не упрощает - наоборот. Будут говорить, что я каким-то образом спрятал неугодного свидетеля. Единственное, что могло бы меня спасти, это разоблачение похитителя.

Как бы извиняясь за свою досаду, Пуан добавил:

- Я не мог ожидать этого за такой короткий срок даже от вас, комиссар. Как вы думаете, что я должен делать?

Вмешалась мадам Пуан:

- Подать в отставку и вернуться в Ла-Рош-сюр-Йон. Люди, которые тебя знают, поверят, что ты невиновен. Что касается остальных, то о них не стоит беспокоиться. Твоя совесть ведь чиста?

Мегрэ взглянул на Анн-Мари и увидел, как она поджала губы. Он понял, что девушка не разделяет точки зрения матери: для нее такой шаг отца, несомненно, означает крах всех надежд.

- А каково ваше мнение? - спросил нерешительно Пуан.

Такую ответственность комиссар взять на себя не мог.

- А ваше?

- Мне кажется, я должен защищаться. Во всяком случае, если есть хоть малейшая надежда найти вора...

- Я всегда надеюсь до последней минуты, - проворчал Мегрэ, - иначе не начинал бы расследования. Из-за того, что я не специалист в политике, мне пришлось терять время на действия, которые могут показаться бесполезными. Но сейчас я уже не считаю, что они были так уж бесполезны.

До того, как Пуан выйдет к журналистам, надо было внушить ему если уж не полную, то хотя бы частичную уверенность в успехе. Поэтому Мегрэ четко обрисовал ему сложившуюся ситуацию.

- Видите ли, господин министр, мы сейчас вступили в такую стадию, когда я чувствую себя в своей стихии. До сих пор я должен был действовать так, чтобы никто об этом не догадывался, и в результате мои люди повсюду натыкались на парней с улицы Соссэ. И у дверей вашего

министерства и у домов вашей секретарши, Пикмаля, шефа вашей канцелярии они неизменно встречали агентов Сюртэ. Вначале я задавал себе вопрос: что ищут они, и не ведут ли обе службы параллельное расследование?

Теперь я полагаю, что они просто хотели знать, что мы можем раскопать.

Наблюдали не за вами, не за вашей секретаршей, не за Пикмалем и не за Флери. Наблюдали за мной и моими людьми. С момента, когда исчезновение Пикмаля и отчета Калама стало неоспоримым фактом, поиск их становится прямой обязанностью уголовной полиции, так как это произошло на территории Парижа.

Человек не может исчезнуть и не оставить каких-нибудь следов. И вор в конце концов тоже попадется.

- Раньше или позже! - с грустной улыбкой пробормотал Пуан.

Мегрэ, встав и глядя в глаза Пуану, произнес:

- Вам нужно продержаться до тех пор.

- Это зависит не только от меня.

- Это зависит главным образом от вас.

- Если за этой махинацией стоит Маскулен, он не преминет внести запрос в парламент.

- Если только не предпочтет использовать имеющиеся у него сведения, чтобы усилить свое влияние. Пуан с удивлением посмотрел на комиссара.

- Вы в курсе? Я полагал, что вы не интересуетесь политикой.

- Такое происходит не только в политике, и Маскулены имеются всюду.

Мне кажется - поправьте меня, если я ошибаюсь, - что этим человеком движет одна страсть - жажда власти, но он хладнокровен и умеет ждать своего часа. Время от времени он мечет громы в парламенте и в газетах, разоблачая какое-нибудь злоупотребление или скандал.

Пуан слушал с возрастающим интересом.

- Таким образом он мало-помалу завоевал себе репутацию бескомпромиссного борца за справедливость. И все озлобленные, все бунтари и фанатики типа Пикмаля обращаются к нему, когда им кажется, что они открыли злоупотребление. Он, вероятно, получает письма того же рода, как мы, когда совершается какое-нибудь таинственное преступление. Их пишут люди не совсем нормальные, маньяки, а также те, кто ищет возможность выместить ненависть против родственника, бывшего друга или соседа. Однако в этой массе встречаются и письма, которые наводят на след; без них по улицам города ходило бы гораздо больше убийц. Пикмаль, индивидуалист, искавший истину во всех экстремистских группах, во всех религиях и философиях, является как раз таким человеком, который, найдя отчет Калама, и не подумал отдать его своим непосредственным начальникам, поскольку им не доверял. Он обратился к известному защитнику справедливости, уверенный, что таким образом спасет отчет от заговора молчания.

- Но если отчет в руках Маскулена, почему же он до сих пор не воспользовался им?

- По причине, о которой я вам уже говорил. Для поддержания своей репутации ему время от времени необходимо поднимать какой-нибудь скандал. Шантажные листки типа "Молвы" печатают только те сведения, которые им сообщают. А вот то, о чем им не сообщают, как раз и есть самое важное... Отчет Калама слишком лакомый кусок, чтобы бросить его просто так на съедение публике... Как вы думаете, если доклад у Маскулена, сколько высокопоставленных лиц он держит в своих руках?

Включая, конечно, и Артюра Нику?

- Много. Несколько десятков.

- Нам неизвестно, сколько у него таких документов, которыми он может воспользоваться в любой момент и с помощью которых в тот день, когда почувствует себя достаточно сильным, сумеет достигнуть своей цели.

- Я уже думал об этом, - признался Пуан. - И это меня пугает. Если отчет у него, то вряд ли нам удастся его достать. А если я не продемонстрирую отчет или не сумею представить формальные доказательства, что такое-то лицо его уничтожило, то буду опорочен: меня обвинят в его сокрытии.

Мегрэ заметил, как мадам Пуан отвернулась, пряча скатившуюся по щеке слезу. Пуан тоже заметил это и на мгновение потерял самообладание.

Анн-Мари укоризненно воскликнула:

- Мама!

Мадам Пуан тряхнула головой, как бы говоря, что это так, ерунда, и быстро вышла из комнаты.

- Вот видите! - произнес Пуан, как будто происшедшее нуждалось в комментариях.

Прав ли был Мегрэ? Не повлиял ли на него драматизм обстановки? Он заявил с абсолютной уверенностью:

- Не обещаю вам найти отчет Калама. Но я найду того, кто залез к вам в квартиру и украл документ. Это моя профессия.

- Вы надеетесь?

- Уверен в этом.

Мегрэ поднялся. Пуан пробормотал:

- Я пойду вместе с вами.

Затем, обращаясь к дочери, попросил:

- Передай маме то, что комиссар только что сказал мне. Это ее подбодрит.

Они проделали в обратном направлении тот же путь по переходам министерства и снова оказались в кабинете Пуана. Там, кроме мадемуазель Бланш, которая отвечала на телефонные звонки, находился высокий худой седоватый мужчина. Он разбирал почту.

- Познакомьтесь. Жак Флери, начальник моей канцелярии... Комиссар Мегрэ...

Мегрэ показалось, что он уже где-то видел этого человека: наверно, в каком-нибудь ресторане или баре. Он выглядел довольно молодо и элегантно, и это контрастировало с небрежностью костюма министра. Флери был из тех, кого всегда можно встретить в обществе хорошеньких женщин в любом баре на Елисейских полях. Рука у него была сильная, пожатие крепкое. Издали он казался моложе и энергичнее, чем вблизи. На близком расстоянии заметны были мешки под глазами и какая-то безвольность рта, которую он пытался скрыть нервной улыбкой.

- Сколько их там? - спросил Пуан, указывая на приемную.

- Не меньше тридцати. Корреспонденты иностранных газет тоже пришли.

Вот только не знаю, сколько фотографов: они все время подходят.

Мегрэ и министр посмотрели друг на друга. Казалось, комиссар хочет взглядом подбодрить Пуана: "Держитесь!"

Пуан спросил:

- Вы выйдете через приемную?

- Раз вы сообщите им, что расследованием занимаюсь я, это уже не имеет значения. Даже наоборот.

Он по-прежнему чувствовал на себе недоверчивый взгляд мадемуазель Бланш, которую не успел приручить. Она, видимо, все еще не знала, какого держаться мнения о комиссаре. Однако

спокойствие ее патрона, возможно, заставит ее думать, что вмешательство комиссара скорее хорошо, нежели плохо.

Когда Мегрэ вышел в приемную, первыми на него нацелились фотографы, но он не стал уклоняться от них. Репортеры набросились с вопросами.

- Вы занимаетесь отчетом Калама? Улыбаясь, он шел мимо них.
- Через несколько минут министр ответит на все ваши вопросы.
- Но вы не отрицаете, что занимаетесь этим делом?
- Я ничего не отрицаю.

Несколько репортеров вышли за ним на мраморную лестницу, надеясь выудить хоть какие-нибудь сведения.

- Спросите у министра, - повторял Мегрэ. Кто-то задал вопрос:

- Вы предполагаете, что Пикмаля убили? Впервые эта гипотеза была сформулирована так четко.

- Вы же знаете мой любимый ответ: "Я ничего не предполагаю".

Наконец, остановившись еще несколько раз, ему удалось добраться до машины, где его поджидал Лапуэнт, успевший за это время прочесть утренние газеты.

- Куда мы поедем? К нам?

- Нет. На бульвар Пастера. Что пишут в газетах?

- В основном об исчезновении Пикмаля. В одной из газет - не помню в которой - напечатано интервью, которое корреспондент взял у мадам Калам.

Она живет на улице Распай в той же квартире, где жила с мужем. Это женщина весьма энергичная; она не пыталась размазывать и говорила напрямик то, что думает. Отчета она не читала, но прекрасно помнит, что ее муж примерно лет пять назад провел несколько недель в Верхней Савойе.

По возвращении он некоторое время очень много работал, даже по ночам.

"Никогда еще ему столько не звонили по телефону, - рассказала она. - Масса людей, о которых мы никогда не слыхали, наносили ему визиты. Он был очень озабочен и беспокоен. Когда я спрашивала, что его мучит, он отвечал, что это связано с его работой и ответственностью. В то время он часто говорил мне об ответственности. У меня было такое впечатление, будто его что-то гложет. Я знала, что он болен. За год до того доктор мне сообщил, что у него рак. Помню, как однажды он, вздохнув, сказал:

"Боже мой! Как трудно человеку решить, в чем его долг!"

Их машина как раз ехала по улице Вожирар, и автобус, идущий впереди, не давал развить скорость.

- Интервью занимает целую колонку, - добавил Лапуэнт.
- Что она сделала с бумагами мужа?
- Она все оставила в кабинете так, как было при нем, и регулярно его убирает.
- Кто-нибудь к ней заходил в последнее время?
- Два человека, - ответил Лапуэнт, с восхищением глянув на шефа.
- Пикмаль?
- Да. Это был первый визит с неделю назад.
- Она его знает?

- Очень хорошо. При жизни Калама Пикмаль часто приходил к нему за консультацией. Она полагает, что он занимался математикой. В последний визит он сказал, что хочет найти одну свою работу, которую оставил в свое время профессору.

- И нашел ее?

- У него с собою был портфель. Она провела Пикмаля в кабинет, где он пробыл около часа. Когда он уходил, она задала ему этот же вопрос, на который он ответил отрицательно, добавив, что бумаги, к сожалению, вероятно, затерялись. В портфель к нему она, конечно, не заглядывала.

Тогда у нее не возникло никаких подозрений. И только через день...

- Кто был второй визитер?

- Мужчина лет сорока. Он представился учеником Калама и спросил, сохранила ли она бумаги покойного.

Тоже что-то говорил о работах, которыми они совместно занимались.

- Она впустила его в кабинет?

- Нет. Она сочла, что такое совпадение выглядит по меньшей мере странно, и ответила, что все бумаги ее мужа остались в Школе дорог и мостов.

- Второго посетителя она описала?

- В газете об этом ничего нет. Если даже она это сделала, репортер сохранил сведения для себя и, возможно, сейчас сам ведет поиски этого человека.

- Остановись. Это здесь.

Как и ночью, днем бульвар выглядел мирным, внушающим доверие.

- Ждать вас?

- Нет, пойдешь со мной. Вероятно, придется поработать.

Застекленная дверь привратницкой находилась слева по коридору.

Консьержка, пожилая женщина почтенного вида, выглядела озабоченной.

- В чем дело? - спросила она, не поднимаясь с кресла. С ее колен спрыгнул рыжий кот и стал тереться о ноги Мегрэ.

Комиссар представился, сняв шляпу и стараясь говорить как можно почтительней.

- Господин Пуан поручил мне провести расследование по поводу кражи, которая произошла у него два дня назад.

- Кража? В нашем доме? И он мне ничего не сказал!

- Он подтвердит это при первой встрече, и если вы сомневаетесь, позвоните ему по телефону.

- Не стоит. Раз вы комиссар, я должна вам верить, не так ли? Как это могло случиться? Дом у нас спокойный, и за все тридцать пять лет, что я здесь служу, нога полицейского ни разу не ступала сюда.

- Не могли бы вы попытаться восстановить в памяти позавчерашний день, вторник, особенно утро?

- Вторник... Подождите... Позавчера...

- Накануне, вечером, министр был у себя.

- Да-да, что-то припоминаю...

- Открывали ли вы двери кому-нибудь ночью после ухода министра?

- Точно нет. Наши жильцы - люди тихие и редко приходят после полуночи. Если бы это случилось, я бы, конечно, запомнила.

- А утром в котором часу вы открываете дверь?

- В половине седьмого. Иногда в семь.

- А потом сидите у себя в привратничкой?

Это была небольшая комнатка с газовой плитой, круглым столом и водопроводной раковиной. За перегородкой стояла кровать, застеленная темно-красным покрывалом.

- За исключением того времени, когда подметаю лестницу.

- В котором часу?

- Не раньше девяти. Сначала я разношу почту, а ее приносят в половине девятого.

- Дверцы у лифта застеклены, и вы, вероятно, с лестницы видите, кто поднимается или спускается?

- Конечно. Я всегда машинально смотрю на лифт.

- А в то утро никто не поднимался на пятый этаж?

- Точно нет.

- А утром или днем кто-нибудь спрашивал вас, дома ли министр?

- Никто. Вот по телефону звонили.

- Вам?

- Нет. Министру.

- Откуда вам это известно?

- Я была в это время на лестнице между пятым и шестым этажами.

- В котором часу это было?

- Пожалуй, в десять, может, чуть раньше. Мои ноги уже не позволяют мне быстро работать. Я услышала за дверью телефонный звонок. Звонили долго. А минут через пятнадцать, когда я окончила уборку и спускалась вниз, телефон снова зазвонил. Я еще проворчала: "Звони, звони!"

- А что было дальше?

- Ничего.

- Вы пошли к себе?

- Да, переодеться.

- Вы никуда не уходили из дома?

- Как и каждое утро, на пятнадцать-двадцать минут, чтобы купить себе еду. Бакалейная лавка рядом с домом, мясная на углу. От бакалейщика я вижу всех, кто входит и выходит. Я всегда наблюдаю за домом.

- А от мясника?

- Оттуда не видно. Но я там пробыла недолго. Я ведь живу одна, вот только кот. Каждый день покупаю почти одно и то же. В мои годы уже нет аппетита.

- Вы не могли бы вспомнить, в котором часу точно вы были у мясника?

- Точно не могу. Там над кассой висят большие часы, но я никогда на них не смотрю.

- А вернувшись к себе, вы не заметили, чтобы кто-нибудь вышел, кого вы не видели, как он входил?

- Не помню. Нет. На тех, кто выходит, я меньше обращаю внимания, чем на тех, кто входит, за исключением жильцов, конечно: ведь я всегда должна ответить, дома они или нет. Постоянно приходят то служащие газовой компании, то коммивояжеры, предлагающие пылесосы, то посыльные из магазинов...

Мегрэ понимал, что больше ничего не удастся у нее узнать, а если она потом вспомнит что-нибудь еще, то обязательно скажет ему.

- Мы - инспектор и я - пойдём расспросить ваших жильцов, - сказал Мегрэ.

- Как вам угодно. Вы увидите, что это все порядочные люди, за исключением разве старухи с четвертого этажа, которая...

Приступая к привычной работе, Мегрэ почувствовал себя более уверенно.

- Перед уходом мы еще зайдём к вам, - предупредил он.

Выходя из комнаты, он не забыл погладить кошку.

- Возьми на себя квартиры слева, - сказал комиссар Лапуэнту, - я займусь квартирами справа. Ты понял, что я ищущу? - И добавил дружески:

- За работу, старина!

Глава VI

Завтрак в "Камбале"

Не успев позвонить в первую дверь, Мегрэ передумал, обернулся к Лапуэнту, который уже протянул руку к кнопке звонка.

- Не хочешь выпить?

- Нет, патрон.

- Ну, тогда начинай. Я через минутку вернусь.

Он мог, конечно, позвонить по телефону и от консьержки - мысль об этом звонке только что пришла ему на ум. Но, во-первых, он предпочитал поговорить без свидетелей, а во-вторых, был не прочь выпить чего-нибудь, стаканчик белого вина, например.

Ему пришлось пройти метров сто, прежде чем он нашел маленькое бистро, где, кроме хозяина, не было ни души.

- Стакан белого вина, - заказал Мегрэ. Затем передумал:

- Пожалуй, лучше перно.

Перно больше подходило к его настроению, погоде и атмосфере этого маленького опрятного бара, где, казалось, никто никогда не бывает. Мегрэ подождал, когда ему подадут, выпил полстакана и направился к телефонной кабинке.

Когда читаешь в газетах отчет о каком-нибудь расследовании, создается впечатление, что полиция идет по прямой дороге и с самого начала знает, куда надо идти. События развиваются логично, точь-в-точь, как в театре действие хорошо скроенной пьесы.

О бесплодной беготне, нудных поисках, которые часто заводят в тупик, о шагах, сделанных наугад, обычно не говорят. Мегрэ не мог назвать ни одного следствия, во время которого в тот или иной момент он не сбился бы со следа.

В это утро у него еще не было времени поинтересоваться Люка, Жанвье и Торрансом, которым он дал накануне задания, сегодня казавшиеся ему не особенно важными.

- Уголовная полиция? Дайте мне Люка. Если его нет на месте, тогда Жанвье.

Вскоре он услышал на другом конце провода голос Люка:

- Это вы, патрон?

- Да. Прежде всего запиши срочное задание. Надо достать фотографию Пикмаля - этого типа из Школы дорог и мостов. В гостинице ее искать бесполезно. Там ее нет. Скорее всего в Школе есть какой-нибудь групповой снимок, какие обычно делаются в конце года. Ребята из отдела экспертизы сумеют извлечь из него то, что надо. Пусть они работают как можно быстрее. Надо,

чтобы фото появилось в вечерних газетах. Пусть его также пошлют во все участки. Чтобы ничего не упустить, загляни-ка еще в институт судебно-медицинской экспертизы.

- Понял, патрон - У тебя есть новости?

- Я нашел Марсель. Ее полное имя Марсель Люке.

Мысленно Мегрэ уже зачеркнул это направление, но не хотел создавать у Люка впечатления, что тот трудился напрасно.

- И что же?

- Она работает корректором в ночной смене в типографии "Круасан". Ни "Молва", ни "Глоб" там не печатаются. О Табаре она слыхала, но с ним незнакома. Маскулена никогда не видела.

- Ты с ней побеседовал?

- Я угостил ее кофе со сливками на Монмартре. Это приличная женщина.

Во Флери она влюбилась, а до встречи с ним жила одна. Она и сейчас любит его. За то, что он ее бросил, не сердится, а позови он ее снова, тут же побежит к нему. По ее словам, Флери большой ребенок, который нуждается в опеке и любви. Она уверена, что он способен на мелкое плутовство, но не на настоящую подлость.

- Жанвье рядом?

- Да.

- Передай ему трубку.

Жанвье было нечего сообщить. Он продежурил на улице Вано до полуночи, пока его не сменил Торранс.

- Бланш Ламот вернулась домой около одиннадцати одна, пешком.

Поднялась к себе, и через полчаса свет в ее окнах погас.

- Никого с улицы Соссэ поблизости не было?

- Никого. Я могу сосчитать по пальцам всех, кто возвращался из кино или театра.

У Торранса дежурство было еще спокойнее. За всю ночь по улице Вано прошло всего семь человек.

- Свет в ее квартире зажегся в шесть утра. Она рано встает, видимо, чтобы управиться по хозяйству. Вышла она из дому в десять минут девятого и направилась на бульвар Сен-Жермен.

Мегрэ вернулся к стойке, допил перно, и так как оно было очень легкое, выпил еще стаканчик, пока набивал трубку.

Мегрэ вернулся в дом на бульваре Пастера: Лапуэнт звонил уже в третью квартиру, и он тоже принялся за работу.

Опрос людей - иногда очень долгое дело. В этот час в доме были только женщины, занимавшиеся хозяйством. Первым их движением было захлопнуть дверь: они принимали Мегрэ и Лапуэнта за коммивояжеров или за страховых агентов. При слове "полиция" все они вздрагивали.

Им задавали вопросы, но думали они совсем о другом: о супе, стоящем на плите, о ребенке, который играет на полу, о том, что надо бы выключить пылесос, а то он работает вхолостую. Некоторые были смущены, что их застали одетыми по-домашнему, и машинально поправляли волосы.

- Постарайтесь вспомнить утро вторника...

- Вторника, да...

- Не приходилось ли вам в то утро, примерно между десятью и двенадцатью, открывать дверь?

Первой из тех, кого опрашивал Мегрэ, во вторник утром вообще не было дома: она ходила в больницу к сестре, которой сделали операцию. Вторая - молодая женщина с ребенком на руках - без конца путала вторник и среду.

- Я была дома. Я всегда дома по утрам. За покупками я хожу во второй половине дня, когда возвращается муж.

- Вы открывали дверь?

Приходилось терпеливо, методично заставлять их вспоминать, что было во вторник утром. Задай им Мегрэ или Лапуэнт вопрос прямо: "Видели ли вы на лестнице или в лифте постороннего человека, который поднимался на пятый этаж?.." - они тут же ответили бы отрицательно, не дав себе даже труда подумать.

На четвертом этаже Мегрэ нагнал Лапуэнта, так как в его квартирах на третьем никого не оказалось дома.

За дверью каждой квартиры шла своя особая жизнь, как бы выключенная из жизни дома и города. На каждом этаже был свой запах, в каждой квартире свои обои, но жильцы были примерно одинаковые: работящие, честные люди, которые всегда немножко побаиваются полиции.

Мегрэ вступил в неравный бой с глухой старухой, которая не впускала его в квартиру и заставляла повторять каждый вопрос по несколько раз.

Одновременно он прислушивался к разговору Лапуэнта в квартире напротив.

- Почему вы требуете, - кричала старуха, - чтобы я открыла вам дверь?

Эта ведьма консьержка, небось, обвиняет меня в том, что я подсматриваю за соседями?

- Да нет, мадам. Вас ни в чем не обвиняют.

- Тогда почему полиция приходит ко мне и допрашивает?

- Мы пытаемся установить личность одного человека...

- Какого человека?

- Человека, которого мы не знаем, но которого ищем.

- Кого вы ищете?

- Одного человека.

- А что он сделал?

Комиссар предпринял новую попытку втолковать ей, но в это время дверь напротив открылась. Лапуэнт сделал знак, что у него есть новости, и Мегрэ сразу оставил в покое раздосадованную старуху.

- Познакомьтесь с мадам Годри, патрон. Ее муж работает в банке на Итальянском бульваре. Сыну пять лет.

Мегрэ увидел малыша, который стоял позади матери, держась обеими ручонками за юбку.

- Она иногда посылает мальчика в ближайшую лавку, но только в такую, которая находится на этой стороне бульвара.

- Я не позволяю ему переходить улицу одному. Когда он выходит, я всегда оставляю дверь приоткрытой. И вот во вторник...

- Вы услышали, что кто-то поднимается по лестнице?

- Да. Я ждала Боба. Сначала я подумала, что это он. Большинство пользуется лифтом, но я ему еще не разрешаю.

- А я умею! - заявил мальчуган. - Я уже поднимался в нем.

- И был наказан за это. Короче, я выглянула как раз в тот момент, когда какой-то мужчина шел по площадке, направляясь на пятый этаж.

- В котором часу это было?

- Что-то около половины одиннадцатого. Я только что поставила на огонь рагу.

- Он заговорил с вами?

- Нет. Сначала я увидела только его спину. На нем было бежевое легкое пальто, кажется, из габардина, я не очень присматривалась. Он был широкоплечий, с довольно толстой шеей.

Она бросила взгляд на шею Мегрэ.

- Моих размеров?

Она запнулась, покраснела.

- Не совсем. Он немного моложе. Лет сорока, я думаю. Я увидела его лицо, когда он дошел до поворота лестницы. Он тоже бросил на меня взгляд и, казалось, был недоволен, что я смотрю на него.

- Он остановился на пятом этаже?

- Да.

- Позвонил в какую-нибудь дверь?

- Нет. Вошел в квартиру господина Пуана, хотя ему понадобилось некоторое время, чтобы открыть дверь.

- Как если бы он пробовал разные ключи?

- Мне трудно сказать, но, скорее, это производило впечатление, что он не очень привык к замку.

- Вы видели его, когда он уходил?

- Нет, он спустился на лифте.

- Через какое примерно время?

- Минут через десять.

- Вы все это время были на площадке?

- Нет. Но Боб все никак не возвращался, и дверь была приоткрыта. Я услышала, как лифт поднялся, остановился на пятом этаже, а потом спустился вниз.

- Кроме того, что он полный, вы могли бы что-нибудь еще сказать о нем?

- Это очень трудно. Я только заметила, что у него хороший цвет лица, как у человека, который любит поесть.

- Очки?

- Кажется, нет. Точно, нет.

- Он курил трубку, сигарету?

- Нет... Подождите... Я почти уверена, что он курил сигару. Мне это бросилось в глаза, так как мой деверь...

Все, включая и сигару, соответствовало приметам, которые хозяин бара на улице Жакоб сообщил о человеке, уведшем Пикмалья. Приметы эти могли подходить и к неизвестному, который на улице Вано залез в квартиру к мадемуазель Бланш.

Через несколько минут Мегрэ и Лапуэнт были уже на улице.

- Куда поедем?

- Подбрось меня на набережную. А сам поезжай на улицу Вано и улицу Жакоб. Проверь, не курил ли тот человек сигару.

Когда Мегрэ вернулся к себе в кабинет, Люка уже раздобыл фото, на котором Пикмаль, к сожалению, стоял во втором ряду, но снимок был достаточно четким, чтобы специалисты смогли сделать то, что нужно.

Мегрэ явился к начальнику Уголовной полиции, где провел около получаса, вводя его в курс событий.

- Это мне больше нравится! - выдохнул шеф, кома комиссар кончил свой рассказ.

- И мне тоже.

- Я совсем успокоюсь, когда мы узнаем - если вообще узнаем, - кто этот тип.

Оба думали об одном и том же, но предпочли не говорить об этом. Не исключено, что человек, на след которого они трижды натыкались, - их коллега с улицы Соссэ.

У Мегрэ там были приятели, особенно один, по фамилии Катру; он даже крестил его сына. Но обратиться к нему Мегрэ не решался. Если Катру что-нибудь знает, Мегрэ рискует поставить его в неловкое положение.

Фотография Пикмаля появится в вечерних газетах. И так ли уж это будет забавно, если человек, которого разыскивает Уголовная полиция, находится в Сюртэ?

Они ведь могут тут же "изъять его из обращения", так как он слишком много знает. Возможно, его доставили на улицу Соссэ и пытаются из него что-то вытянуть.

Газеты скоро сообщат, что этим делом занялась Уголовная полиция, в частности Мегрэ.

Сюртэ может, и никто ее в этом не упрекнет, через несколько часов после такого сообщения объявить, что задержала Пикмаля.

- Но вы точно уверены, - настаивал шеф, - что Пуан не виляет и ничего от вас не скрывает?

- Могу поклясться в этом.

- А те, кто его окружает?

- Мне кажется, тоже. Я интересовался каждым из них. Разумеется, я не все знаю про их жизнь, но то, что мне известно, заставляет думать, что преступника надо искать в другом месте. Письмо, которое я показывал вам...

- Маскулен?

- Вне всякого сомнения, он замешан в этой истории. Доказательством служит письмо.

- Что вы собираетесь предпринять?

- Возможно, мне это ничего не даст, но у меня почему-то появилось желание посмотреть на него вблизи. Для этого мне достаточно пойти позавтракать на Площадь Победы в "Камбалу", где, говорят, он обосновался.

- Будьте осторожны.

- Постараюсь.

Мегрэ зашел к инспекторам, чтобы дать кое-какие указания. Лапуэнт только что вернулся.

- Ну, как насчет сигар?

- Удивительно, что такую деталь заметила женщина. Хозяин быстро не смог сказать, что курил тот человек: трубку, сигару или сигарету, хотя он и провел у стойки более четверти часа. Но все-таки хозяин больше склоняется к сигаре. А консьержка в доме мадемуазель Бланш весьма категорична.

- Он курил сигару?

- Нет. Сигарету. Даже бросил окурочек на лестницу и раздавил каблуком.

В час дня Мегрэ вошел в известный ресторан на площади Победы. В груди он чувствовал какой-то неприятный холодок: мериться силами с Маскуленом по меньшей мере неблагоприятно.

Против Маскулена у него не было никаких улик, кроме записки, которой депутат мог дать сотню правдоподобных объяснений. Кроме того, здесь Маскулен на своей территории. Мегрэ же был случайным человеком, и метрдотель только глянул на него, но не сдвинулся с места, чтобы им заняться.

- У вас найдется свободный столик?

- На сколько персон?

- Я один.

Большинство столов было занято. Раздавался приглушенный ровный гул голосов, которому аккомпанировал ч звон вилок и бокалов. Метрдотель осмотрелся вокруг и подошел к небольшому столику, загнанному в угол у дверного тамбура. Были свободны еще три стола, но, заговори комиссар о них, ему бы явно ответили, что они уже заказаны. И это могло быть правдой.

По сигналу метрдотеля гардеробщица подошла к Мегрэ и взяла у него шляпу и пальто. Ждать, пока примут заказ, пришлось долго, так что у Мегрэ было время оглядеть зал.

Этот ресторан посещали важные особы, и за завтраком здесь можно было встретить только мужчин: финансистов, известных адвокатов, журналистов, политических деятелей; все они принадлежали примерно к одному кругу и издали обменивались приветствиями.

Кое-кто узнал комиссара, и, видимо, за некоторыми столами шепотом обсуждали его появление.

Жозеф Маскулен сидел за столиком в правом углу в обществе мэтра Пинара, адвоката, почти так же знаменитого, как и депутат, из-за неистовства, с которым он произносил защитительные речи.

Третий их сотрапезник сидел спиной к Мегрэ. Это был, по-видимому, немолодой человек, узкоплечий, с редкими седыми волосами, зачесанными на лысину. Только когда тот повернулся в профиль, Мегрэ узнал Совгрена, шурина и компаньона Нику. Комиссар видел его фото в газетах.

Маскулен, поглощавший в это время антрекот, уже успел заметить Мегрэ и не спускал с него пристального взгляда, словно в зале не было ничего более интересного. Сначала в его глазах было только любопытство, затем в них загорелся иронический огонек, а сейчас он, похоже, с интересом ожидал, что дальше будет делать комиссар.

Мегрэ составил наконец меню, заказал маленькую бутылку пуйи и, попыхивая трубкой, тоже воззрился на депутата. Разница между ними заключалась в том, что взгляд Мегрэ - как обычно в таких случаях - казался отсутствующим и ничего не выражающим. Можно было подумать, что человек, на которого он смотрит, ему так же безразличен, как белая стена, и мысли его заняты только дьеппской камбалой, которую он заказал.

Комиссар в общем-то очень мало знал о Нику и его фирме. Ходили слухи, что у Совгрена до того, как лет двенадцать назад его сестра вышла замуж за Нику, не было ни гроша: единственное, что он имел, это имя. Сейчас у него была контора на авеню Республики, недалеко от конторы Нику. Она была огромных размеров, с роскошной обстановкой, и Совгрэн проводил там целые дни, поджидая каких-нибудь ничего не значащих посетителей, которых к нему направляли, чтобы чем-нибудь занять.

Если Маскулен открыто принимает его за своим столом, значит, у него есть на это серьезные причины. А может быть, и мэтр Пинар присутствует здесь, потому что защищает интересы Совгрена?

Редактор одной из газет, выходя, остановился возле Мегрэ и пожал ему руку.

- По делу? - спросил он.

И так как комиссар сделал вид, что не понял, редактор добавил:

- Не помню, чтобы когда-нибудь встречал вас здесь. И он выразительно посмотрел в сторону Маскулена.

- Не знал, что Уголовная полиция занимается такого рода делами. Вы нашли Пикмаля?

- Еще нет.

- Все еще ищете отчет Калама?

Это было сказано таким насмешливым тоном, будто отчет Калама существовал только в воображении некоторых людей и Мегрэ никогда не суждено его найти.

- Ищем. - Мегрэ предпочел ограничиться таким ответом.

Журналист хотел что-то сказать, но решил промолчать и, приветственно махнув рукой, поспешно вышел. В тамбуре он почти столкнулся с входившим человеком, которого Мегрэ мог бы и не заметить, если бы не провожал взглядом своего собеседника.

Собираясь открыть уже вторую дверь, человек этот через стекло увидел комиссара, и на его лице отразилось странное смятение. Мегрэ он знал много лет, и ему пришлось бы с ним поздороваться. Он уже было собрался это сделать, но, бросив нерешительный взгляд в сторону Маскулена и, вероятно, надеясь, что Мегрэ не успел его узнать, внезапно повернулся и исчез.

От Маскулена, сидевшего в своем углу, не ускользнула ни одна деталь этой сцены, хотя на его лице игрока в покер ничего не отразилось.

Зачем Морис Лаба приходил в "Камбалу" и почему обратился в бегство, увидев Мегрэ?

В течение лет десяти он служил в одном из отделов на улице Соссэ, и был даже такой период, правда, короткий, когда говорили, что он имеет влияние на министра.

И вдруг стало известно, что он подал в отставку, но не по собственному желанию, а чтобы избежать более серьезных неприятностей.

Потом он стал возвращаться среди людей, которые посещают такие места, как "Камбала". Он не открыл, как это делали другие в его положении, частное сыскное агентство. Никто не знал, чем он занимается и на какие средства живет. Кроме жены и детей, он содержал любовницу моложе его на двадцать лет, которая, должно быть, обходилась ему недешево.

Мегрэ даже не смог насладиться дьеппской камбалой, как она того заслуживала, потому что в этом инциденте с Лаба было над чем подумать.

Не естественно ли предположить, что бывший полицейский пришел в "Камбалу", чтобы встретиться именно с Маскуленом?

Лаба был из тех людей, которым можно поручить любое сомнительное дело. Кроме того, у него, вероятно, сохранились друзья на улице Соссэ.

Может быть, ретируясь, он надеялся, что Мегрэ не успел его узнать? И, возможно, Маскулен, которого комиссар в тот момент не видел, сделал Лаба знак уйти.

Было бы Лаба за сорок, был бы он полнее и курил бы сигары, комиссар не усомнился бы, что нашел человека, который увел Пикмаля и побывал на бульваре Пастера и на улице Ванно.

Но Лаба было лет тридцать шесть. Он был корсиканец и, как все корсиканцы, худощав и невысок ростом. Чтобы казаться выше, он носил обувь на высоких каблуках, кроме того, у него были черные закрученные вверх усы, и, Наконец, он беспрерывно курил сигареты, о чем свидетельствовали его пожелтевшие пальцы.

И все же его появление сразу повернуло мысли Мегрэ в другом направлении, и он стал ругать себя за то, что пошел по не правильному пути. Сюртэ сбила его с толку.

Когда-то Лаба служил там, но теперь больше не является ее сотрудником. В Париже есть еще несколько десятков бывших полицейских, от которых Сюртэ вынуждена была в свое время избавиться по более или менее схожим причинам.

Мегрэ тут же решил, что должен немедленно получить список этих уволенных полицейских. Стоило бы сразу позвонить Люка, чтобы он занялся этим делом, но, как ни странно это может показаться, комиссар не решался пройти через зал под насмешливым взглядом Маскулена.

Маскулен, не заказавший десерта, уже пил кофе. Мегрэ тоже не заказал десерта, а попросил кофе с коньяком. Он сидел, набивал трубку и старался восстановить в памяти лица людей с улицы Соссэ, которых он знал. У него было такое ощущение, словно на кончике языка вертится какое-то имя, а он все не может его вспомнить.

С той минуты, когда ему впервые сказали о полном мужчине и особенно когда упомянули о сигаре, что-то зашевелилось в его памяти.

Мегрэ до такой степени погрузился в мысли, что даже не заметил, как Маскулен встал, вытер салфеткой губы и что-то сказал своим сотрапезникам. Если говорить более точно, то он видел, как Маскулен, встав, отодвигал стул, чтоб освободить проход, и размеренным шагом направился к нему, но все это как будто проходило мимо его сознания.

- Вы разрешите, комиссар? - произнес Маскулен, берясь за спинку стула, стоящего против Мегрэ. Лицо его было серьезно, лишь слегка подергивался уголок рта, вероятно, от нервного тика.

На мгновение Мегрэ растерялся. Такого оборота он не ожидал. Он впервые слышал голос Маскулена, низкий, очень приятного тембра. Говорят, что именно из-за голоса - лицо у Маскулена нехорошее, жесткое, как у Великого инквизитора, - в тот день, когда ожидается его выступление, некоторые дамы стараются достать приглашение на заседание Палаты.

- Какое странное совпадение, что вы пришли сегодня сюда. Я собирался вам звонить.

Мегрэ оставался невозмутимым, пытаясь, насколько возможно, усложнить задачу Маскулену, но депутат, казалось,нисколько не был обескуражен его молчанием.

- Я только что узнал, что вы занимаетесь Пикмалем и отчетом Калама. - Маскулен говорил вполголоса, так как на них уже смотрели из-за многих столов. - Я могу не только предоставить вам важные сведения, но, полагаю, даже обязан сделать официальное заявление. Пожалуй, вам придется сегодня же послать одного из ваших инспекторов в Палату, чтобы записать его. Где меня найти, ему укажет любой.

Мегрэ все еще сохранял полную невозмутимость.

- Дело касается того самого Пикмаля, с которым мне довелось встретиться на прошлой неделе.

У Мегрэ в кармане лежало письмо Маскулена, и тут до него дошло, почему у депутата появилась потребность поговорить с ним.

- Уже не помню, какого числа, мой секретарь дал мне прочесть одно из многочисленных писем, которые я получаю ежедневно и на которые он обязан отвечать. Оно было подписано фамилией Пикмаль, а в обратном адресе был указан отель на улице Жакоб. Я забыл, как он зовется, кажется, по названию какой-то провинции.

Не спуская с него глаз, Мегрэ отхлебнул кофе и несколько раз пыхнул трубкой.

- Я ежедневно получаю по несколько сот писем, и отправители их самые разные: сумасшедшие, полусумасшедшие, порядочные люди, которые сообщают мне о всяких злоупотреблениях, и в задачу моего секретаря, способного молодого человека, которому я абсолютно доверяю, входит отбор наиболее важных из них.

Почему Мегрэ, изучая лицо своего собеседника, подумал, уж не педераст ли он? Никогда на этот счет не ходило никаких слухов. Если он и был педерастом, ю тщательно это скрывал. Комиссару казалось, что этим можно было бы объяснить некоторые черты характера Маскулена.

- Письмо Пикмаля мне показалось искренним, и уверен, что, если я его найду, на вас оно произведет такое же впечатление. Сочту своим долгом немедленно передать его вам. Он написал, что он единственный в Париже знает, где находится отчет Калама, и может достать его. Он добавил, что обращается ко мне, а не к официальным лицам, так как знает, что слишком много людей заинтересовано в том, чтобы замять это дело, и что я единственный человек, который внушает ему доверие. Простите, что я повторяю его выражения. На всякий случай я написал ему несколько слов и назначил свидание.

Спокойно, не спеша, Мегрэ вынул из кармана бумажник, извлек из него письмо с грифом Палаты, показал издали, - на стол не положил к досаде Маскулена, изготовившегося уже схватить его.

- Вот это?

- Вероятно. Мне кажется, я узнаю свой почерк. Он не спросил у Мегрэ, как к нему попало письмо, не выразил удивления, а только заметил:

- Я вижу, вы в курсе дела. Я встретился с ним в пивной "Круасан", недалеко от типографии: по вечерам я иногда там назначаю встречи.

Пикмаль показался мне чересчур экзальтированным и, на мой взгляд, слишком прямолинейным. Я попросил его изложить свое дело.

- Он сказал вам, что отчет у него?

- Не совсем так. Такие люди никогда ничего не делают просто. У них есть потребность окружать себя атмосферой таинственности. Он сообщил мне, что работает в Школе дорог и мостов, что ему пришлось быть ассистентом профессора Калама и что, ему кажется, он знает, где найти отчет, составленный в свое время Каламом по результатам экспертизы проекта санатория в Клерфоне. Наша беседа длилась не больше десяти минут, так как мне надо было еще просмотреть корректуру моей статьи.

- После этого Пикмаль принес отчет?

- Я больше не видел его. Он предложил передать мне его в понедельник или во вторник, самое позднее в среду. Я ответил ему, что не хочу - по причинам, коюрые должны быть вам понятны, - чтобы документ попал ко мне.

Этот доклад подобен динамиту, и сегодня мы в этом убедились.

- И что же вы посоветовали Пикмалю?

- Передать отчет своему начальству.

- То есть директору Школы дорог и мостов?

- Кажется, я не уточнял. Возможно, я упомянул о министерстве; естественно, это первое, что мне могло прийти в голову.

- Он больше не пытался вам звонить?

- Насколько мне известно, нет.

- А встретиться?

- Если он и пытался, то, очевидно, неудачно, так как, повторяю, об этом деле я узнал только из газет. По-видимому, он последовал моему совету, несколько, правда, по-своему: пошел прямо к министру. Едва услышав о его исчезновении, я решил поставить вас в известность об этом инциденте, что я и сделал. Учитывая возможные последствия этого дела, я предпочел бы, чтобы мое заявление было должным образом зафиксировано. И, если сегодня днем...

Что ж, придется послать к нему кого-нибудь, чтобы записать его показания. Мегрэ не сомневался, что инспектор застанет Маскулена в окружении депутатов и журналистов. А не будет ли это использовано против Огюста Пуана?

- Благодарю вас, - сухо сказал Мегрэ. - Все необходимое будет сделано.

Маскулен казался несколько обескураженным; похоже, он ожидал чего-то другого. Может, он предполагал, что комиссар будет задавать каверзные вопросы или как-нибудь выразит недоверие?

- Я только выполняю свой долг. Если бы я предполагал, что события будут развиваться таким образом, я бы уведомил вас раньше.

У него все время был такой вид, словно он играет роль и даже не скрывает этого. Он, казалось, говорил: "Я хитрее тебя. Ну, что ты будешь делать?"

А не допустил ли Мегрэ ошибку? Не исключена возможность, что допустил. Мериться силами с таким влиятельным и хитрым человеком, как Маскулен?! Пользы никакой, а вреда может быть много.

Маскулен встал и протянул комиссару руку. Внезапно того, как молнией, пронзило воспоминание о Пуане и его рассказе про "грязные руки". Не став взвешивать все за и против, Мегрэ схватил пустую чашку из-под кофе и поднес ее к губам, делая вид, что не замечает протянутой руки.

Глаза депутата потемнели от гнева. Рот стал подергиваться сильнее. Но он ограничился тем, что сказал:

- До свидания, господин Мегрэ.

Он специально сделал ударение на слове "господин" или Мегрэ показалось? Если да, то это была почти не прикрытая угроза и означала она, что Мегрэ недолго оставаться в комиссарах полиции.

Проводив глазами Маскулена, который возвратился к своему столу и наклонился к сотрапезникам, Мегрэ машинально позвал:

- Гарсон! Счет, пожалуйста.

С десяток людей, играющих более или менее важную роль в жизни страны, не отрывая глаз, наблюдали за ним.

Похоже, Мегрэ выпил рюмку коньяка, даже не заметив этого: только на улице он ощутил во рту его вкус.

Глава VII

Комиссар разъезжает на такси

Не впервые он входил в комнату к инспекторам не как начальник, а как товарищ. Сдвинув шляпу на затылок, он уселся на стол, вытряхнул пепел из трубки прямо на пол, стукнув ею несколько раз о каблук, и набил снова.

Все чем-нибудь занимались, и он оглядел их, чувствуя себя как отец семейства, вернувшийся вечером домой и довольный, что застал всех своих на месте.

Через некоторое время он сообщил:

- Малыш, бьюсь об заклад, что твоя фотография появится сегодня в газетах.

Стараясь не покраснеть, Лапуэнт поднял голову, и в глазах его отразилось недоверие к словам комиссара. В глубине души все они, за исключением Мегрэ, который уже привык к этому, радовались, когда в газетах появлялись их фотографии. Но всякий раз делали вид, что недовольны: "Теперь попробуй походи хвостом или зайди куда-нибудь - сразу узнают!"

Остальные тоже стали слушать. Раз Мегрэ пришел поговорить с Лапуэнтом в общую комнату, значит, то, что он хочет ему сказать, касается всех.

- Захвати с собой стенографический блокнот и отправляйся в Палату.

Там ты без труда найдешь депутата Маскулена, и я буду очень удивлен, если ты застанешь его не в окружении довольно многочисленной компании.

Он сделает заявление, а ты его слово в слово запишешь. Когда вернешься, перепечатай и оставь на моем столе.

Из кармана Мегрэ торчали вечерние газеты: в них на первых страницах были фотографии Пуана и его. Он не успел еще их просмотреть, но ему было заранее известно, что напечатано под жирными заголовками.

- Это все? - спросил Лапуэнт, направляясь к стенному шкафу за пальто и шляпой.

- Пока все.

Мегрэ сидел, продолжая задумчиво курить.

- Попробуйте-ка, ребята, вспомнить бывших полицейских с улицы Соссэ, которых оттуда выгнали или которые были вынуждены сами подать в отставку.

- Недавно? - спросил Люка.

- Неважно, когда. Допустим, за последние десять лет.

Торранс бросил:

- Можно составить целый список!

- Называй имена.

- Бодлен. Тот, который сейчас служит детективом в страховой компании.

Мегрэ попытался восстановить в памяти Бодлена - высокого бледного парня, которому пришлось уйти из полиции не из-за нечестности или нечистоплотности, а потому, что он тратил почти всю энергию и изобретательность не на исполнение служебных обязанностей, а на симуляцию всевозможных болезней.

- Кто еще?

- Фальконе.

Этому уже было за пятьдесят, и его попросили подать в отставку досрочно, так как он начал пить, и на него нельзя было положиться.

- Еще?

- Малыш Валенкур.

- Рост маленький.

Вопреки тому, что им казалось вначале, они смогли вспомнить всего несколько имен, и каждый раз, представив себе этого человека, Мегрэ качал головой - Все не то. Он должен быть почти такой же комплекции, как я.

- Фише.

Раздался дружный взрыв смеха: этот Фише весил по меньшей мере сто двадцать килограммов.

- Благодарю! - буркнул Мегрэ. Посидев еще немного с инспекторами, Мегрэ наконец поднялся и вздохнул.

- Люка! Позвони-ка на улицу Соссэ и попроси к телефону Катру.

Теперь, когда его интересовали лишь те инспектора, которые больше не работают в Сюртэ, у Мегрэ не было чувства, что он толкает друга выдать служебные секреты. Катру, проработавший двадцать лет на улице Соссэ, конечно, мог ответить на этот вопрос куда точнее и полнее, чем инспектор Уголовной полиции.

Все почувствовали, что у комиссара появилась идея, пока еще, правда, смутная и не до конца осознанная. По тому, как он стал вдруг угрюм, по тому, как смотрел на людей, не видя их, все понимали, что сейчас он уже знает, в каком направлении надо вести поиск.

Мегрэ тщетно пытался вспомнить имя, которое все время вертелось на кончике языка. Люка приятельски болтал по телефону, видимо, с каким-то хорошим знакомым.

- Катру нет на месте, патрон.

- Надеюсь, ты не хочешь мне сказать, что он уехал в командировку в другой конец Франции?

- Нет. Он болен.

- В больнице?

- Дома.

- Ты спросил его адрес?

- Я думал, вы его знаете.

Они с Катру действительно были старыми друзьями. Правда, в гости друг к другу не ходили. Мегрэ вспомнил, что однажды подвез Катру к его дому - где-то на бульваре Батиньоль - в конце, по левую сторону. И еще вспомнил, что справа от дома был ресторан.

- В газетах есть фотография Пикмаля?
- На вторых страницах.
- Никто не звонил по этому поводу?
- Пока нет.

Мегрэ прошел к себе в кабинет, не присаживаясь, распечатал несколько писем, отнес Торрансу бумаги, которые касались его, и, наконец, спустился во двор и задумался: что взять - полицейскую машину или такси.

Решил взять такси. Хотя в его визите к Катру нет ничего особенного, благоразумней будет, если машина с набережной Орфевр не будет маячить у его дверей.

Начал Мегрэ с того, что спутал дом: теперь там было два ресторана в пятидесяти метрах друг от друга. Он справился у консьержки:

- Господин Катру?

- Второй этаж, направо. Лифт на ремонте. Мегрэ позвонил. Он не узнал мадам Катру, которая открыла дверь, но она узнала его сразу.

- Входите, господин Мегрэ.

- Ваш муж лежит?

- Нет, сидит в кресле. У него грипп. Обычно он подхватывает его в начале зимы, а на этот раз заболел в конце.

На стенах висели портреты двоих детей - мальчика и девочки - во всех возрастах. Они уже обзавелись семьями, и фотографии их малышей продолжали коллекцию.

- Мегрэ? - раздался радостный возглас Катру еще прежде, чем комиссар вошел к нему в комнату.

Это была не гостиная, а просто большая комната, где, видимо, проходит большая часть жизни семьи. Катру, закутанный в теплый домашний халат, сидел у окна; на коленях у него и рядом на стуле лежали газеты; тут же стоял круглый столик, а на нем - чашка с отваром из трав. Больной держал сигарету.

- Тебе разрешают курить?

- Перестань! Хватит мне и жены! Я время от времени затягиваюсь, просто чтобы почувствовать вкус табака. - Голос у него был хриплый, глаза лихорадочно блестели. - Снимай пальто. Здесь страшно жарко. Жена считает, что я должен потеть. Садись.

- Вы что-нибудь выпьете, господин Мегрэ? - предложила жена Катру.

Она выглядела почти старухой, и комиссара это очень удивило. Он и Катру были, можно сказать, ровесниками. Мегрэ казалось, что его жена выглядит намного моложе.

- Ну, конечно, Изабель. Не спрашивай, а принеси лучше кувшинчик кальвадоса.

Наступило неловкое молчание. Катру, похоже, понимал, что его коллега из Уголовной полиции пришел не для того, чтобы справиться о здоровье, и, видимо, ждал куда более щекотливых вопросов, чем те, которые собирался задать Мегрэ.

- Не бойся, старина. Я не собираюсь ставить тебя, в затруднительное положение.

Катру бросил взгляд на первую страницу газеты, как бы спрашивая:

"Из-за этого, да?"

Мегрэ взял рюмку кальвадоса.

- А мне? - возмутился Катру.

- Тебе нельзя, - ответила жена.

- Доктор ничего об этом не говорил.

- Я и без него знаю.

- Ну, капельку, только чтобы почувствовать вкус. Она налила ему на доньшко и вышла - так же поступила бы и мадам Мегрэ.

- Есть у меня одна мысль, - признался Мегрэ. - Только что я и мои инспектора пытались вспомнить всех полицейских, которые раньше работали у вас и были уволены.

Катру все еще смотрел на газету, пытаясь увязать то, что сказал Мегрэ, с прочитанным.

- А за что уволены?

- Неважно за что. Ты понимаешь, что я имею в виду. У нас тоже такое случается, но реже: нас меньше, чем вас.

Катру лукаво улыбнулся.

- Ты так думаешь?

- А, может быть, еще и потому, что мы занимаемся более ограниченным кругом дел. Короче, у нас меньше соблазнов. Ну вот, мы ломали голову, но вспомнили всего несколько фамилий.

- Какие?

- Бодлен, Фальконе, Валенкур, Фише...

- И все?

- Да. Я решил справиться у тебя. Меня интересуют те, что пошли по скользкой дорожке.

- Вроде Лаба?

Странно, что Катру произнес именно эту фамилию. Уж не хотел ли он как бы невзначай подсказать Мегрэ?

- Я уже думал о нем. Он, вероятно, замешан в этом деле, но это не тот человек, которого я ищу.

- Ты имеешь в виду какую-то определенную фамилию?

- И фамилию и лицо. У меня есть его приметы. С самого начала они мне кого-то напоминали... А потом...

- Приметы? С ними дело пойдет куда быстрее, чем перечислять тебе всех. Тем более что я тоже не помню всех фамилий.

- Прежде всего его сразу принимают за полицейского.

- Это может относиться ко многим.

- Средних лет. Довольно полный. Немного худее меня.

Катру посмотрел на Мегрэ, как бы оценивая его сложение.

- Возможно, я ошибаюсь, но думаю, что он работает либо на себя, либо на кого-то.

- Частное сыскное агентство?

- Возможно. Но бюро и вывески у него может и не быть, и объявление в газетах он может и не давать.

- Таких довольно много, в том числе и бывших начальников отделов, людей в высшей степени порядочных, которые, выйдя на пенсию, открыли частные агентства. Например, Луи Канонь. И Кадэ, который был моим шефом.

- Такие есть и у нас. Я говорю о людях другого сорта.

- Какие-нибудь особые приметы у тебя есть?

- Он курит сигары.

Мегрэ понял, что Катру вспомнил фамилию. Он помрачнел. Заметно было, что в нем борются противоречивые чувства.

- Тебе это что-то говорит?

- Да.

- Кто?

- Подлец.

- Этого-то подлеца я и ишу.

- Подлец он без полета, но опасный.

- Чем?

- Во-первых, потому, что все подлецы опасны. А во-вторых, говорят, что он делает грязную работу для некоторых политиков.

- Все совпадает.

- Полагаешь, он замешан в деле, которым ты занимаешься?

- Если приметывы, которые я тебе дал, совпадают, если он курит сигары и путается с политикой, вероятней всего, что это тот самый человек. Не хочешь ли ты сказать... - Тут в памяти Мегрэ всплыло лицо-широкое, с припухлыми веками, с толстыми губами. - Погоди! Я, кажется, вспомнил.

Это... - Но имя все время ускользало от него.

- Бенуа, - подсказал Катру. - Эжен Бенуа. Он открыл частное агентство на бульваре Сен-Мартен, второй этаж, как раз над часовой мастерской. На окне написана его фамилия. Думаю, что его лавочка чаще закрыта, чем открыта, так как весь штат агентства состоит из него одного.

Это был как раз тот, чью фамилию комиссар тщетно пытался вспомнить последние двадцать четыре часа.

- Достать его фотографию, наверное, не так-то просто?

Катру задумался.

- Это зависит от того, когда он ушел со службы. Это было... - Катру что-то вполголоса высчитал, затем позвал:

- Изабель!

Она тут же пришла.

- Поищи, пожалуйста, в книжном шкафу внизу ежегодник Сюртэ. Там всего один, вышедший несколько лет назад. В нем две-три сотни фотографий.

Перелистав чуть не всю книгу и полюбовавшись на собственное фото, он нашел то, что искал, лишь на одной из последних страниц.

- Вот он! Нашел. Конечно, он немного постарел, но не так уж изменился. А толстый он был всегда.

Мегрэ тоже узнал его: им приходилось встречаться.

- Ничего, если я вырежу его фото?

- Пожалуйста. Изабель, принеси ножницы. Мегрэ спрятал портрет в бумажник и поднялся.

- Торопишься?

- Да. Кроме того, думаю, ты предпочтешь, чтобы я тебя не посвящал в это дело, верно?

Катру все понимал. Пока Мегрэ неизвестно, какую именно роль играет в этом деле Сюртэ, для Катру спокойней, если его друг будет говорить с ним об этом как можно меньше.

- Ты не боишься? - - Не очень.

- Ты считаешь, что Пуан...

- Я убежден, что из него хотят сделать козла отпущения.

- Еще выпьешь?

- Нет, спасибо. Выздоровливай. Мадам Катру проводила его до дверей, а внизу он снова поймал такси и велел ехать на улицу Ваню. Этот адрес первым пришел ему на язык. Мегрэ постучал в привратницкую. Консьержка узнала его.

- Извините, что снова беспокою вас. Мне хотелось бы, чтобы вы внимательно посмотрели на фотографию и сказали, тот ли это человек, который поднимался к мадемуазель Ламот. Не торопитесь.

Последнее замечание было излишним. Не колеблясь, она покачала головой.

- Нет, это вовсе не тот.

- Вы уверены?

- Еще бы.

- Имейте в виду, фото снято несколько лет назад, и человек изменился.

- Даже если бы он наклеил фальшивую бороду, я все равно бы его узнала. Нет, это не он.

Мегрэ испытующе посмотрел на нее: у него мелькнула мысль, не уговорили ли ее так отвечать. Но нет! Чувствовалось, что она совершенно искренна.

- Благодарю вас, - вздохнул он, засовывая бумажник в карман.

Это был тяжелый удар. Мегрэ был почти уверен, что идет по верному следу, и от первой же проверки эта уверенность основательно поколебалась.

Такси ожидало его, и Мегрэ велел ехать на улицу Жакоб, так как она была ближе всего. В бистро, где Пикмаль обыкновенно пил кофе, почти никого не было.

- Взгляните, пожалуйста, на эту фотографию. Боясь отрицательного ответа, Мегрэ даже не решился смотреть на хозяина бистро.

- Точно, это он. Только в жизни он выглядит постарше.

- Это тот человек, который поджидал Пикмаля и ушел вместе с ним из бара?

- Он самый.

- У вас нет никаких сомнений?

- Никаких.

- Благодарю вас.

- Что-нибудь выпьете?

- Спасибо, не сейчас. Я еще к вам зайду.

Это показание меняло все. До сих пор Мегрэ предполагал, что один и тот же человек являлся по всем адресам: и к мадемуазель Бланш, и в бар, куда ходит Пикмаль, и в отель "Бэрри", и к вдове профессора, и на бульвар Пастера.

Теперь выясняется, что их было по меньшей мере двое.

Следующий визит он нанес мадам Калам, которую застал за чтением газет.

- Я надеюсь, что вы найдете отчет моего мужа, теперь я понимаю, почему он был так беспокоен в последние годы своей жизни. Я всегда ненавидела эту грязную политику!

И она с недоверием взглянула на комиссара, подумав, что и он, возможно, работает для этой "грязной политики".

- Что вам угодно от меня?

Мегрэ протянул ей фотографию. Она внимательно посмотрела на нее и удивленно подняла голову.

- Я должна его опознать?

- Во все нет. Просто я хочу выяснить, не этот ли человек приходил к вам дня через два-три после Пикмаля?

- Я его никогда не видела.

- Вы в этом абсолютно уверены?

- Абсолютно. Возможно, они одного поля ягоды, но я совершенно убеждена, что ко мне приходил не он.

- Благодарю вас.

- А что с Пикмалем? Вы считаете, что его убили?

- Почему?

- Не знаю. Но если они хотят любой ценой добиться, чтобы отчет моего мужа не был обнародован, они должны убрать всех, кто читал его.

- Они же не убрали вашего мужа. Ответ поставил ее в тупик. Она сочла себя обязанной защитить память Калама.

- Мой муж совершенно не разбирался в политике. Он был ученым. Написав этот отчет и отдав его, кому следовало, он только выполнил свой долг.

- Я ничуть не сомневаюсь, что он выполнял свой долг.

Мегрэ предпочел ретироваться, пока она не втянула его в более глубокое обсуждение этого вопроса. Шофер такси вопросительно посмотрел на него.

- Куда сейчас?

- Гостиница "Бэрри".

Там торчали двое журналистов, пытавшиеся узнать что-нибудь о Пикмале. Они бросились к Мегрэ, но тот покачал головой.

- Дети мои, мне нечего вам сказать, мне просто нужно кое-что проверить. Обещаю вам, что...

- Вы надеетесь найти Пикмаля живым? И эти тоже!

Он оставил их в коридоре и показал фотографию хозяину.

- Что это?

- Скажите, этот человек расспрашивал вас о Пикмале?

- Который из двух?

- Конечно, не мой инспектор, который снимал у вас комнату, а другой.

- Нет, не он.

Хозяин отвечал очень уверенно. Значит, пока Бенуа появлялся только в баре на улице Жакоб, откуда увел Пикмаля.

- Благодарю вас. Мегрэ опять сел в такси.

- Поехали...

Только когда машина тронулась и журналисты не могли уже подслушать, он назвал бульвар Пастера. К консьержке он не стал заходить, а сразу поднялся на третий этаж. На звонок никто не ответил, и ему пришлось спуститься обратно.

- Мадам Годри нет дома?

- Она вышла с сыном с полчаса назад.

- Вы не знаете, когда она вернется?

- Шляпку она не надела. Значит, делает покупки неподалеку. Думаю, скоро будет.

Чтобы не топтаться на тротуаре, комиссар зашел в бар, в котором был утром, и на всякий случай позвонил в Уголовную полицию. К телефону подошел Люка.

- Ничего нового?

- Было два звонка по поводу Пикмаля. Первым звонил шофер такси.

Уверял, что вчера вез Пикмаля к Северному вокзалу. Второй звонок - кассирша кино, которая вчера вечером продала ему билет. Я проверяю.

- Лапуэнт вернулся?

- Несколько минут назад. Печатать еще не начал.

- Дай ему трубку. Затем Лапуэнту:

- Ну как? Фотографы были?

- Были, патрон. И все время, пока Маскулен говорил, они не переставали нас щелкать.

- Где это происходило?

- В колонном зале. Это все равно, как на вокзале Сен-Лазар!

Служителям приходилось оттеснять любопытных, а то бы нас задавили.

- Секретарь Маскулена присутствовал при этом?

- Не знаю. Я с ним незнаком. Мне его не представили.

- Много получилось?

- Около трех страниц на машинке. Журналисты стенографировали одновременно со мной.

Это означало, что заявление Маскулена появится сегодня же вечером в последних выпусках газет.

- Он предложил мне принести заявление в перепечатанном виде ему на подпись.

- Что ты ответил?

- Что ничего не могу ему сказать и буду ждать ваших распоряжений.

- Ты не знаешь, есть сегодня вечернее заседание в Палате?

- Не думаю. Я слышал, что все закончится к пяти.

- Ладно, садись печатать и жди меня.

Мадам Годри все не возвращалась. Но не успел Мегрэ пройти и ста шагов, как увидел ее с хозяйственной сумкой в руке. Рядом с ней семенил ее сын. Она узнала комиссара.

- Вы ко мне?

- Всего на минутку.

- Пойдемте. Я как раз делала покупки.

- Пожалуй, мне не стоит подниматься. Мальчик тянул мать за руку, задавал вопросы:

- А кто он? А зачем ему надо с тобой разговаривать?

- Не мешай. Он хочет спросить меня.

- А что?

Мегрэ вынул из кармана фотографию.

- Вы узнаете его?

Наклонившись, она посмотрела на фото и воскликнула:

- Это он!

Таким образом, выяснилось, что Эжен Бенуа, человек, который курит сигары, появлялся в двух местах: на бульваре Пастера, откуда, очевидно, украл отчет Калама, и в баре на улице Жакоб, где подошел к Пикмалю и повел его в сторону, противоположную Школе дорог и мостов.

- Вы его нашли? - спросила мадам Годри.

- Еще нет. Но теперь это уже вопрос времени.

Мегрэ снова поймал такси и отправился на бульвар Сен-Мартен, жалея, что не взял полицейскую машину: теперь придется объясняться по поводу расходов с бухгалтерией.

Дом был старый. В окнах второго этажа нижние стекла были матовые, и черная надпись на них гласила:

АГЕНТСТВО БЕНУА Расследования любого рода.

По обе стороны подворотни таблички оповещали, что здесь есть зубной врач, продают искусственные цветы, принимает шведская массажистка и оказывают другие услуги, подчас довольно неожиданные. Лестница была мрачная и грязная. Имя Бенуа фигурировало на эмалевой дощечке, прибитой к одной из дверей.

Мегрэ постучал, заранее зная, что ему не ответят: под дверью торчали рекламные проспекты. Подождав с минуту для очистки совести, он спустился вниз и разыскал в глубине двора привратницкую. Здешний привратник был одновременно сапожником, и это помещение служило ему мастерской.

- Давно вы не видели месье Бенуа?
- Сегодня не видел, если вы этим интересуетесь.
- А вчера?
- Не помню. Кажется, нет. Не обратил внимания.
- А позавчера?
- И позавчера тоже.

Похоже было, что он насмехается. Мегрэ сунул ему под нос значок.

- Я вам говорю, что знаю. Врать я вам не собирался. Дела жильцов меня не касаются.
- Домашний адрес его знаете?
- Должен быть в записной книжке.

Он нехотя поднялся, подошел к кухонному буфету, вытащил засаленную тетрадку и начал листать ее черными от вара пальцами.

- Последний его адрес, который мне известен, отель "Бомарше" на бульваре Бомарше.

Это было недалеко, и Мегрэ пошел пешком.

- Три недели назад он переехал, - объявили ему. - У нас он прожил всего два месяца.

Ему дали адрес довольно подозрительных меблированных комнат на улице Сен-Дени. У дома стояла здоровенная девица и уже открыла рот, чтобы заговорить с Мегрэ, но, видимо, в последний момент узнала его и только пожала плечами.

- Он живет в комнате номер девятнадцать, но его нет дома.
- Эту ночь он был здесь?
- Эмма! Ты убирала сегодня утром комнату господина Бенуа?

Над перилами второго этажа появилась голова.

- Кто его спрашивает?
- Это тебя не касается. Отвечай на вопрос.
- Нет. Он не ночевал сегодня.
- А прошлую ночь?
- Тоже нет.

Мегрэ попросил ключ от комнаты. Девушка, которая отвечала со второго этажа, проводила его на третий для того якобы, чтобы показать дорогу.

Двери были нумерованы, и комиссар не нуждался в ее услугах. Все же он задал ей несколько вопросов.

- Он живет один?
- Вы хотите знать, один ли он спит?
- Да.
- Довольно часто.
- У него есть постоянная подруга?
- У него их много.

- Какого сорта?
- А такого, который соглашается приходить сюда.
- Они меняются или все одни и те же?
- Я заметила одну, которая была раза два-три.
- Он их на улице подцепляет?
- А вот при этом я не присутствовала.
- Сколько дней он уже не появлялся в отеле?
- Два или три. Не помню точно.
- Мужчины у него бывают?
- Если я правильно поняла то, что вы имеете в виду, это не в его обычаях и не в обычаях этого отеля. Для любителей мужчин имеется отель в конце улицы.

В комнате Бенуа Мегрэ ничего особенного не нашел. Комната была типична для гостиниц такого рода: железная кровать, старый комод, просиженное кресло и раковина с горячей и холодной водой. В ящиках лежало белье, начатая коробка сигар, остановившиеся часы, рыболовные крючки разных размеров в целлофановом мешочке - и ни одной бумаги, представляющей интерес. В набитом до отказа чемодане Мегрэ обнаружил только обувь и грязные сорочки.

- Часто случается, что он не приходит ночевать?
- Довольно часто. А каждую субботу он уезжает в деревню до понедельника.

На этот раз Мегрэ велел ехать на набережную Орфевр, где Лапуэнт давно уже закончил печатать показания Маскулена.

- Позвони в Палату и узнай, там ли еще депутаты.
- Сказать, что вы хотите с ним говорить?
- Нет. Не упоминай ни меня, ни Уголовную полицию.

Мегрэ повернулся к Люка, и тот покачал головой.

- После тех двух телефонных звонков был еще один. Торранс поехал проверить. Те следы были ложные.

- Это был не Пикмаль?

- Нет. Таксист был совершенно уверен, но мы разыскали пассажира в доме, к которому он подъехал на такси.

Завтра сообщение об этом появится в газетах.

- Заседание Палаты закончилось полчаса назад, - сообщил Лапуэнт. - Им надо было только проголосовать вопрос...

- Мне совершенно безразлично, какой вопрос они голосовали.

Мегрэ знал, что Маскулен живет на Шоссе д'Антен, в двух шагах от Опера.

- Ты занят?
- Ничего важного.
- В таком случае идем со мной и захвати показания.

Мегрэ никогда не водил машину. Давно еще, когда Уголовная полиция получила эти небольшие черные автомобили, он попробовал сесть за руль, но иногда, погрузившись в мысли, забывал, что ведет машину. Два-три раза ему удавалось затормозить в самую последнюю минуту, так что он решил не рисковать.

- Возьмем машину?
- Да.
- А номер дома вы знаете?

- Нет. Знаю, что это самый старый дом.

Дом выглядел вполне внушительно. Он был старый, но в прекрасном состоянии. Мегрэ и его спутник вошли в привратницкую, которая была больше похожа на гостиную в мещанской квартире; в ней пахло воском и пыльным плюшем.

- Нам нужен господин Маскулен.

- Вам назначено?

Мегрэ на всякий случай ответил утвердительно. В ту же секунду женщина в черном глянула на него, потом на первую страницу газеты и снова на него.

- Полагаю, что должна разрешить вам подняться, Господин Мегрэ. Второй этаж налево.

- Он давно живет здесь?

- В декабре будет одиннадцать лет.

- Его секретарь живет с ним? Она хихикнула.

- Конечно, нет.

У Мегрэ создалось впечатление, что она поняла его.

- Они часто работают до позднего вечера?

- Часто. Почти всегда. Мне кажется, что господин Маскулен самый занятой человек в Париже. Сколько времени надо, чтобы только ответить на письма, которые он получает.

Мегрэ чуть было не показал ей фотографию Бенуа и не спросил, видела ли она его, но вовремя удержался. Она, безусловно, расскажет об этом Маскулену, а Мегрэ предпочитал пока не раскрывать свои карты.

- Вы связаны с его квартирой отдельным телефоном?

- Откуда вы знаете?

Об этом нетрудно было догадаться: на стене, кроме обычного аппарата, висел еще один, без диска.

Значит, она предупредит его о приходе Мегрэ, как только они с Лапуэнтотом выйдут на лестницу. Но это не имеет значения. Он мог бы и помешать ей, оставив в привратницкой Лапуэнтота.

На звонок откликнулись не сразу; чуть погодя дверь открыл сам Маскулен и даже не дал себе труда разыграть удивление при виде Мегрэ.

- Я так и предполагал, что вы придете сами и именно сюда. Входите.

В прихожей кипы газет, журналов, отчетов о парламентских заседаниях загромождали весь пол. В следующей комнате, которая служила гостиной и выглядела ничуть не привлекательней, чем приемная зубного врача, была та же картина. Маскулена, по-видимому, не интересовали ни роскошь, ни комфорт.

- Вы, вероятно, хотите взглянуть на мой кабинет?

В его иронии, в манере как бы предвосхищать намерения собеседника было что-то оскорбительное, но комиссар сохранял спокойствие.

Он ограничился колкостью:

- Вы, видимо, путаете меня с вашей поклонницей, которая пришла к вам за автографом.

- Сюда, пожалуйста.

Маскулен распахнул обитую кожей дверь, и они очутились в просторном кабинете с двумя окнами, выходящими на улицу. Две стены были полностью заставлены полками с бумагами. Кроме бумаг, там стояли книги по юриспруденции, как у любого адвоката, и на полу лежали кипы газет и папок-как в каком-нибудь министерстве.

- Знакомьтесь, мой секретарь Рене Фальк.

Ему было не больше двадцати пяти. Хрупкий блондин, с капризным, каким-то детским выражением лица.

- Очень приятно, - пробормотал он, смотря на Мегрэ так же, как Бланш в первую их встречу.

Как и она, он, должно быть, был фанатично предан своему патрону и в каждом чужом видел врага.

- Документ при вас? Надеюсь, в нескольких экземплярах?

- В трех. Два из них я попрошу вас подписать, поскольку вы выразили такое желание, а третий - для вашего архива; впрочем, можете использовать его по вашему усмотрению.

Маскулен взял документы, один экземпляр протянул секретарю, который начал читать одновременно с ним. Сев за стол и взяв перо, Маскулен стал править - тут добавлял запятую, там зачеркивал слово, всякий раз обращаясь к Лапуэнту:

- Надеюсь, вы не обидитесь?

Дойдя до конца, он подписал, перенес правку в другую копию и тоже подписал.

Мегрэ протянул руку, но Маскулен не отдал ему листки. Правку в третий экземпляр он вносить не стал.

- Все верно? - спросил он у секретаря.

- Полагаю, что да.

- Давайте тогда на машину.

Маскулен бросил на комиссара насмешливый взгляд.

- Какие только меры предосторожности не приходится принимать человеку, у которого столько врагов, сколько у меня. Особенно, если множество людей заинтересовано в том, чтобы кое-какие документы не увидели света.

Фальк вошел, не закрыв за собой дверь, в узкую комнату, не то бывшую кухню, не то ванную, где на белом деревянном столе стояла фотокопировальная машина.

Секретарь нажал на кнопки. Машина негромко зажужжала, а он закладывал в нее один за другим машинописные листы и одновременно с ними листы специальной бумаги. Мегрэ, который был знаком с такими аппаратами, но почти никогда не встречал их у частных лиц, следил за операцией с кажущимся безразличием.

- Великолепное изобретение, не правда ли? - произнес Маскулен все с той же ехидной улыбкой. - Можно оспаривать текст, перепечатанный на машинке, но вот против копии, сделанной на такой машинке, не поспоришь.

На лице Мегрэ появилась легкая улыбка. Депутат заметил ее.

- О чем вы думаете?

- Задаю себе вопрос, не нашлось ли среди людей, у которых оказался отчет Калама, человека, догадавшегося скопировать его на такой машине?

Маскулен дал возможность Мегрэ увидеть этот аппарат, конечно же, не по недосмотру. - Фальк мог уйти на минутку с документами так, чтобы, комиссар не догадался, что он делает с ними в соседней комнате.

Последний лист копии выполз из щели, и секретарь разложил их, еще влажные, на столе.

- А ведь неплохую шутку я сыграю с теми, кто заинтересован в том, чтобы замять это дело, не правда ли? - ухмыльнулся Маскулен.

Мегрэ молча смотрел на него, отсутствующим и вместе с тем тяжелым взглядом.

- Неплохую, - подтвердил он, и трудно было догадаться, что от этих слов у него по спине пробежали мурашки

Глава VIII

Поездка в Сен-Пер

Когда они доехали, до бульвара Сен-Жермен, часы показывали половину седьмого, и во дворе министерства было пусто. Пройдя через двор и уже подойдя к двери здания, Мегрэ и Лапуэнт услышали сзади голос:

- Эй, вы! Куда идете?

Сторож не видел, как они пришли. Они остановились, повернулись к нему. Прихрамывая, он подошел к ним, бросил взгляд на значок, который показал Мегрэ, а потом на его лицо и пробормотал:

- Извините. Я только что видел ваше фото.

- Очень хорошо. Раз уж вы здесь, скажите, пожалуйста... - у Мегрэ уже начало входить в привычку вытаскивать из бумажника фотографию, - ...вам приходилось видеть это лицо?

Сторож, боясь совершить еще один промах, надел очки с толстыми стеклами в стальной оправе и стал внимательно изучать фото. Он не говорил ни да, ни нет. Казалось, он хочет, чтобы опять не попасть впросак, спросить, о ком идет речь, но не решается.

- Он сейчас немного постарше, верно?

- На несколько лет.

- У него двухместный черный автомобиль старой модели?

- Возможно.

- Тогда я, наверно, именно его ругал за то, что он поставил свой автомобиль во дворе на стоянке для министерских машин.

- Когда это было?

- Не помню точно дня. Где-то в начале недели.

- Он не назвал свою фамилию?

- Нет, пожал плечами и поставил машину на другом конце двора.

- Он поднялся по главной лестнице?

- Да.

- Попробуйте, пока мы будем наверху, вспомнить день.

Дежурный еще находился на своем посту я читал газеты. Мегрэ и ему показал фотографию. Тот покачал головой.

- Когда он мог приходиться?

- В начале недели.

- Меня здесь не было. Я брал отпуск на четыре дня: у меня умерла жена. Спросите лучше Жозефа. Он будет здесь на будущей неделе. Доложить о вас господину министру?

Через минуту Огюст Пуан сам открыл им дверь своего кабинета. Он выглядел усталым, но спокойным. Не набросился на Мегрэ и Лапуэнта с вопросами. Бланш и Флери тоже находились в кабинете. На маленьком столике стоял портативный приемник, очевидно, принадлежащий министру, и все трое внимательно слушали какую-то передачу.

"...заседание было коротким и посвящалось исключительно текущим делам, но в кулуарах весь день царил волнение. Циркулируют самые разнообразные слухи. Говорят, что в понедельник состоится сенсационный запрос в парламенте, но пока еще неизвестно..."

- Выключите! - сказал Пуан секретарше.

Флери направился к двери, но Мегрэ остановил его.

- Вы нам не мешаете, господин Флери. И вы, мадемуазель, тоже.

Пуан встревоженно посмотрел, не догадываясь, что собирается делать комиссар. В то же время у него было такое лицо, словно он настолько поглощен своими мыслями, что почти ничего не замечает. Могло показаться, что он мысленно составляет план кабинета: он посматривал то на стены, то на двери, то на окна.

- Вы разрешите, господин министр, задать несколько вопросов вашим сотрудникам?

Сначала Мегрэ обратился к Флери:

- Я полагаю, что в момент визита Пикмаля вы находились в своем кабинете?

- Но я не знал, что...

- Тогда, да. Но теперь знаете. Где вы были в это время?

Флери указал на приоткрытую двустворчатую дверь.

- Там - ваш кабинет?

- Да.

Комиссар подошел взглянуть.

- Вы были одни?

- Мне трудно сейчас ответить на этот вопрос. Я очень редко бываю подолгу один. Весь день посетители. Как правило, часть из них принимает господин министр - наиболее важных. Остальными занимаюсь я.

Мегрэ подошел и открыл дверь, которая вела из кабинета Флери в приемную.

- Посетители проходят через эту дверь?

- Как правило. За исключением тех, которых сначала принял господин министр, а потом по тем или иным причинам направил ко мне.

Зазвонил телефон. Пуан и Бланш посмотрели друг на друга. Затем она сняла трубку.

- Господина министра нет.

Она слушала с неподвижным взглядом. Виду нее был усталый.

- Все то же?

Она утвердительно кивнула.

- Он говорит, что его сын...

- Перестаньте.

Пуан повернулся к Мегрэ.

- Начиная с полудня беспрестанно звонит телефон. Несколько раз я сам брал трубку.

Большинство говорит одно и то же: "Если ты не перестанешь скрывать подробности клерфонского дела, с тебя сдерут шкуру!" Бывают и варианты. Некоторые говорят вежливо. Иногда даже представляются. Это родители детей, которые погибли во время катастрофы. Одна женщина взволнованно прокричала в трубку: "Вы же не станете покрывать убийц!"

Если вы не уничтожили отчет Калама, обнаружьте его, чтобы вся Франция узнала..."

Под глазами у Пуана были темные круги, а кожа посерела, как обычно у людей, которые не спят по ночам.

- Только что мне звонил из Ла-Роша председатель комитета нашего избирательного округа, услышавший по радио мое заявление. Этот человек был близким другом моего отца и знает меня с детства. Он ни в чем меня не обвинял, но я чувствовал, что он сомневается.

"Здесь ничего не могут понять, сынок, - грустно сказал он мне. - Здесь знают твоих родителей и думали, что знают тебя. Даже если эти типы все сядут в тюрьму, ты все равно обязан сказать все, что тебе известно".

- Скоро вы это сможете сказать, - пообещал Мегрэ. Пуан вскинул голову и, боясь, что не правильно расслышал, недоверчиво спросил:

- Вы, правда, так думаете?

- Сейчас я уверен в этом.

Флери стоял, прислонясь к высокому столику на другом конце кабинета.

Мегрэ протянул фотографию Бенуа министру. Тот посмотрел на нее, ничего не понимая.

- Кто это?

- Вы его не знаете?

- Его лицо мне ни о чем не говорит.

- Он не приходил к вам в последние дни?

- Если он приходил ко мне, его имя должно быть зарегистрировано в приемной.

- Не покажете ли вы мне вашу комнату, мадемуазель Бланш?

Флери издали не мог видеть фотографию, и Мегрэ отметил, что он грызет ногти; видно, эта дурная привычка сохранилась у него с детства.

Дверь в комнату секретарши, соседствующую с кабинетом Флери, была одностворчатой.

- Когда пришел Пикмаль и ваш патрон попросил вас оставить их вдвоем, вы ушли сюда? - Она кивнула головой.

- Вы закрыли за собой дверь? Опять кивок.

- Вы могли бы слышать то, что говорится в кабинете?

- Если бы я приложила ухо к двери и там говорили бы достаточно громко.

- Но вы этого не сделали?

- Нет.

- И никогда так не делали?

Она предпочла не отвечать. Возможно, она иногда и подслушивала, к примеру, когда Пуан принимал даму, которая ей казалась красивой или опасной.

- Вам знаком этот человек?

Она ожидала этого вопроса, так как успела бросить взгляд на фото, когда его рассматривал министр.

- Да.

- Где вы его видели?

Чтобы те двое не услышали, она ответила тихо:

- В соседнем кабинете.

И показала пальцем на перегородку, которая отделяла ее комнату от кабинета Флери.

- Когда?

- В тот день, когда приходил Пикмаль.

- После?

- Нет, до.

- Он сидел, стоял?

- Сидел, в шляпе и с сигарой во рту. Я еще возмутилась тем, как он на меня посмотрел.

- И больше не видели?

- Видела. Потом.

- Вы хотите сказать, что он был в кабинете и когда ушел Пикмаль?

Значит, он сидел там все время, пока Пикмаль был у министра?

- Похоже, что да. Он был там и до и после визита. - Вы полагаете, что...

Вероятно, она хотела поговорить с ним о Флери, но Мегрэ остановил ее:

- Все, все!.. Идемте...

Когда они вернулись, Пуан с упреком взглянул на Мегрэ, решив, что он изводил его секретаршу вопросами.

- Вы сможете обойтись без вашего начальника канцелярии сегодня вечером, господин министр?

- Смогу, конечно. А почему...

- Потому что мне надо бы побеседовать с ним.

- Здесь?

- Нет, лучше у меня в кабинете. Вас не затруднит пройти с нами, господин Флери?

- Я пригласил даму поужинать, но если это необходимо...

- Позвоните и отмените свидание. Флери так и сделал. Оставив дверь своего кабинета приоткрытой, он вызвал ресторан "Фуке".

- Боб?.. Говорит Флери... Жаклин пришла?.. Нет еще?.. Ты уверен?..

Когда она придет, скажи ей, пожалуйста, чтобы она садилась ужинать без меня... Да...
Вероятно, я не смогу прийти... Возможно, позднее... Да...

Пока...

Лапуэнт искоса наблюдал за ним. Пуан, сбитый с толку, смотрел на Мегрэ с явным желанием спросить у него, что все это значит. Но комиссар делал вид, будто ничего не замечает.

- Вы заняты сегодня вечером, господин министр?

- Я должен был председательствовать на банкете, но предпочел отклонить свою кандидатуру, пока ее не отклонили другие.

- Я вам позвоню, чтобы сообщить новости, но это может быть довольно поздно.

- Звоните даже ночью.

Появился Флери со шляпой и пальто в руках. Вид у него был такой, словно он едва держится на ногах.

- Вы готовы? Пошли, Лапуэнт.

В полном молчании все трое спустились по широкой лестнице и направились к стоявшему на улице автомобилю.

- Садитесь... На набережную, Лапуэнт...

По дороге они не перемолвились ни словом. Флери несколько раз собирался задать вопрос, но не решался. Он не переставая грыз ногти.

На лестнице Мегрэ пропустил Флери вперед, открыл перед ним дверь своего кабинета, подошел к окну и захлопнул его.

- Снимайте пальто. Устраивайтесь поудобней. Потом Мегрэ знаком вызвал Лапуэнта в коридор.

- Останешься с ним, пока я не вернусь. Это будет не скоро. Может случиться, что тебе придется просидеть здесь часть ночи.

Лапуэнт покраснел.

- У тебя свидание?

- Неважно.

- Можешь позвонить?

- Да.

- Если она захочет составить тебе компанию... Лапуэнт покачал головой.

- Скажи, чтобы из бара принесли бутербродов и кофе. Не спускай с Флери глаз и не разрешай ему никуда звонить. Если он станет тебя расспрашивать, ты ничего не знаешь. Пусть "дойдет" к моему возвращению.

Это был классический прием. И все-таки Лапуэнт, участвовавший в расследовании чуть ли не с самого начала, не понимал, чего добивается шеф.

- Ладно, иди к нему. Не забудь про бутерброды. Мегрэ пошел в комнату инспекторов, где застал Жанвье, который еще не успел уйти.

- У тебя есть какие-нибудь планы на вечер?

- Нет. Но жена...

- Ждет, да? Можешь ей позвонить? И тут же сам подсел к другому телефону и набрал номер Катру.

- Это Мегрэ... Извини, что снова тебя беспокою... Тут я недавно наткнулся на рыболовные крючки и сразу кое-что вспомнил... Как-то я встретил Бенуа в субботу на Лионском вокзале - он отправлялся на рыбалку... Что ты говоришь?.. Ах, он страстный рыболов!.. А ты не знаешь случайно, куда он обычно ездит удить рыбу?..

Сейчас Мегрэ был абсолютно уверен в себе и чувствовал, что находится на верном пути и ничто уже не сможет его остановить.

- Что?.. У него где-то есть домик?.. А ты не можешь узнать, где именно?.. Да... Сейчас же... Жду у телефона...

Жанвье все еще разговаривал с женой, расспрашивая о каждом ребенке, а те по очереди подходили пожелать ему спокойной ночи.

- Спокойной ночи, Пьер... Спи спокойно... Да, когда ты проснешься, я буду дома... Это ты, Моника?.. Твой маленький братик хорошо себя вел?..

Мегрэ слушал, вздыхая. Когда Жанвье повесил трубку, он пробормотал:

- Ночь, наверно, у нас будет тяжелая. Пожалуй, мне тоже стоит позвонить жене.

- Соединить вас?

- Нет, дождусь сначала нужных сведений. Катру сейчас звонил сослуживцу, тоже рыболову, который несколько раз ездил с Бенуа на реку.

Теперь все зависело от случая. Сослуживца могло не оказаться дома. Он мог быть в командировке далеко от Парижа. Телефон молчал уже минут десяти, и Мегрэ наконец выдохнул:

- Пить хочется!..

В этот момент раздался звонок.

- Катру?

- Да. Ты знаешь такое место - Сен-Пор?

- Немного выше Корбейя, недалеко от шлюза? Мегрэ вспомнил одно давнее дело...

- Оно самое. Маленькая деревушка на берегу Сены, излюбленное место рыболовов. У Бенуа там домик, недалеко от деревни - бывшая сторожка, развалюха, которую он купил за гроши лет десять назад.

- Я найду.

- Удачи!

Позвонить жене Мегрэ не забыл, но у него, к сожалению, не было детей, которые могли бы пожелать ему доброй ночи.

- Пошли.

Проходя мимо своего кабинета, он приоткрыл дверь. Лапуэнт, расположившись в кресле Мегрэ, зажег лампу с зеленым абажуром и читал газету. Флери, с полузакрытыми глазами и с застывшим лицом сидел на стуле, положив ногу на ногу.

- До скорого свидания, малыш. Флери вздрогнул, вскочил со стула, собираясь задать вопрос, но комиссар уже закрыл дверь.

- Машину брать?

- Да. Мы отправляемся в Сен-Пор. Это километров тридцать.

- Когда-то я ездил туда с вами.

- Верно. Есть хочешь?

- Если мы задержимся надолго...

- Остановись у пивной "Дофин". Увидев их, гарсон удивился.

- Значит, не нужно нести вам в кабинет бутерброды и пиво, которые заказал Лапуэнт?

- Нужно, нужно. Но сперва дай нам чего-нибудь выпить. Что будешь пить, Жанвье?

- Не знаю.

- Перно?

Мегрэ хотелось перно, Жанвье чувствовал это и заказал себе то же самое.

- Приготовь нам по два больших бутерброда каждому.

- С чем?

- Все равно. Если есть, с паштетом. Мегрэ выглядел самым спокойным человеком на свете.

- Мы слишком привыкли к уголовным делам, - пробормотал комиссар как бы себе самому, держа в руках рюмку. В ответе он не нуждался: он уже мысленно ответил себе. - Уголовное преступление совершает либо один преступник, либо группа, действующая заодно. В политике все по-другому, отсюда такое количество партий в парламенте. - Эта мысль позабавила его. Масса людей заинтересована в отчете Калама по совершенно различным причинам. Это не только политики, которых публикация отчета поставит в трудное положение. И не только Артюр Нику. Есть и такие, которым обладание отчетом дало бы немалые деньги. И такие, которым дало бы власть.

В этот вечер в баре было очень мало посетителей. Все лампы горели, воздух был тяжелый, как перед грозой.

Мегрэ и Жанвье ели бутерброды за столом, за которым обычно сидел комиссар, и он вспомнил столик Маскулена в "Камбале". У них обоих были свои столы, но в разных местах, а уж люди, окружавшие их, были совсем не похожи.

- Кофе?

- Пожалуй.

- Коньяк?

- Нет. Я за рулем.

Мегрэ тоже не стал ничего пить, и вскоре они уже выехали из Парижа через Итальянские ворота и покатали по дороге на Фонтенбло.

- Это забавно, но, кури Бенуа трубку, а не вонючие сигары, наша задача оказалась бы намного сложнее.

Они выехали, из пригорода. Вдоль дороги мелькали высокие деревья, в обоих направлениях мчались машины с зажженными фарами. Многие обгоняли маленький черный автомобиль.

- Думаю, гнать не стоит?

- Не стоит. Либо они там, либо...

Мегрэ достаточно хорошо знал людей типа Бенуа и мог постаТвить себя на его место. Бенуа не обладал воображением. Он был просто мелкий мошенник, которому грязные дела не принесли богатства.

Женщины, все равно какие, безалаберная жизнь, заведения, где он может хвастаться и слыть храбрецом, да возможность в конце недели на день-два поехать порыбачить - вот все, что ему нужно в жизни.

- Помнится мне, что в Сен-Поре на площади есть маленькое кафе.

Остановись там, может быть, что-нибудь узнаем.

У Корбейя они переправились через Сену и поехали по дороге, идущей вдоль реки; по другую сторону ее тянулся лес. Раз пять Жанвье резко бросал машину в сторону, чтобы не задавить кролика, всякий раз при этом бормоча:

- Беги, дурачок!

Время от времени в темноте мелькали огоньки; наконец показалась цепочка уличных фонарей, и машина затормозила у кафе, где несколько человек играли в карты.

- Мне тоже пойти туда? - спросил Жанвье.

- Если хочешь опрокинуть рюмочку.

- Сейчас нет.

Мегрэ подошел к стойке и заказал белое вино.

- Вы знаете Бенуа?

- Полицейского?

Значит, Бенуа до сих пор не сказал в Сен-Поре, что больше не служит в Сюртэ.

- Где он живет?

- Вы приехали из Корбейя?

- Да.

- Значит, проехали мимо него. Вы заметили каменоломню в полутора километрах отсюда?

- Нет.

- Ночью ее не увидишь. Дом Бенуа как раз напротив каменоломни, по другую сторону дороги. Если он там, вы увидите свет.

- Благодарю вас.

- Там он! - раздался голос одного из игроков в белот.

- Откуда ты знаешь?

- А я вчера продал ему баранью ногу.

- Целую ногу для него одного?

- Он любит поесть.

Через несколько минут Жанвье, ехавший очень медленно, увидел в лесу светлое пятно.

- Это, вероятно, каменоломня.

Мегрэ взглянул на другую сторону дороги и метрах в ста на берегу реки заметил освещенное окно.

- Машину оставь здесь. Пошли. Хотя ночь была не лунная, они все-таки нашли заросшую травой тропинку.

Глава IX

Ночь в министерстве

Они шли тихо, один за другим, и в доме не могли их слышать. В прошлом этот участок берега, видимо, являлся частью большого поместья, а в домике жил сторож.

Все вокруг заросло травой и кустами. Забор, обвалившийся в нескольких местах, окружал то, что некогда было огородом. Заглянув в окно, Мегрэ и Жанвье увидели беленые стены, потолочные балки и стол, за которым двое мужчин играли в карты. Жанвье посмотрел на Мегрэ, как бы спрашивая, что делать.

- Оставайся здесь, - шепнул комиссар. Сам он направился к двери. Она была заперта на ключ, и он постучал.

- Что надо? - раздался голос.

- Открой, Бенуа.

Жанвье через окно наблюдал за бывшим полицейским: тот в растерянности замер у стола, затем втолкнул партнера в соседнюю комнату.

- Кто там? - спросил Бенуа, подойдя к двери.

- Мегрэ.

Опять молчание. Наконец, повернулся ключ, и дверь открылась. Бенуа ошеломленно воззрился на комиссара.

- Что вам надо?

- Поговорить с тобой. Можешь войти, Жанвье. Карты все еще лежали на столе.

- Играешь сам с собой?

Бенуа не отвечал, понимая, что Жанвье стоял у окна.

- Или, может, гадаешь на картах? Жанвье, указав на дверь, сообщил:

- Второй там, патрон.

- Не сомневался. Приведи его.

Пикмаль не мог убежать: дверь выходила в глухой чулан.

- Что вам от меня нужно? Ордер у вас есть? - воскликнул Бенуа, пытаясь прийти в себя.

- Нет.

- В таком случае...

- В любом случае! Ну-ка, садись! И вы тоже, Пикмаль. Терпеть не могу стоя разговаривать с людьми. Мегрэ поднял со стола несколько карт.

- Пытаешься научить его играть в белот?

Так оно, вероятно, и было. Пикмаль принадлежит к тем людям, которые в жизни не прикасались к картам.

- Сядь за стол, Бенуа!

- Мне нечего сказать.

- Хорошо. В таком случае, говорить буду я.

На столе стояла бутылка вина и один стакан. Не умеющий играть в карты Пикмаль, конечно же, не пил и не курил. А спал ли он когда-нибудь с женщиной? Возможно, что и нет. Он смотрел на Мегрэ исподлобья, как зверек, загнанный в угол.

- Ты давно работаешь на Маскулена?

Надо сказать, что в этой обстановке Бенуа выглядел лучше, чем в Париже, возможно, потому, что здесь он был больше на месте. Он так и остался крестьянином. У себя в деревне он был, должно быть, первым хвастуном и, безусловно, совершил ошибку, оставив родные места, чтобы попытаться счастья в Париже. Все его хитрости и жульничество были хитростями и жульничеством крестьянина на ярмарке.

Бенуа налил стакан вина, чтобы придать себе больше уверенности, и с ухмылкой предложил:

- Не хотите ли?

- Благодарю. Маскулену нужны такие люди, как ты, хотя бы для того, чтобы проверять информацию, которую он получает со всех сторон.

- Ну, ну, валяйте.

- Когда он получил письмо Пикмаля, то понял, что перед ним открылась великолепная возможность, пожалуй, единственная за всю его карьеру, взять за горло-если, конечно, правильно использовать свой козырь-большую часть политических деятелей.

- Как это вы все знаете?

- Знаю!

Мегрэ все время был на ногах. Он шагал от двери к печке, лишь иногда останавливаясь перед Бенуа и Пикмалем. Жанвье, присев на угол стола, внимательно слушал.

- Больше всего меня озадачило то обстоятельство, что, повидав Пикмаля и имея возможность получить отчет Калама, Маскулен отослал его к министру общественных работ.

Бенуа хвастливо улыбнулся.

- Когда же я увидел у Маскулена фотокопировальную машину, то все понял. Хочешь, чтобы я восстановил события в хронологическом порядке, Бенуа? Если я ошибусь, можешь меня поправить.

Маскулен получает письмо Пикмаля. Будучи человеком осторожным, он вызывает тебя и поручает проверить. Ты убеждаешься в том, что все это серьезно, что человек этот действительно имеет возможность раздобыть отчет Калама. И при этом говоришь Маскулену, что у тебя в министерстве общественных работ есть знакомый - начальник канцелярии министра. Где ты с ним познакомился?

- Вас это не касается.

- Это и не важно. Он сейчас ждет нас в моем кабинете на набережной Орфевр, и мы вскоре утрясем все детали. Флери - человек небогатый, постоянно нуждается в деньгах. Но у него есть одно преимущество: он вхож в такие круги, где перед дерьмом вроде тебя захлопывают двери. Ему, вероятно, уже приходилось за небольшую мзду сообщать тебе информацию о кое-каких своих друзьях.

- Ну-ну, продолжайте.

- А теперь постарайся понять. Если бы Маскулен получил от Пикмаля отчет, ему бы пришлось предать его гласности и вызвать скандал, потому что Пикмаль по-своему честный человек, он фанатик, которого можно заставить молчать, только убив его... Если бы Маскулен огласил отчет в Палате, он, несомненно, стал бы на какое-то время звездой первой величины... Но ему куда интересней, оставив отчет у себя, держать на крючке всех тех, кого этот отчет компрометирует... Мне пришлось немало поломать голову. Я не настолько порочен, и мне нелегко было влезть в шкуру негодяя... Итак, Пикмаль отправляется к госпоже Калам. В свое время он видел там копию

доклада. Он прячет документ в портфель и спешит к Маскулену на Шоссе д'Антен... После этого тебе уже не надо за ним следить, так как ты знаешь, как дальше пойдут дела, и ты торопишься в министерство общественных работ, где Флери проводит тебя в свой кабинет.

Под каким-то предлогом Маскулен задерживает Пикмаля, а его очаровательный секретарь копирует доклад... Затем, встав в позу честного и щепетильного человека, Маскулен советует своему визитеру отнести документ куда следует. Иными словами, министру.

Так это было?

Пикмаль напряженно смотрел на Мегрэ, но чувствовалось, что он сосредоточил все внимание на себе и страшно возбужден.

- Когда Пикмаль передает министру документ, ты сидишь в кабинете Флери. Тебе остается только узнать у него, где и когда легче и проще всего можно овладеть отчетом... Итак, благодаря "порядочности" Маскулена отчет Калама мог бы стать известен общественному мнению... Но благодаря тебе Огюст Пуан не смог представить его парламенту. В результате в этой истории был бы герой: Маскулен. И негодяй, которого бы обвинили в том, что он уничтожил документ, чтобы спасти себя и скомпрометированных коллег - некто Огюст Пуан, виновный лишь в том, что он честный человек и отказывается пожимать ^грязные руки"... Неглупо, а?

Бенуа налил еще стакан и принялся пить маленькими глотками, неуверенно поглядывая на Мегрэ. У него был такой вид, словно он играет в белот и раздумывает, с какой карты выгоднее пойти.

- Оставалась самая малость. Флери сообщил тебе, что его патрон отнес отчет на бульвар Пастера. Ты не посмел явиться туда ночью из-за консьержки и дожидался утра, когда она ушла за покупками. Маскулен сжег отчет?

- Это меня не касается.

- Сжег или нет - неважно: у него имеется фотокопировальная машина.

Этого ему достаточно, чтобы держать кое-кого в вечном страхе.

Упираться на могущество Маскулена было ошибкой, и Мегрэ понял это. Не сделай он этого, Бенуа, может быть, и занял бы другую позицию. Хотя вряд ли, но попробовать стоит.

- Как и было предвидено, бомба взорвалась. Разные люди по разным причинам также разыскивали этот документ. Среди них был некий Табар, который, кстати, первый вспомнил про Калама и вскользь упомянул о нем в своей газетке. Ты этого подлеца Табара знаешь? Ему этот отчет нужен не ради власти, нет, а ради звонкой монеты. Лаба, который работает на него, должно быть, рыскал вокруг дома госпожи Калам... Интересно, видел он, как оттуда выходил Пикмаль? Я этого не знаю и, возможно, никогда не узнаю. Да это и не имеет значения. Мне только известно, что Лаба посылал кого-то из своих людей к вдове профессора и, к секретарше министра...

Вся ваша банда напоминает мне крабов, копошащихся в корзине. Кое-кто тоже интересовался, но уже по официальным каналам, что же произошло на самом деле.

Мегрэ имел в виду улицу Соссэ. Было совершенно естественно, что премьер-министр, узнав о случившемся, поручил Сюртэ произвести секретное расследование.

В общем, это было довольно забавно. Три группы охотились за отчетом, каждая руководствуясь совершенно различными целями.

- Самым слабым местом был Пикмаль, - продолжал Мегрэ. - Трудно было предугадать, не заговорит ли он, если его допросят соответствующим образом. Это тебе пришла мысль увезти его? Или Маскулену? Молчишь?

Ладно! Это ничего не меняет... Во всяком случае, надо было на какое-то время убрать его. Не знаю, как тебе это удалось и что ты ему наплел...

Замечаешь, я его ни о чем не спрашиваю. Он заговорит сам, когда захочет, то есть когда поймет, что был игрушкой в руках двух негодяев, крупного и мелкого.

Пикмаль вздрогнул, но ничего не сказал.

- Теперь я выложил все. Сейчас мы находимся за пределами департамента Сена, о чем ты, несомненно, не замедлишь довести до моего сведения, и я действую, не имея на то никакого права.

И, сделав паузу, Мегрэ бросил:

- Надень-ка ему наручники, Жанвье.

Первым движением Бенуа было воспротивиться, тем более что он был вдвое сильнее Жанвье. Но, подумав, он протянул руки, издав какой-то звук вроде кудахтанья.

- Это дорого обойдется вам обоим. Имейте в виду, я ничего не сказал.

- Ни слова. Пикмаль, вы тоже поедете с нами. Хотя вы и свободны, полагаю, у вас нет большого желания остаться здесь одному?

Мегрэ вернулся, чтобы погасить свет.

- Ключ у тебя есть? - спросил он. - Дверь лучше запереть, потому что ты не скоро вернешься сюда удить рыбу.

Они все вбились в маленькую машину и всю дорогу проехали молча.

На набережной Орфевр Флери все так же сидел на стуле. Увидев Бенуа, он вскочил как ужаленный.

- Надеюсь, мне не нужно представлять вас друг другу, - пробурчал Мегрэ.

Часы показывали половину двенадцатого. В здании уголовной полиции было пусто, свет горел только в окнах двух кабинетов.

- Соедини меня с министром.

Лапуэнт набрал номер.

- Передаю трубку комиссару Мегрэ.

- Прошу прощения за беспокойство, господин министр. Вы еще не легли?

Ваша жена и дочь с вами?.. Да, у меня есть новости... И много... Завтра, в Палате вы сможете назвать имя человека, который украл отчет Калама из вашей квартиры на улице Пастера... Нет, не сейчас... Возможно, через час, через два... Если вы предпочитаете ждать... Я не могу гарантировать, что это не продлится всю ночь...

Это длилось три часа. Теперь для Мегрэ и его помощников началась привычная работа. Сначала они довольно долго находились все вместе в кабинете комиссара, и Мегрэ, останавливаясь то возле одного, то возле другого, говорил:

- Как хотите, дети мои... Я не тороплюсь... Возьми-ка себе одного из них, Жанвье!.. Вот этого, пожалуй... - Он указал на Пикмалья, который так и не раскрыл рта.

- А ты, Лапуэнт, займись господином Флери.

В каждом кабинете, таким образом, оказалось по два человека: один - задающий вопросы, второй - пытающийся молчать.

Теперь все сводилось к терпению и выносливости. Иногда Лапуэнт или Жанвье появлялись в двери, делали знак комиссару, и тот выходил к ним в коридор. • Они тихо разговаривали.

- У меня есть по меньшей мере три свидетеля, которые могут подтвердить мою версию, Бенуа, - заявил Мегрэ. - И самый главный свидетель - женщина с бульвара Пастера, которая видела, как ты проник в квартиру Пуана. Ну, что, будешь молчать?

Кончилось тем, что Бенуа произнес фразу, которая выдала его с головой:

- А что бы вы сделали на моем месте?

- Будь я таким подонком, чтобы оказаться на твоём месте, я бы давно уже раскололся.

- Нет.

- Почему?

- Вы прекрасно знаете почему.

Идти против Маскулена! Тот всегда выйдет сухим из воды - Бенуа в этом Не сомневался, - а что станет с его сообщником, одному богу известно.

- Не забывайте, что отчет у него.

- Ну и что?

- Ничего. Об отчете я не скажу ни слова. Меня могут обвинить только в том, что я совершил налет на квартиру на бульваре Пастера. Сколько я за это получу?

- Года два.

- Что касается Пикмаля, то он пошел со мной по собственной воле. Я не применял ни угроз, ни насилия. Следовательно, я его не похищал.

Мегрэ понял, что ничего другого он от него не добьется.

- Ты признаешься, что проник в квартиру Пуана?

- Я признаюсь в этом, если ничего другого мне не останется. Но не больше.

Через несколько минут у него уже не было другого выхода: Флери "раскололся", и Лапуэнт пришел сообщить об этом шефу.

- О Маскулене он ничего не знает. До этого вечера не имел представления, на кого работает Бенуа. А отказать ему не мог, так как в прошлом обдeldывал с ним кое-какие делишки.

- Ты дал ему подписать показания?

- Сейчас занимаюсь этим.

Если Пикмаль и был идеалистом, то идеалистом, избравшим неверный путь. Он продолжал молчать. Может быть, рассчитывал добиться чего-нибудь от Маскулена?

В половине четвертого утра, оставив троих задержанных на Жанвье и Лапуэнта, Мегрэ взял такси и отправился на бульвар Сен-Жермен. На третьем этаже горел свет. Пуан оставил распоряжение, чтобы комиссара "немедленно провели к нему.

Мегрэ застал всю семью в маленькой гостиной, где его уже принимали однажды.

Огюст Пуан, его жена и дочь с тревогой смотрели на Мегрэ; они еще боялись надеяться.

- Документ у вас?

- Нет. Но человек, который выкрал его из вашей квартиры, находится у меня в кабинете и во всем признался.

- Кто он такой?

- Бывший полицейский, вставший на скользкий путь и работавший на разных людей.

- А тут на кого он ра'ботал?

- На Маскулена.

- Ну, если так... - начал Пуан и нахмурился.

- Маскулен будет молчать, довольствуясь тем, что, когда ему это понадобится, окажет давление на скомпрометированных сообщников. Позволит посадить Бенуа. Что касается Флери...

- Флери? Мегрэ кивнул.

- Бедняга. Он попал в такое положение, что не мог отказать.

- Я говорила тебе, - вмешалась мадам Пуан.

- Да. Но я не верил.

- Ты не создан для политики. Когда все это закончится, я надеюсь, что ты...

- Самое главное, - произнес Мегрэ, - это доказать, что вы не уничтожили отчет Калама, а он был у вас украден, как вы и заявили с самого начала.

- А мне поверят?

- Бенуа признается.

- А он скажет, на кого работал?

- Нет.

- А Флери?

- Флери сам этого не знал.

Итак...

У Пуана свалилась с души огромная тяжесть, но он не испытывал радости.

Мегрэ, конечно, спас его репутацию. И все же Пуан проиграл.

Если только в последнюю минуту Бенуа не решится сказать всю правду, что было абсолютно невероятным, подлинным победителем окажется Маскулен.

А он настолько был уверен в себе, еще до того, как Мегрэ закончил следствие, что намеренно продемонстрировал фотокопировальную машину. Это было предостережение. И означать оно могло только одно: "Можете их предупредить!"

Те, кто может опасаться публикации доклада: Артюр Нику, находящийся пока в Брюсселе, политики и вообще любой, замешанный в клерфонском деле, - отныне знают, что Маскулену достаточно шевельнуть пальцем, чтобы опорочить их и навсегда погубить карьеру.

В гостиной наступило молчание. Особой гордости Мегрэ не испытывал.

- Через несколько месяцев, когда все забудется, я подам в отставку и вернусь в Ла-Рош-Сюр-Йон, - пробормотал Пуан.

- Правда? - воскликнула его жена.

- Клянусь.

И уже ни о чем другом не думая, г-жа Пуан тихо радовалась: муж для нее был дороже всего на свете.

- Я могу позвонить Алену? - спросила Анн-Мари.

- А не поздно? - усомнилась г-жа Пуан.

- Тебе не кажется, что новость стоит того, чтобы его разбудить?

- Если ты так считаешь...

Она, очевидно, не могла еще осознать все до конца.

- Не выпьете чего-нибудь? - тихо спросил Пуан, неуверенно взглянув на Мегрэ.

Их взгляды встретились. Снова у комиссара возникло ощущение, что они с Пуаном похожи, как братья. У обоих был одинаково грустный и застывший взгляд, одинаково опущены плечи.

Стакан вина был только поводом, чтобы посидеть минутку друг против друга. Анн-Мари говорила по телефону:

- Да... Все кончено... Сообщать об этом еще рано... Надо, чтобы папа сам преподнес им этот сюрприз с трибуны...

Что могли сказать друг другу Мегрэ и Пуан?

- Ваше здоровье!

- Ваше, господин министр!

Госпожа Пуан вышла из комнаты. Анн-Мари вскоре последовала за ней.

- Пойду спать, - пробормотал Мегрэ, поднимаясь. - А вам это еще нужнее, чем мне.

Пуан как-то неловко протянул Мегрэ руку, словно это был не обычный, банальный жест, а проявление чувства, которого он стеснялся.

- Спасибо, Мегрэ.

- Я сделал все, что мог.

- Да Они направились к двери.

- Знаете, я тоже отказался пожать ему руку... И уже на пороге, прежде чем повернуться к Пуану спиной, Мегрэ добавил:

- И все-таки когда-нибудь он свернет себе шею .